

ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

III

2017

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3

<i>Свидетельство о регистрации</i>	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
<i>Периодичность</i>	4 раза в год
<i>Учредитель/Издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Е-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, ректор университета Сорбонны, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, Rector, Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mulfrid Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Геляева А.И., Гукепшочков М.Х., Дзамихов К.Ф.,
Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х.,
Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С.,
Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г.,
Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А.,
Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I.,
Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.,
Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L.,
Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh.,
Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B.,
Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ***ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*****Боров А.Х.**Проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении **12-40*****ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА*****Дзамихов К.Ф., Варивода Н.В.**Касоги и обезы в древнерусской исторической традиции и фольклоре **41-56****Азикова Ю.М.**Беслан Тучный в героических песнях и исторических преданиях кабардинцев: образ власти и властителя **57-75****Максимчик А.Н.**Историко-партийные концепции присоединения Северного Кавказа к России в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг. **76-96****Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.**Вузовское историческое образование в Кабардино-Балкарии: начальный этап становления (1934-1953) **97-119****Мурзаханов Ю.И.**Холокост и горско-еврейские общины **120-127****Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М.,****Гарсаева М.М., Ахматханова Л.Х.**Элистанжой: историко-этнографический эскиз **128-139****Коновалов А.А., Кумахова З.Х.**Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований **140-154*****ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА*****Чекалов П.К.**Литературный институт в судьбах абазинских писателей: Микаэль Чикатуев, Мира Глябичева, Керим Мхце **155-172*****ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*****Ошроев Р.Г.**Профилактика и противодействие экстремизму в современном российском обществе как научная проблема (на примере Кабардино-Балкарии) **173-187**

ПЕРСОНАЛИИ

Колесникова М.Е.

И.В. Бентковский – секретарь Ставропольского статистического комитета **188-208**

—————
Наши авторы

209-210

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS OF REGIONAL DEVELOPMENT**Borov A.H.**The problem of cultural-historic synthesis in caucasian studies **12-40*****HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS*****Dzamirov K.F., Varivoda N.V.**Kasogs and obesa in ancient russia's historical tradition and folklore **41-56****Azikova Yu.M.**Beslan the Fat in heroic songs and historical legends of kabardins: the image of power and the ruler **57-75****Maksimchik A.N.**Historical-political conceptions of the North Caucasus accession to Russia in the soviet historiography from the 1920-s to the beginnings of the 1940-s **76-96****Muratova E.G., Ortanova Yu.A.**Higher historical education in Kabardino-Balkaria: initial stage of formation (1934-1953) **97-119****Murzakhanov Yu.I.**The holocaust and the mountain jewish communities **120-127****Garsaev L.M., Garasaev A.M.,****Garsaeva M.M., Akhmatkhanova L.Kh.**Elistanzhoy: historical and ethnographical sketch **128-139****Konovalov A.A., Kumakhova Z.Kh.**XIXth century circassian woman's world-picture: methodology and lines of research **140-154*****LANGUAGES, FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS*****Chekalov P.K.**The institute of literature in the destinies of the abaza writers: Mikael Chikatuev, Mira Tlabicheva, Kerim Mhtse **155-172*****PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY*****Oshroev R.G.**Prevention and counteraction to extremism in modern russian society as a scientific problem (the case of Kabardino-Balkaria) **173-187**

PERSONALITIES

Kolesnikova M.E.

I.V. Bentkovsky – secretary of Stavropol statistical committee

188-208

Our authors

209-210

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В КАВКАЗОВЕДЕНИИ

А.Х. Боров

Постановка проблемы

В конце XX – начале XXI в. Северный Кавказ занял место в общественных дебатах и представлениях, далеко превосходящее по значимости его удельный вес в территории, населении и экономике страны. Причины очевидны. Это – кризисный и конфликтный характер протекания в регионе социально-политических процессов на переходе от советской к современной государственности России; распространение и отчасти укоренение на социокультурной почве Северного Кавказа негативных элементов современного глобального развития – этнических конфликтов и сепаратизма, религиозного фундаментализма и экстремизма, терроризма; обусловленное всей совокупностью указанных выше обстоятельств, превращение региона в источник и «проводник» многообразных угроз для безопасности российского общества и государства.

Наследие кризисного переходного периода в 2010-е гг. выражается в том, что содержание и направленность «кавказской политики» России остается объектом противоборства различных идейно-политических течений. Публичное обсуждение проблем Северного Кавказа идет, как правило, в рамках трех общих подходов. Либерально настроенные аналитики в России и на Западе, а также представители международных организаций акцентируют вопросы обеспечения прав человека в регионе. Аналитики и политические деятели, исходящие из приоритетности державно-национальных интересов России, выдвигают на первый план задачи обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Интеллектуалы, представляющие этнические группы и республики Северного Кавказа, подчеркивают интересы и права народов региона в сфере сохранения своей этнической идентичности, языка и национального культурного наследия.

Во всех этих случаях в качестве явной или неявной посылки присутствует представление, что источником проблем, противоречий и конфликтов в регионе является его этнокультурное и конфессиональное своеобразие, его «инаковость» по отношению к основной культурной матрице современной России. Устойчивость ссылок на особую, даже уникальную природу Северного Кавказа как российского региона бросается в глаза при самом поверхностном обзоре периодики и специальной литературы. Подобные суждения являются общим местом не только в публицистических и паранаучных работах этноцентристского толка, но и в академических исследованиях, выполненных с объективистских позиций [50, с. 10-12; 40, с. 5]. Наряду с этим практически все

участники текущих обсуждений северокавказской тематики ссылаются на исторические корни современных коллизий и проблем.

Таким образом, культура и история на равных присутствуют в общественно-научном дискурсе по поводу Северного Кавказа. Попытки смоделировать перспективу развития региона на ближайшие 25-30 лет, подчеркивал академик А.В. Торкунов на конференции с характерным названием «Кавказ в российской политике: история и современность», требуют ретроспективного анализа событий и тенденций последних 150-200 лет [42, с. 8-9]. Нет сомнения, что необходимым элементом фундаментализации научных подходов к современным проблемам является их включение в широкий культурно-исторический контекст. Вопрос заключается в том, как реализовать этот подход?

Чаще всего наблюдаются попытки непосредственного обращения к эмпирическому материалу северокавказской истории для указания на истоки тех или иных явлений и проблем, выборочное и инструментальное использование фактов, проецирование на будущее коллизий и решений прошлого. Но было бы нереалистичным ожидать, что события и явления прошлого, сколь бы полно они ни были изучены, получают однозначное толкование и приведут всех субъектов текущего политического процесса к согласию относительно будущего Северного Кавказа. Выбор между различными программами актуального развития региона и «проектами» его будущего будет осуществляться на концептуальном уровне. Важно обеспечить условия «коммуникативной рациональности» в этом процессе, т.е. взаимопонимания и диалога между ними.

Этими обстоятельствами обусловлена цель данной статьи – выяснение возможностей подведения единого концептуального базиса под исторический (ретроспективный) и актуальный (перспективный) анализ проблем исторического развития Северного Кавказа. Непосредственные задачи исследования состоят в реконструкции, типологизации и концептуальном анализе моделей представления культурно-исторической специфики региона в отечественном кавказоведении конца XVIII – начала XXI вв., и на этой основе – в определении требований к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона.

Северный Кавказ в просветительско-географической картине мира

Исходным пунктом анализа в рамках данной статьи являются те представления о культурно-исторической специфике Северного Кавказа, которые обнаруживаются в исследованиях и материалах академических экспедиций последней трети XVIII в. «Екатеринин век впервые озарил сию страну светом истины», – писал о Кавказе С. Броневский в 1810 г., имея в виду, прежде всего, «сокровища, извлеченные Гильденштедтом, Гмелиным и Палласом из темных Кавказских вертепов» [32, с. VIII].

Первоначальный импульс познавательного интереса был задан вполне практическими обстоятельствами. «Так как Россия имеет отношения с этими

народами в течение трех столетий, то я считал своим двойным долгом ... пролить столько света в эту темноту, сколько это будет возможным для меня», отмечал И.А. Гильденштедт в начале 1770-х гг. [12, с. 224] А издание краткого систематизированного свода материалов его экспедиции в 1809 г. уже обосновывалось тем, «чтобы сообщить Российской публике Географические и Статистические известия о Грузии и Кавказе из Гильденштедтова путешествия, в такое время, когда сии во многих отношениях еще неизвестные страны присоединились к Российскому государству, наипаче в кратком извлечении, которое тамошними чиновниками несомненно может употребляемо быть с пользою» [11, с. 6].

Возникавший в этих материалах культурно-исторический образ Кавказа представлял собой его отражение в зеркале европеизированного просвещенного сознания. При этом полагалось, что именно рациональное европейское сознание может преодолеть познавательные трудности и дать народам Кавказа истинное знание о них самих, поскольку «невежество, частью дикость самих народов и незначительность многих из них сохранили их в такой темноте, что о старине знали мало и еще меньше что-то достоверное, и многие почти не знали своего названия, которое также еще было искажено» [12, с. 224].

Следующая черта этой модели – представление культурно-исторической специфики региона в контексте географического познания Кавказа, дающего «сведения о политическом и гражданском состоянии тамошних народов, равно как о физических качествах страны, примечательной положением своим между Европой и Азией» [32, с. VII]. Кавказ в рамках такого дискурса, прежде всего, неведомая доселе «страна». Историческое измерение в первоначальном познании региона было выражено относительно неярко. Здесь сказывалось и объективное состояние источниковой базы, и преимущественная установка на описание, но не объяснение «наблюдаемой» социально-политической и культурной ситуации этой «страны».

Главная содержательная характеристика социокультурного образа Кавказа – дробность и огромное внутреннее многообразие его культурно-лингвистического и социально-политического пространства. «В Кавказских горах находится большое число меньших и больших остатков народов и их скопищ», констатирует И.А. Гильденштедт, обитают они «в почти бесчисленном количестве округов и уездов, которые частью друг с другом имеют отношения, частью полностью [живут] сами по себе, и обитатели их говорят на чрезвычайно различных языках, являются то подданными деспотов, то без начальства и состоят только [под властью] выбранных ими самими старейшин, не знают ни законов, ни послушания» [12, с. 224].

Вместе с тем, в рамках рассматриваемой модели реализовалось стремление определенным образом упорядочить материал наблюдений и описаний, привести его в систему. Делались попытки положить в основу первоначальных систематизаций комплексные критерии, но фактически определенность и устойчивость давали только этнолингвистические признаки. «С помощью собранных и сравненных образцов языка, наблюдений и сравнения государственных устройств, исторических обстоятельств,

физического сходства и т.д. [выяснилось], что различные диалекты сводятся к немногим коренным или родственным языкам, и точно так же [можно свести] многочисленные толпы народов к немногим нациям и множество уездов и округов к немногим провинциям», – характеризовал свой метод И.А. Гильденштедт [12, с. 224]. В итоге он выделил на Северном Кавказе укрупненные провинции, соответствовавшие областям расселения карачаево-балкарцев (Басиания), адыгов (Черкесия), осетин (Осетия), вайнахов (Кистия), дагестанских народов (Лезгистан).

Первоначальная «просветительская» и «географическая» модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа оставляла без ответа очевидные вопросы. С одной стороны, было неясно, чем помимо географической близости объединяются столь различные в этнокультурном и социально-политическом плане общности региона. Общее определение «горские», применявшееся ко всем этим общностям, само по себе не несло концептуализации или типологизации их культурно-исторической специфики. С другой стороны, идентификация более или менее широких этнолингвистических общностей и элементов сходства их социокультурных систем мало что давали для объяснения различий в их социальной организации и социальных практиках. Все это не имело большого значения, пока речь шла только о первоначальном знакомстве с народами региона. Но когда возникли задачи их подчинения военно-административному контролю и управлению, кавказоведение получило толчок к дальнейшему развитию.

Политико-этнографическая модель: «открытие другого» как элемент военно-политического планирования

Современные исследователи указывают, что завоевание Кавказа Россией шло вместе со становлением российского кавказоведения. М.О. Косвен подчеркивал, что к началу XIX века этнография Кавказа находилась лишь в зачаточном состоянии. Начало более интенсивного, затем все усиливающегося собирания этнографических данных по всем районам Кавказа, шаг за шагом входивших в сферу русского политического и культурного влияния, он связывал с 1801 годом – датой присоединения к России Грузии [26, с. 289-290].

В качестве особой примечательной черты развития российского кавказоведения в первой половине XIX в. можно отметить следующее. Входя в общее академическое пространство российской историографии, оно как бы специализировалось на выполнении одной из социальных функций исторического познания, которую современные методологи обозначают как «открытие Другого» [38, с. 375-381]. Если в современном культурно-идеологическом контексте установка на познание «Другого» является выражением гуманистической составляющей науки, ее антропологической ориентации, то в условиях Кавказской войны она выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника. С. Броневский считал знания о Кавказе «наипаче нужными для Русских Офицеров в том краю служащих» [32, с. IX].

Соответственно этому, основной вектор научных поисков был направлен не на общую характеристику «страны» или выработку широких культурно-исторических обобщений, а на углубление и детализацию этнографических наблюдений, раскрывающих специфику отдельных «народов» и, шире, любых социокультурных субъектов и социально-территориальных единиц, образующих этносоциальное пространство Северного Кавказа. Запросы военной и административной политики государства служили важнейшим стимулом для этого, и в 1840-е гг., когда Кавказская война была еще в самом разгаре, «высшие российские власти пытались как можно точнее уяснить себе характер местного права и общества у новых мусульманских подданных Империи на Кавказе» [10, с. 147-148].

Таким образом, была сформирована модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа, которую можно определить как политико-этнографическую. Она представляла собой развитие просветительно-географической модели. В сжатом виде ее основные элементы сформулировал академик Н.Ф. Дубровин. Он начинает свой известнейший капитальный труд по истории войны и владычества русских на Кавказе с обоснования необходимости предварить изложение военных событий изучением административного устройства и характера населения воюющих сторон. Но если в европейских государствах то и другое основано на близких, почти одинаковых началах, то среди «племен азиатских, а в особенности тех, которые стоят на низкой ступени развития и даже находятся, можно сказать, в патриархальном и первобытном устройстве, такое изучение администрации обществ и народного характера становится необходимым для каждого отдельного племени», и это с «должно быть с особым вниманием применено и по отношению к Кавказу», в силу разнообразия местных нравов и обычаев. С другой стороны, «изучение народного характера важно и для администратора, чтобы крутым поворотом не нарушить прежних привычек народа», что часто, «особенно на Кавказе», служило причиной волнений и вооруженных восстаний. Приведя конкретные примеры, иллюстрирующие эту мысль («Почему те же черкесы очень редко защищали аул, тогда как жители Дагестана, напротив, оборонялись в своем селении слишком упорно?»), Н.Ф.Дубровин еще раз подчеркивает «необходимость этнографического описания, долженствующего предшествовать изложению военных действий и исторического хода распространения русского владычества в крае» [16, с. 11-14].

Социокультурная «инаковость», неевропейская природа народов Северного Кавказа в политико-этнографической интерпретации основаны на стадильной характеристике их «общественного быта». Первое, что здесь бросается в глаза – это констатация отсталости общественного развития горских народов, их пребывания в состоянии «первобытности», «младенчества» и отсутствия элементов цивилизации.

Наряду с исследованием традиционных (самобытных и устойчивых) форм хозяйства, социальной и культуры политико-этнологический подход предполагал и анализ текущих этносоциальных процессов и политико-

идеологических трансформаций в местных обществах. Такова исследовательская установка К.Ф. Сталя в «Этнографическом очерке черкесского народа»: «Современная жизнь горских народов крайне поучительна для всякого наблюдательного ума. Горские народы Кавказа переживают в настоящее время трудную эпоху политического и религиозного преобразования, сопряженного как всегда и везде, с внутренними смутами, внешнею войною и упадком старых преданий и обычаев». И вновь ярко проявляется связь познавательного интереса с насущным политическим интересом российского общества и государства: «Этот политический переворот в обществе горском, остававшемся с незапамятных времен в состоянии совершенной неподвижности, переворот, усиленный и сопряженный с религиозным фанатизмом, сделал войну горцев против нас гораздо важнее и кровопролитнее, породил для нас большие трудности и отсрочил успокоение края на довольно продолжительное время» [41, с. 187].

Восприятие и трактовка авторами XIX в. вопросов «общественного быта», т.е. типов общественного устройства, социальных структур, институтов власти и управления у народов Северного Кавказа, не могут быть корректно оценены без учета решаемой ими политической сверхзадачи – отыскания эффективных способов покорения и управления этими народами. Это обстоятельство отражало не только политическую ангажированность и соответствующую ограниченность взглядов первого поколения российских кавказоведов, но и ту реальную историческую ситуацию, в которой находились народы региона, в которой осуществлялась их социальная практика, функционировали, воспроизводились и видоизменялись социальные институты, регулирующие их жизнедеятельность.

В рамках политико-этнографического подхода продолжалась работа по «статистическому описанию народов» региона, его подробное этносоциальное и этнополитическое «картографирование». Первоначальная фиксация географического распределения этнолингвистических и этносоциальных общностей перестает удовлетворять. «Некоторые писатели, исследовавшие Кавказ, разделили жителей его на столько отдельных народов, сколько им представилось отдельных племен и их названий», – отмечал Л.Я. Люлье [31, с. 47]. Но и последующие попытки уточнить и прояснить соответствующие представления наталкиваются на неразработанность терминологического аппарата этнографических описаний, отсутствие четких определений таксономических единиц. В текстах авторов XIX в. (может быть за исключением Е.П. Ковалевского) нет определенной иерархии понятий «народ» или «народность», «племя», «колена», «отрасль», наблюдается их произвольное «авторское» использование [23, с. 262].

Еще более знаменательно тесное переплетение этнической и социально-политической номенклатуры в статистико-географических описаниях Северного Кавказа. Как правило, описание того или иного «народа» дополняется указанием на ряд «обществ», из которых он состоит. Само понятие «народ» без дополнительных разъяснений порой употребляется в одних и тех же текстах и в этнографическом значении (как культурно-лингвистическая

общность) и в социально-политическом значении (как население образующее самостоятельную социально-потестарную единицу или как население подвластное какому-то определенному правителю).

Здесь важно не указать на «путаницу взглядов», а отметить, что в них отразилась сложная конфигурация социально-этнических образований, в пределах которых возможен содержательный анализ взаимоотношений общества и власти. С другой стороны здесь отражена специфика включенности индивида в систему социальных связей, определявшая его самосознание (идентичность), мотивацию и формы социального действия. К.Ф. Сталь фактически описывает и объясняет то, что сегодня обозначили бы как специфику структур идентичности, когда ставит вопрос «каким образом проявляется в горском обществе любовь к родине». У горцев, «раздробленных на маленькие независимые общины», нет «общего отечества, преследующего какую-нибудь высокую, осознанную цель». Любовь к родине у них «проявляется бессознательно привязанностью к месту рождения, к обычаям, которые он считает лучшими в мире». «Горец гордится своею родиною, потому что в этом микроскопическом государстве он не последний человек, он играет более или менее важную роль как князь или старшина, или наездник, или язык народа (оратор)» [41, с. 224-226].

Но уже в ходе Кавказской войны наблюдатели и исследователи фиксировали важные сдвиги в структурах идентичности горцев. Они были связаны с военным продвижением России, распространением ислама, падением роли или ниспровержением власти аристократии. В результате, полагал еще А.И. Барятинский, «населения, которые до тех пор были раздроблены на отдельные общины» «слились в одну духовную национальность», что сделало возможной централизацию духовной и светской власти в имамате. Те же факторы на Северо-Западном Кавказе вели к тому, что чуждые друг другу и даже враждебные общины стали заключать между собой союзы и договоры, «и таким образом черкесы союзнились и явился у них общий интерес» [18, с. 406-407; 41, с. 264].

Особенностью трактовок общественного строя народов Северного Кавказа в историко-этнографической литературе XIX в. является тесная и в то же время амбивалентная взаимосвязь социальных структур и систем власти и управления. Следует помнить, что почти до конца XIX в. продолжала господствовать идущая из античных времен традиция фактического отождествления общества и государства. В качестве синонимов употребляет понятия «общественное устройство» и «политическое устройство» Н.И. Карлгоф. Вместе с тем, он исходит из того, что у кавказских племен «политическое устройство не составляет исключительной особенности их, а принадлежит всем младенчеству народам», будь то древние германцы или «нынешние дикари Северной Америки» [20, с. 104, 112].

Указаниями на отсутствие у горцев Северного Кавказа «правительства» или «исполнительной власти», «общественных властей», «администрации», на «безначалие» и «анархию» пестрят почти все работы авторов XIX в. Но наряду с этим ставится вопрос о «формах» или «образе» правления, о «внутреннем

управлении», об «организации власти» и т.д. Они пытались применить к анализу систем власти в северокавказских обществах категории европейской политической теории. С.М. Броневский писал о том, что на Кавказе встречаются все три основных вида правления, известные с античных времен, – монархия, аристократия и демократия. Но при этом подчеркивал, «смещение оных чрезмерно наипаче двух первых видов» [32, с. 38]. И.Ф. Бларамберг, обобщивший большую часть накопленных к началу 1830-х годов знаний о народах Кавказа, пришел к выводу, что на Кавказе «известны только две формы управления – аристократия и демократия», так как Шамхал Тарки, ханы аварские и казикумухские, элисуыйский султан именуются монархами, но они монархи скорее по названию, чем фактически». Вслед за С.М. Броневским, он считал, что монархическая и аристократическая формы управления «могут быть осмыслены на Кавказе под названием более верным – феодализм, потому что ханы и князья разделяют власть с их вассалами и различие заключается только в степени власти и могущества, которыми каждый из них обладает» [6, с. 38-39].

Весьма характерно, что формы управления в «аристократических» обществах раскрываются только через анализ их сословной структуры, сословного статуса, прав и привилегий владетельных князей. При этом все авторы указывают, что власть князя не является безусловной, а зависит во многом от его личного авторитета, подкрепляемого военной доблестью, умом и красноречием. В «демократических» обществах власть «старшин» также зиждется на их возрастном статусе и личном авторитете. Даже народное собрание как «высший орган власти» не обладает инструментами принуждения, для проведения в жизнь воли большинства. В этих условиях единственный механизм проведения в жизнь властной воли и поддержания порядка в обществах Северного Кавказа – это обычай.

Политико-этнографический подход оказался весьма плодотворным и оставил последующим поколениям кавказоведов огромный материал, до сих пор питающий историко-этнографическую мысль. Но масштаб концептуальных поисков был лимитирован ориентацией на достижение лишь политико-административных результатов. Между тем, с завершением Кавказской войны государственный интерес сместился с целей установления преимущественно внешнего контроля на задачи регулирования внутренних для местных обществ поземельных и социальных отношений.

Социоисторизм в позитивистском и марксистском вариантах

Примерно с середины XIX в. изучение социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа становится предметом преимущественного интереса российских кавказоведов. Подготовка и проведение либеральных преобразований 1860-70-х гг. подкрепили этот интерес и стимулировали либерально-просветительские подходы.

Познавательные предпосылки становления новой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа создавались

накоплением этнографического материала о народах региона, профессионализацией сферы научного изучения Кавказа, превращением его в интегральную часть академической науки в условиях становления научного историзма и роста влияния позитивистской теории социальной эволюции. Базовая черта этой модели – социоцентризм, т.е. превращение общества, социальной структуры и социальных отношений (познаваемых через систему обычного права) в предмет преимущественного интереса и в основной элемент концептуализации культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

Перед кавказоведением ставятся более сложные задачи, связанные с преобразовательной практикой. Видный деятель российского либерализма и выдающийся ученый М.М. Ковалевский указывал, что изучение обычного права горцев Северного Кавказа имеет значение «одновременно и теоретическое и практическое». «От их скорейшего решения зависят, на наш взгляд, и дальнейшие успехи кавказоведения и выполнение принятой нами культурной миссии на Кавказе...Этнография и история обязаны на этот раз придти на помощь законодательству и судебной практике, выясняя им тот путь, по которому они должны идти, имея в виду интересы общественного возрождения края», – писал он [24, с. VI].

В рамках социоисторической модели переформулируются и заново ставятся традиционные вопросы. Анализ эмпирического материала подчиняется решению общих теоретических вопросов социальной эволюции. По Ф.И. Леонтовичу кавказские обычно-правовые материалы (адаты) представляют немаловажный научный интерес для сравнительного правоведения. В обычном праве кавказских горцев «в большинстве стоящих на низких ступенях общественного развития сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов» [28, с. 17]. М.М. Ковалевский был убежден, что результатами изучения Кавказа со стороны обычного права населяющих его народностей будут восполнение и исправление тех учений о древнейшем праве и учреждениях, которые пользуются всеобщим признанием, в частности, видоизменение ходячих представлений «о так называемом феодальном быте» [25, с. 137].

Соответственно этому снижается интерес к изучению традиционных форм правления у народов Северного Кавказа, тем более что по завершении Кавказской войны все функции власти и управления в регионе сосредотачиваются в руках российской администрации. На смену традиционной для первого поколения российских кавказоведов дихотомии: «аристократические» или «демократические» народы, основанной на различии форм правления, приходит дихотомия «феодальный» или «родовой» строй. При этом если авторы первой половины XIX в. не сомневались, что на Кавказе существуют как аристократические, так и демократические общества, и что между ними имеются реальные различия, то иначе выглядят дискуссии конца XIX в. о феодализме на Северном Кавказе. Сторонники признания феодализма у народов Северного Кавказа, с одной

стороны, типологически уподобляли «горский феодализм» феодализму европейскому, а с другой, подчеркивали, что феодальные отношения характеризовали общественное устройство лишь некоторых народов Северного Кавказа [15, с. 699-700]. Критики концепции феодализма на Кавказе считали невозможным вообще говорить о феодализме применительно к местным обществам, поскольку не усматривали здесь важнейшего его признака – частной поземельной собственности. Общественный строй всех северокавказских народов подводился ими под категории архаической системы, сочетавшей начала родовой и территориальной общинной организации [28; 2; 49; 29].

Совокупность аграрных и социальных преобразований эпохи реформ 1860-70-х гг., равно как ход и результаты дальнейшей социально-культурной эволюции народов Северного Кавказа в дореволюционный период не успели стать объектом академического интереса историков. Хотя современные специалисты говорят порой о дореволюционной историографии реформ и пореформенного развития в регионе, подавляющее большинство анализируемых ими текстов представляет собой обнародование сводок официальных документов и подготовительных материалов сословно-поземельных комиссий, осуществленное чиновниками кавказской администрации. Другая группа работ – это публикации в периодической печати, среди которых следует выделить тексты, исходящие от представителей местной просветительской интеллигенции [27; 36]. В концептуальном плане дореволюционная литература по проблеме дифференцируется в зависимости от имеющихся в ней оценок адекватности и эффективности проведенных аграрных и социальных преобразований.

Прежде всего, следует отметить, что базовым понятием для дореволюционных авторов является не «реформа», «преобразование», «переустройство», а «устройство поземельного быта» и «решение сословного вопроса» у горцев Северного Кавказа. В этом отразилось то обстоятельство, что выяснение структуры поземельных и сословных отношений у народов региона их «реинтерпретация» в терминах российского права, были необходимым условием, а по сути, частью самих преобразований 1860-1870-х гг. Основным результатом реформ оказывалось утверждение в крае формально определенного, понятного российскому обществу и властям порядка в социальных и поземельных отношениях.

Главные споры шли вокруг вопроса, адекватно ли определено соотношение частновладельческих и общинных начал в землевладении у тех или иных народов, но в оценках доминировало признание того, что правительство сумело нащупать разумный компромисс между этими началами, между интересами привилегированных и зависимых сословий [28]. Молчаливо подразумеваемый критерий оценок эффективности преобразований лежал в прошлом, в опыте Кавказской войны. Реформы воспринимались как средство поддержания умиротворенного состояния края.

Сложность и неоднозначность отражения процессов Российской модернизации на Северном Кавказе, трудности выработки способов и методов

адаптации традиционного общества к условиям индустриальной цивилизации получили адекватное осмысление у представителей северокавказской просветительской интеллигенции. В их трудах историческая ситуация пореформенного периода предстает как ситуация «встречи» отставшего традиционного общества с сильным родовым началом, всецело жившего натуральными формами хозяйства, с европейской цивилизацией, ситуация включения аграрного по преимуществу региона в мировой процесс буржуазного развития (через российский рынок). Наиболее разработанную концепцию социально-культурной эволюции горских обществ дал А.Г. Ардасенов. Он показал, что, горские общества оказались в сложнейшем переходном состоянии, в некоей устойчивой промежуточной ситуации между двумя цивилизациями: традиционной и современной [4, с. 160].

Оформившаяся к концу XIX в. проблематика типа и уровня общественного развития народов Северного Кавказа была, по сути, напрямую унаследована советской историографией. Методологический канон марксизма, разумеется, резко противостоял позитивизму в том, что касалось понимания диалектики производительных сил и производственных отношений, классовой борьбы и социальной революции как движущих сил исторического процесса. Но было и общее с позитивизмом в познавательных установках: ориентация на выявление сущностного единства всемирно-исторического процесса, воплощенного в универсальных законах и общей направленности социальной эволюции.

Марксистский социоисторизм советской эпохи насчитывает несколько десятилетий развития и за это время он претерпел существенные изменения. В 1920-е гг. доминировала установка на культурно-историческую унификацию предмета исторического кавказоведения с общим содержанием социально-исторического процесса. М.Н. Покровский, указывая, что различные по языкам горские народы «не более походили друг на друга своим общественным строем», отмечал, вместе с тем, что черкесы, населявшие западную половину Кавказского хребта представляют «резко бросающееся в глаза – и давно отмеченное» сходство с средневековой Европой. Более того, он полагал, что в XVIII в. черкесское общество переживало эволюцию, аналогичную тому, что происходило в недрах европейского «старого режима». Свержение господства дворян, например у шапсугов, в конце XVIII в. было по М.Н. Покровскому логическим завершением этой социальной эволюции [33, с. 197-198]. В данном случае имело место не столько исследование, сколько «прочтение» черкесской истории сквозь призму марксизма.

Одновременно развивается подход, нацеленный не только на подведение социальных форм бытовавших на Северном Кавказе под общие формационные категории, но и на выявление присущих им специфических черт. В 1934 г. Н. Лихницкий и Н. Покровский в явном виде сформулировали «большую проблему» советского кавказоведения – проблему «своеобразия докапиталистических отношений у горцев» [30, с. 100]. Во всем развитии исторического кавказоведения до самого конца советской эпохи «большая

проблема» стадияльно-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа сохраняла свое ключевое значение.

Вплоть до 1950-х гг. наблюдался значительный разброс в оценках между полюсами родового устройства и зарождения элементов капитализма в тех или иных обществах. Но к концу десятилетия утверждается относительно «сбалансированное» представление общественного строя практически всех народов Северного Кавказа к началу XIX в. как сочетавшего в том или ином соотношении феодальные и патриархальные начала [46, с. 133]. Но тем самым отнюдь не снималась «большая проблема» советского кавказоведения. В практике исследований и в обобщающих интерпретациях она проявлялась в том, что «феодальное» было тем, что ученые искали, а «патриархально-родовое» – тем, что они не могли игнорировать в общественном строе народов региона.

Часть трудностей, которые при этом возникали, вполне осознавалась исследователями. Изучение данного вопроса крайне затруднено двумя обстоятельствами, – указывал А.В. Фадеев на рубеже 1950-1960-х годов, – «во-первых, тем, что феодальная собственность на землю у горцев складывалась на основе фамильного владения, что затушевывало частный характер присвоения земли, а во-вторых, пребыванием феодалов в составе сельских общин, в результате чего захват ими общинных земель нередко имел форму, так сказать, законного, с точки зрения общинного права, выделения земли в пользование» [47, с. 285].

В дальнейшем исследователями было сделано немало, чтобы наполнить формационные категории конкретным социально-правовым содержанием, привязанным к условиям различных хозяйственно-культурных ареалов. С точки зрения описания и анализа социальных отношений ключевое значение имело все более углубленное и детальное изучение обычного права народов Северного Кавказа. С точки зрения объяснения специфики формирования и функционирования феодальной собственности на землю упор делался на характер экономического базиса (типы и соотношение земледелия и скотоводства, обусловленные, в свою очередь, природно-географическими факторами). Но, в конечном счете, вся эта работа сводилась к развернутым иллюстрациям, подтверждению и частичным уточнениям устоявшейся концепции.

Таким образом, к концу 1960-х годов, накопление конкретно-научных результатов в изучении общественного строя народов Северного Кавказа сочеталось с концептуальным застоєм. В этом сказывалось наличие познавательных трудностей, не осознававшихся или, во всяком случае, не обсуждавшихся тогда в советском кавказоведении. Логика ортодоксально-марксистского подхода придавала статус первичной «вещной» реальности категориям формационной теории, по сравнению с которыми изучаемое локальное общество оказывалось вторичным, долженствующим соответствовать элементам и этапам формационного развития и межформационных переходов. С другой стороны, любые элементы, формы, стороны конкретного общественного организма должны были (по крайней

мере, генетически) иметь определенную формационную принадлежность. Их осмысление происходило не столько через синхронные связи и функциональные зависимости в рамках данной социальной системы, сколько через определение их координат в диахронной схеме движения общественно-экономических формаций. В итоге то, что собственно выражало историческую индивидуальность, самобытность общества, трактовалось как внешнее, «маскирующее» его подлинную формационную сущность.

В конце 1970-х и в 1980-е годы наметились две линии плодотворного развития подходов и концепций советского кавказоведения, результаты которого не нашли законченного выражения.

Первая из них связана с выдвиганием концепции «горского феодализма». Нас здесь интересует не конкретное наполнение этой концепции, а принципиальная новизна подхода. Она состояла в том, что построение данной модели шло не от системных категорий формационной теории к локальной специфике их воплощения, а от эмпирически фиксируемых черт хозяйственной и социальной организации к установлению их системной целостности. Те или иные формы хозяйствования (скажем, альпийское скотоводство), родовые структуры (большая семья), территориальная организация (сельская община), военно-демократические и военно-аристократические институты и т.д. рассматривались с точки зрения их функциональной роли в поддержании устойчивости общества, а не в качестве «пережитков», «зародышей» или «ведущего уклада», выражающих общую формационную динамику [34].

Вторую линию формировали исследования, направленные на целостное и системное представление определенных социально-территориальных единиц. Таковыми первоначально представлялись сельские общины. И здесь новизна подхода была связана с отказом от попыток найти общине определенное место на переходе от первобытности к классовому обществу. Вместо этого детально анализировались механизмы функционирования и воспроизводства общины в качестве целостной социальной единицы [22, с. 133-147].

Историография реформ 1860-1870-х гг., пореформенного развития и эпохи социализма в истории народов Северного Кавказа, сложившаяся в рамках марксистского социализма дает очень мало материала для решения проблемы культурно-исторической специфики региона. В концептуальном плане она строится на постулировании единства содержания общей и региональной политики государства в эпоху реформ, революций и социалистического строительства, общей направленности социально-экономического развития центра страны и ее северокавказской окраины в эти периоды при наличии определенных особенностей в том и другом случае. К данным областям исследований советского исторического кавказоведения применим вывод современных авторов: «В поздней советской науке явно назрел историографический кризис» [39, с. 323].

В новейшей литературе проблематика стадияльно-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа сохранила высокую степень преемственности по отношению к историографической традиции, как советской, так и дореволюционной. В центре внимания

исследователей вопрос об «уровне» общественного развития, а более конкретно – о степени зрелости и особенностях феодализма. Но с точки зрения подходов и результатов исследований наблюдаются значительные сдвиги в решении «большой проблемы» советского кавказоведения – проблемы своеобразия докапиталистического общества на Северном Кавказе.

Плодотворное развитие получили новаторские подходы В.Х. Кажарова к ее решению на материале истории Кабарды. Отправным пунктом его анализа теперь стало определение основной социальной единицы кабардинского общества, территориально соответствующей сельскому поселению (деревне) в качестве вотчины, а не общины. Признание вотчинного структурного принципа основой социальной организации позволяет устранить старые камни преткновения, затруднявшие для советской историографии однозначное решение вопроса о стадийной характеристике феодализма у кабардинцев – фамильный характер землевладения и включенность владельцев в систему общинных переделов пахотных участков [19].

Обсуждение общественного строя народов горного Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа в целом оказалось тесно связано с интерпретацией социальных аспектов Кавказской войны. Оно восходит еще к первой половине 1980-х годов, когда была опубликована статья М.М. Блиева о социальных истоках и сущности Кавказской войны. В работах 1990-х – 2000-х годов он продолжил обоснование и развитие своей концепции [7; 8; 9]. Его оценка общественного строя горцев Кавказа может быть кратко выражена тремя тезисами. Во-первых, основной отраслью хозяйства у всех названных групп было скотоводство, а не земледелие. Во-вторых, соответственно этому не может быть речи о феодализме как достигнутой ими стадии общественного развития. К концу XVIII века здесь только начинаются процессы классового образования и переход от военно-демократических к военно-аристократическим структурам. В-третьих, как и во всех обществах данного типа здесь наблюдается гипертрофированное развитие набеговой практики, превратившейся в основную отрасль хозяйственной деятельности.

Альтернативное видение общественных структур и процессов в наибольшей степени разработано применительно к союзам сельских общин («вольным обществам») Дагестана. Современные ученые в многообразии этнокультурного облика Дагестана как раз и усматривают особую роль общины и рожденных ею общественно-политических структур – союзов общин («вольных» обществ). Концепция известного специалиста по общине горных районов Дагестана М.А. Агларова строится на том, что здесь частная собственность на землю сформировалась как трудовая еще в древности, в эпоху складывания террасных систем. Исходя из этого, он говорит о дагестанской общине как общине новой, вторичной формации. По его мнению, местный джамаат представлял собой объединение не земледельцев, а землевладельцев-граждан, за счет чего сама община обретала значительную прочность и самодостаточность [3, с. 74-75, 87-88, 133].

Давая свою характеристику горско-дагестанского общества в XVIII и в первые десятилетия XIX в., Ю.Ю. Карпов подчеркивает, что «вольные»

общества не были родоплеменными образованиями. Социальная структура «вольных» обществ не отличалась однородностью, имущественная, «силовая» дифференциация между тухумами в большинстве случаев была налицо. Такое явление характерно для обществ, пребывающих на ранних этапах формирования классовых отношений. Для горного Дагестана характерным было сложение феодальной собственности через поглощение ею преимущественно пастбищ, находившихся в общинной собственности, либо «ничейных» – располагавшихся на межобщинных территориях. Однако результаты феодализации социальных отношений, подчеркивает он, не разрушали полноценной функциональности общин. И в целом, в отношении горного Дагестана нет оснований говорить о сложившихся к XIX в. феодальных порядках. Общественная среда там не отличалась однородностью, она была ранжированной, но не классово стратифицированной [21, с. 240-246].

Вместе с тем в работах В.Х. Кажарова, М.А. Агларова, Ю.Ю. Карпова тезисы о зрелости феодальных отношений, об общине как «непервобытной» социальной организации вторичной формации соединяются с признанием застойности и тупиковости феодальной системы в Кабарде, чрезвычайной прочности и самодостаточности общины в нагорном Дагестане, полноценную функциональность которой не разрушали результаты феодализации социальных отношений. С другой стороны, акцентируя динамизм, революционный характер социально-политических трансформаций в обществе горцев Большого Кавказа, М.М. Блиев оценивает их общественные системы как архаичные, соответствующих эпохе военной демократии и зарождения раннефеодальных отношений.

Ю.Ю. Карпов в одной из своих работ говорил о неустранимой диалектике «патриархальных пережитков» и общины, диалектике отношений собственности, специфике статуса феодалов в традиционных горско-кавказских обществах. Глубоко проанализировав проблему особенностей их функционирования в свете истории ее интерпретаций в отечественном кавказоведении, заключал, что дискуссионного в проблеме специфики горских обществ Кавказа остается очень много [22, с. 133-159, 177]. Таким образом, рассматриваемая проблема остается весьма сложной для решения в концептуальных рамках социоисторического подхода в его традиционной интерпретации.

Поиски формы «цивилизационного» представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа

Осознание этой сложности, стремление к концептуальному прорыву было одним из факторов поиска новых парадигмальных оснований исторического кавказоведения в 1990-е и 2000-е годы. Но еще более действенными факторами здесь являлись мировоззренческий кризис всего российского и регионального общественно-исторического знания и притязания местных интеллектуальных элит на утверждение исторической идентичности «своих» сообществ в качестве субъектов регионального и мирового развития, самостоятельных и равных по

культурному и политическому статусу любым иным цивилизациям, нациям и государствам. Отсюда поиски той или иной формы цивилизационного представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Правда, на концептуальном уровне разработку этого подхода осуществляли в большей степени не представители «национальных» историографий, а историки и обществоведы из южнороссийских научных центров. Дискуссии показали, что уже определение границ кавказской цивилизации оказалось весьма проблематичным. Предлагались различные варианты локализации Северного Кавказа в цивилизационном пространстве.

В одном случае постулировалось, что в геополитическом пространстве от Черного до Каспийского морей «исторически формировалась уникально-самобытная целостность социально-политических и социально-экономических отношений культур и народов». «Феномен кавказской цивилизации» выделялся в одновременном сохранении самобытности, внутренней целостности культуры и психологии каждого народа при сохранении на всех этапах истории объективно обусловленной взаимосвязи и взаимозависимости между ними. Сторонники этого подхода усматривали «цивилизационную целостность и историко-культурную близость» армян и азербайджанцев, грузин и абхазов, осетин и ингушей, казаков и горских народов [1, с. 56]. В другом случае высказывалось мнение, что «ни одна из версий цивилизационного подхода применительно к Кавказу (в отличие, скажем, от геополитической парадигмы) не позволяет говорить о Кавказе как о некоей целостности». С момента перехода к цивилизации Кавказ в целом выступает в качестве контактной зоны нескольких региональных цивилизаций (древневосточной, античной, восточно-христианской, исламской), а не становится местом развития общекавказской (что не отрицает общих культурных корней и типологической близости) [48, с. 31].

Выдвигался тезис о самостоятельной северокавказской цивилизации, поскольку народы Северного Кавказа, «вступив на путь цивилизации» сформировали свой особый «способ бытия и развития общества», так что «этот регион, с его разнообразными климатическими условиями, представляет собой довольно интересный объект исследования – как «солнечное сплетение» многих культур и народов, с их многоэтническим характером и сложной исторической судьбой» [5, с. 27]. Другой подход трактовал Северный Кавказ как часть «кавказской горской цивилизации» (вместе с некоторыми районами Закавказья), которая корреспондируется с горскими анклавами в других регионах мира, но отличается от них, прежде всего, своими нравственно-этическими комплексами [48, с. 32].

К цивилизационной модели могут быть отнесены и многочисленные «этноистории», которые строятся на представлениях о глубокой древности, самобытности (или даже «феноменальности») и устойчивости тех или иных этнокультурных и этносоциальных единиц регионального культурно-исторического пространства.

При всем разнообразии пространственных конфигураций тех или иных «кавказских цивилизаций», для объяснения их длительного существования во

времени делались ссылки на один и тот же (или очень близкий) набор факторов и механизмов устойчивого воспроизводства их социокультурной целостности: общность ландшафта в связке «высокогорье-предгорья-равнины», близость материальной и духовной культуры, идентичные моменты национальной психологии, общность исторической судьбы [13, с. 29].

Все представленные выше варианты цивилизационного подхода построены на поиске самобытной, целостной (или хотя бы гомогенной) в социокультурном плане пространственной единицы исторического процесса. Имеются, однако, варианты представления кавказской социокультурной самобытности в сравнительно-типологическом ключе.

О.Н. Дамения интерпретирует кавказский феномен как противоположность «целям бытия человека» в западной и восточной культурах. Архетипы и той и другой несут некую неудовлетворенность наличным бытием. В западной культуре она преодолевается через действия человека по совершенствованию бытия. В восточной культуре человек ищет выход из подобного состояния не вне себя, а в погружении своего сознания в самое себя. Человек кавказской культуры «не испытывал какого-либо комплекса своей духовной неполноценности, отсутствия своей самодостаточности. Он воспринимал себя универсальным существом, был доволен собой и миром, в котором жил, и не ощущал какой-либо нужды в поиске другого, более совершенного бытия... Главное в действиях человека в контексте кавказской культуры – это демонстрация наличного бытия и трансмиссия его в социальное будущее в том виде, в каком оно есть» [14, с. 123]. На первый взгляд здесь кавказская социокультурная идентичность получает свое типологическое место наряду с «западной» и «восточной» цивилизациями. Но если сопоставить эти построения с концепцией Ш. Эйзенштадта о «доосевых» и «осевых» цивилизациях, то оказывается, что они адекватно отражают стадиальную характеристику эвентуальной «северокавказской цивилизации» как традиционной, не выработавшей еще внутренних условий для саморазвития.

Философски изощренный и глубокий по мысли вариант цивилизационной идентификации традиционных этнических культур предпринял Х.Г. Тхагапсоев [43; 44]. Она основана на анализе роли коммуникации в культурном воспроизводстве и, соответственно, коммуникативных особенностей бесписьменных культур: «В бесписьменной культуре все ее смысловое и предметное содержание может транслироваться лишь будучи основанным на устных (акустических), кинестатических и прочих невербальных формах коммуникации, что придает ей субстантивный характер, выражающийся в практически полном совпадении (слитности) традиций коммуникации и континуума значений культуры» [43, с. 51]. Опираясь на разработанную в философии стоиков категорию лектон («то, что может быть выражено в слове»; обозначаемое; идеальный образ предмета, который мы имеем в виду, когда произносим слово), он определяет кавказский тип коммуникации как лектонический. Подразумевается, что предваряющим условием любого действия человека (социума) является соотнесение некоего идеального плана

(того, что может быть выражено в слове) с конкретным своеобразием ситуации и преодоление возникающей при этом многозначности, неопределенности. Достигается это за счет схематизации любого социального действия и культурного акта на основе коллективных усилий социума (т.е. на основе ритуала) [45, с. 170-171]. При этом кавказские этнические культуры оцениваются как креативные и открытые для коммуникации с иными культурами. В целом по сравнению с письменными, историческими (современными) культурами бесписьменные культуры выступают как типологически «иные», но не примитивные.

Данный вариант представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа обладает сильным потенциалом обобщения и объяснения. Но он близок описанным выше вариантам тем, что также построен на определенной интерпретации традиционной культуры и тезисе о ее устойчивости. С одной стороны, здесь признается, что кавказский (лектонический) тип коммуникации является порождением синкретичности культуры, которая знает лишь один способ существования – в актах прямой, непосредственной коммуникации и интеракции ее носителей. С другой – полагается, что кавказское сообщество этносов как бы «не допустило» дифференциации структурных элементов и механизмов функционирования своей культуры под влиянием великих цивилизаций Востока и Запада, сохранив синкретичность культуры и лектонический тип культурной коммуникации.

Предпринятые в последние годы попытки дать целостное представление культурно-исторической специфики Северного Кавказа на основе приложения категориальной сетки цивилизационного подхода представляют определенный интерес. Полноценное включение социокультурного измерения исторического процесса в рамки научного анализа является в перспективе необходимой предпосылкой решения познавательных проблем, унаследованных от предшествующей традиции исторического кавказоведения. Но решить проблему синтеза только на путях идентификации устойчивых социокультурных моделей, будь то региональных или этнических, невозможно в принципе. Ключевым здесь является вопрос о характере и способе соотнесения константных и динамических составляющих северокавказского культурно-исторического процесса.

Актуальные проблемы культурно-исторического синтеза в изучении Северного Кавказа

Сменявшие друг друга и сосуществовавшие просветительско-географическая, политико-этнографическая, социоисторическая и цивилизационная модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона объединяет один и тот же преемственный объект познавательного интереса и существенное сходство тех жизненных «проблемных ситуаций», в которых этот познавательный интерес формируется и реализуется.

С точки зрения истории науки следует учитывать, что все они являются, прежде всего, формами репрезентации объекта (народов, обществ, культуры Северного Кавказа) для познающего субъекта, а точнее – для общества и культуры, к которым принадлежит познающий субъект. Смена подходов к своему предмету и появление новых результатов его исследования не означали прямого и последовательного приближения к культурно-исторической «сущности» северокавказских обществ. Достижение этой цели через аутентичное прочтение собственных культурных смыслов и индивидуализирующую реконструкцию социальных систем народов региона никогда не могло составлять единственный ориентир научных интересов исторического кавказоведения. На каждом этапе развития оно должно было осмысливать свой предмет не столько в качестве экзотической, замкнутой и статичной социокультурной целостности, сколько в качестве насущной проблемы современной социально-политической действительности, и активной стороны интер-социальных и межкультурных взаимодействий. Концептуальное содержание кавказоведческих трудов фиксировало на каждом этапе не только ментальность ученых и «уровень научных знаний», но и ту историческую ситуацию (с ее ретроспективой и ее перспективой), в которой находились народы региона.

Так, приведенные выше оценки общественной организации горцев как крайне отсталых могут вызывать возражение с точки зрения их применимости ко всем без различия, либо к тем или иным отдельным обществам и народам Северного Кавказа. Возможны иные оценки реального соотношения родовых, территориальных или феодальных, догосударственных и государственных начал в общественном устройстве тех или иных народов. Но в любом случае они фиксировали исторический факт кардинальной важности – стадийный разрыв, качественную разнородность общества, культуры и политической организации России и народов Северного Кавказа. С позиций науки и культуры начала XXI в. кавказоведов XIX в. легко обвинить в культурном снобизме и европоцентризме. Но с этих же позиций очевидно, что все общества независимо от их социальной организации или цивилизационной принадлежности должны были на протяжении XIX-XX вв. так или иначе отвечать не только на колониальную политику европейских держав, но также на культурные вызовы «евроатлантической цивилизации модерна», определяться по отношению к процессам модернизации. Следовательно, характеризующие здесь взгляды на уровень общественного развития народов Северного Кавказа необходимо соотносить с исторической перспективой самих этих народов.

Далее, применительно к истории кавказоведения открывается возможность такого анализа научной традиции, который выводит за пределы инвентаризации концепций и идейно-политических направлений в историографии и приближается к представлению «парадигмального» уровня функционирования и развития науки. Эволюция парадигмальных оснований исторического познания связывается в литературе с тем, какой аспект прошлой социальной реальности выдвигается в центр познавательного интереса –

политическая подсистема, социальная подсистема или подсистема культуры [37]. Очевидно, что описанные выше модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа могут интерпретироваться как локальное применение этих вариантов парадигмы исторического познания к проблемной области исторического кавказоведения.

В контексте настоящей статьи можно привлечь внимание к более обобщенному видению проблемы, основанному не на различии предметных «срезов», а на способе соотнесения самого объекта с историческим временем. Весь набор моделей, концепций, направлений исторического кавказоведения поддается тогда описанию в контексте двух парадигм. Одна из них тяготеет к идентификации устойчивых систем, к фиксации пребывающего, преемственного, даже неизменного в историческом бытии северокавказского этносоциального пространства. И большинство рассмотренных моделей представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа – просветительно-географическая, политико-этнографическая, цивилизационная – укладывается в нее. Другая – концентрируется на изучении форм и модальностей социокультурных изменений, и только социоисторизм, прежде всего, в марксистской его версии, в определенной степени соответствует этой парадигме.

Здесь интерпретация истории науки смыкается с методологическими функциями проведенного в работе анализа. Они ориентируют на прочтение концептуальных построений исторического кавказоведения не только в контексте их эмпирических оснований и теоретического содержания, но и в контексте общественной практики соответствующего периода. Это требование выглядит вполне тривиальным, но вопрос заключается в том, как его реализовать на почве логико-методологического анализа? Традиционные подходы, которые сводятся к прорисовке общественно-политического фона или к идейно-политической классификации научных концепций, здесь недостаточны.

В связи с этим представляется возможным при решении поставленных в данной статье задач опираться на модель истории как науки, которую разработал немецкий историк и методолог Йорн Рюзен. Она построена на основе понятия «дисциплинарная матрица», введенного в философию науки Т.Куном в качестве развития и конкретизации понятия парадигмы [34]. В отличие от дисциплинарной матрицы естественных наук, познавательная структура истории включает и некоторые некогнитивные элементы и функции. Историческое мышление имеет своим истоком практические потребности и выполняет практические функции ориентации и поддержания идентичности социальных субъектов. Но одновременно история функционирует как академическая дисциплина со своей собственной «логикой», которая характеризуется, главным образом, методической рациональностью в трактовке эмпирических свидетельств прошлого.

В соответствии с «дисциплинарной матрицей» истории, чтобы обнаружить внутреннюю логическую структуру каждой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа необходимо

артикулировать характер влияния политической стратегии коллективной памяти (общества и государства) на познавательную стратегию исторического кавказоведения на том или ином этапе его развития. Общество (и государство), имея сложившиеся представления о своем месте в культурно-историческом процессе (историческую идентичность) сталкиваются с какими-то изменениями условий и, соответственно, потребностей своей жизнедеятельности. Из этого вырастает познавательный интерес к поиску новой ориентации во временном изменении современного мира. Академическая дисциплина (в нашем случае – кавказоведение) реализует этот познавательный интерес своими средствами. Для наших целей важно акцентировать значение теоретической составляющей этих средств или, в терминологии Й. Рюзена «руководящих идей», концептов значимости (обозначения), в рамках которых прошлое приобретает свой особый облик как «история». Иными словами, необходимо выявлять внутренне присущую им логику совмещения основных модальностей исторического времени, тот временной горизонт, который охватывает та или иная модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

С этой точки зрения становится очевидным, что рассмотренные модели как познавательные конструкции имеют в своей основе и одновременно ограничиваются двойным горизонтом. Один, «объективный» горизонт познания задается тем, что на момент познания составляет прошлое и настоящее, т.е. реальную, состоявшуюся и «ставшую» историю народов Северного Кавказа. Другой, «субъективный» горизонт познания, «горизонт будущего» задается общим видением направленности исторического процесса, которым руководствуется исследователь и тем политическим целеполаганием, с которым он солидаризируется.

Может показаться очевидным наблюдение и банальным «вывод» о том, что в последней трети XVIII в. суждения о культурно-исторической специфике Северного Кавказа строились только на данных о генезисе и характеристиках традиционной социальной организации и культуры народов региона. К последней трети XIX в. «горизонт прошлого» включал уже опыт их столкновения с военно-колониционной и административной практикой Российской империи, кризисные и трансформационные процессы в местных обществах. К середине второго десятилетия XX в. предмет культурно-исторической рефлексии мог включать уже опыт и результаты интеграции Северного Кавказа в политико-административную, социально-экономическую, культурную системы России, масштабы и пределы адаптации народов и обществ региона к реформам 1860-1870-х гг., к процессам имперской модернизации в пореформенный период и т.д. и т.п.

Разумеется, кавказоведение как научное направление шаг за шагом включало в предметную область своих исследований явления и процессы каждого очередного этапа исторического развития Северного Кавказа. Но это не означает, что происходило соответствующее видоизменение доминирующей модели представления его культурно-исторической специфики. В рамках политико-этнографического подхода первой половины XIX в. и позитивистского социоисторизма второй половины XIX – начала XX вв. не

проводилось существенного различия «текущего» и предшествующих периодов с точки зрения базовых характеристик социальной организации и культуры народов региона. Доминантой в их осмыслении оставалась социокультурная традиция, хотя уже с 1880-х гг. фиксируются и их трансформации в результате осуществленных здесь реформ и пореформенного развития. Напротив, марксистский социоисторизм тяготел к четкому «разведению» последовательных этапов формационного развития и фактически устранял из области познавательных задач целостное представление культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Наконец, современный цивилизационный подход строит свое видение на таком «синдроме» культурно-исторических характеристик народов и обществ региона, который включает лишь устойчивые структуры природно-географического порядка и сугубо традиционные элементы социокультурного порядка.

Столь же существенные последствия для познавательных результатов имеет тот «горизонт будущего», на который ориентируется исследователь, пытаясь определить культурно-историческую специфику Северного Кавказа. Этот вопрос применительно к историческому кавказоведению требует специального изучения, но в порядке предварительной гипотезы можно отметить, что для отечественного кавказоведения XVIII – первой половины XIX вв. горизонт будущего для Северного Кавказа замыкался актуальным состоянием Российского государства, общества и культуры. В рамках позитивистского социоисторизма уже происходит некоторое расширение этого горизонта. Он отрывается от текущей социоисторической реальности и связывается с неким перспективным, более передовым состоянием общества. Это видно уже из приведенных выше суждений М.М. Ковалевского об общественных функциях истории и этнографии Кавказа. Автор изданного в 1917 г. статистико-экономического исследования народностей Кавказа Б. Ишханян уже прямо ставил проблему «исторической группировки экономических и социально-политических сил различных национальностей и народностей» в связи с будущим, «когда наступит эпоха гражданских свобод». Его оценка заключалась в том, что почти все магометанские группы относятся к культурно отсталым элементам, которым будет нелегко приспособиться «к потребностям экономического, социального и умственного развития края», поскольку в них слишком прочно укоренились «традиция и сила религиозного фанатизма» [17, с. 21-22]. Марксистский социоисторизм уверенно постулировал закономерное и неизбежное схождение траекторий социальной эволюции в единой точке светлого будущего и для России и для народов Северного Кавказа. В таком контексте будущее фактически оказывалось независимым от прошлого. Более того, перспектива социально-культурной гомогенизации накладывалась на представления о прошлом и настоящем, ориентируя на поиски содержательного единства исторического процесса в политическом пространстве России и обоснование культурно-исторической близости субъектов этого процесса. А вот в некоторых современных вариантах социально-политического и цивилизационного анализа проблем Северного Кавказа горизонт будущего вновь приближается и даже полностью сливается с

актуальным состоянием российского общества и государства. Произошел своего рода ренессанс политико-этнографического подхода к истории и современности региона.

Осуществленный анализ позволяет сформулировать требования к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона, применимой к решению актуальных проблем развития Северного Кавказа.

Осознанная установка на расширение «горизонта прошлого», на включение всех различимых этапов культурно-исторического развития региона в общую его интерпретацию может придать новую информативность хорошо известному историческому материалу. Прежде всего, становится очевидным, что этапы социокультурной эволюции региона характеризуются не только хронологической последовательностью и причинно-следственными связями. Имеют место смысловые отношения между ними по принципу герменевтического круга. Знание более поздних фаз эволюции проливает дополнительный свет на историческое содержание предшествующих этапов, а в контексте общего расширения «временного горизонта» каждое из исследуемых явлений и процессов приобретает новый смысл. Становится невозможным сведение культурно-исторической специфики Северного Кавказа к характеристикам любого отдельно взятого периода его существования, даже того, которому приписывается качества «аутентичности» – первоисточника или смыслообразующего ядра его исторической идентичности.

Осознанная установка на расширение «горизонта будущего» предполагает формулирование такой его «идеи», которая не сводится к прямой экстраполяции прошлых и нынешних состояний общества, а представляет собой открытую проблему. В этом случае «будущее» утрачивает характер неясного ментального образа, аффективного стремления или предмета безотчетной веры и превращается в теоретически разрабатываемый концепт. Такой концепт может включаться в анализ, быть предметом рационального обсуждения и выполнять логические функции в процессе решения проблем социально-политического развития Северного Кавказа.

Далее, в смене указанных исторических этапов очевидно нарастание масштабов и интенсивности воздействия внешних факторов на состояние, функционирование и трансформации обществ и культуры народов Северного Кавказа. И если просветительско-географический подход еще выглядит как попытка представить регион просто таким, какой он есть, в отличие от просвещенного, государственно-организованного общества европейского типа, то политико-этнографический и социоисторический подходы представляют народы и общества Северного Кавказа в их активном взаимодействии с военной машиной, властно-управленческими институтами, преобразовательной практикой Российского государства имперского и советского периодов.

Таким образом, исходное положение (методологический принцип) обобщенного решения рассматриваемой проблемы на современном этапе развития исторического кавказоведения сводится к тому, что культурно-историческая специфика Северного Кавказа познаваема, прежде всего, в ее

относительности, т.е. постольку, поскольку она проявляет себя вовне, в отношениях с иными обществами и культурами, и поскольку она разворачивается во времени, раскрывая те или иные свои аспекты в меняющихся исторических условиях. При этом современный исследователь должен ясно отдавать себе отчет в той «идее будущего», которой он руководствуется в своем анализе и обобщениях, и в тех выводах для общественной практики, которые он из них делает.

Следующий шаг заключается в определении способа реализации указанного принципа в исследовательской практике. Он предполагает смещение фокуса с поиска «принципа порядка» – черт исконной и устойчивой социокультурной самобытности, неизбежно замыкающейся горизонтом традиционной культуры, на поиск «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики (изменений, трансформаций), воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов развития, связывающих воедино прошлое, настоящее и будущее в северокавказском культурно-историческом процессе.

При таком подходе представляется возможным целостное «синтезное» осмысление этого процесса, которое будет резюмировать историю Северного Кавказа в социокультурном ключе, а не классифицировать «северокавказскую культуру» в цивилизационном ключе. Искомый результат такого исследования можно было бы обозначить как реляционно-динамическую модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

Обращение к актуальным проблемам социально-политического развития Северного Кавказа с позиций реляционно-динамического представления его специфики также может быть весьма продуктивным. Во-первых, принцип максимально широкого временного горизонта, т.е. включение текущих событий, процессов и проблем в широкий культурно-исторический контекст позволяет базировать их оценку не на конъюнктурных, ситуационных факторах, а на учете структур и тенденций большой длительности, имеющих фундаментальный характер. Во-вторых, реляционный принцип, т.е. учет всего многообразия, как внутренних для региона, так и внешних факторов современного социально-политического развития позволяет обеспечить реальную системность анализа. Наконец, динамический принцип, т.е. опора на определенные механизмы реализации социокультурных изменений во взаимодействии традиций и инноваций, культуры и политики, позволяет усилить прогностическую функцию социально-политического анализа.

Все это не значит, что будет гарантировано получение однозначных и «истинных» результатов исследования социально-политических проблем современного развития. Сама по себе методология реляционно-динамического подхода не содержит предписания, с каким социокультурным или политическим субъектом должен идентифицировать себя исследователь, для кого выполняемое им исследование будет обеспечивать функцию ориентации во времени и поддержания исторической идентичности. Выше говорилось об идейно-политической неоднородности подходов к актуальным проблемам Северного Кавказа. Наука не может преодолеть эту неоднородность, так же как

устранить расхождения и конфликты интересов различных общественных сил. Но она может способствовать неконфликтному взаимодействию альтернативных программ, рациональному диалогу социокультурных и политических субъектов «текущей истории». Поскольку проблемой, требующей решения, признается искомое будущее, познавательный интерес направляется не на доказательство готовой истины, а на выявление, учет и обобщение всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации культурно-исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. – №1. – С. 3-13.
2. *Абрамов Я.В.* М.М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях горцев Северного Кавказа // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. Т.1. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – С. 167-175.
3. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
4. *Айларова С.А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. – Владикавказ: СОГУ, 2003. – 366 с.
5. *Аникеев А.А.* Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. С. 25-28.
6. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Каказа. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 405 с.
7. *Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. – 1983. – №. – С. 85-96.
8. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 878 с.
9. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. – 592 с.
10. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.
11. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. Издано по повелению Императорской академии наук – СПб.: при Императорской академии наук, 1809. – 394 с.
12. *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб. Петербургское Востоковедение. 2002. – 512 с.
13. *Давидович В.Е.* Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. – С. 28-30.
14. *Дамениа О.Н.* Переоткрытие культуры // Очерки кавказской культуры / Под ред. А.В. Дмитриева. – Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2001. – С. 63-128.
15. *Дзамихов К.Ф.* Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом // Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 671-808.
16. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В VI томах. Том I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Книга I. Кавказ. – СПб., 1871. – 640 с.
17. *Ишханян Б.* Народности Кавказа. Состав населения, профессиональная группировка и общественное расслоение кавказских народностей. (Статистико-

- экономическое исследование). – Петроград: Изд. книжного магазина М.В. Попова, 1917. – 116 с.
18. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 720 с.
19. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. – 434 с.
20. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 101-136.
21. *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 656 с.
22. *Карпов Ю.Ю.* Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 121-187.
23. *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С.213-292
24. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т.1. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890. – 303 с.
25. *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137-154.
26. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. I. // Кавказский этнографический сборник. Вып.1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 265-374.
27. *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 236 с.
28. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. В 2-х выпусках. Вып.1. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 344 с.
29. *Линден В.К.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. – Тифлис, 1916. – 413 с.
30. *Лихницкий Н., Покровский Н.* Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. – 1934. №2(036). – С. 99-105.
31. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С. 47-62.
32. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть первая. – М.: В типографии С. Скливановского, 1823. – 352 с.
33. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. – М.: Издательство «Красная новь», 1923. – 392 с.
34. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. – 1978. – №2. – С. 15-24.
35. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.

36. *Сабанчиев Х.-М.А.* Поререформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 231 с.
37. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. – СПб.: Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. – 2003. – 632 с.
38. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. – СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 523 с.
39. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.
40. Северный Кавказ: Проблемы экономики и политики / Под общ. ред. А.А. Язьковой. – М.: URSS, 2008. – 136 с.
41. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 187-278.
42. *Торкунов А.В.* Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. : материалы Международной научной конференции, Москва, МГИМО(У) МИД России, 16-17 мая 2006 г. / под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2007. – С. 7-14.
43. *Тхагапсоев Х.Г.* Коммуникативные особенности бесписьменных культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. – С. 48-57.
44. *Тхагапсоев Х.Г.* Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2001. – №4. – С.50-58.
45. *Тхагапсоев Х.Г.* Южная Россия: кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – С. 164-185.
46. *Фадеев А.В.* Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII-XIX вв. в новых работах советских историков // Вопросы истории. – 1958. – №5. – С. 130-137.
47. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: издательство Академии наук СССР, 1960. 402 с.
48. *Черноус В.В.* Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. – С. 30-34.
49. *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. №1. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. В 2-х томах. Том I. – Нальчик: ГПЗ «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – С. 180-230.
50. *Яндиев М.А.* Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 496 с.

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-12-40

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В КАВКАЗОВЕДЕНИИ

А.Х. БОРОВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи – выяснение возможностей подведения единого концептуального базиса под исторический (ретроспективный) и актуальный (перспективный) анализ проблем развития Северного Кавказа. Непосредственные задачи исследования состоят в реконструкции, типологизации и концептуальном анализе моделей представления культурно-исторической специфики региона в отечественном кавказоведении, и на этой основе – в определении требований к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона. Выявлены четыре модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона: просветительско-географическая, политико-этнографическая, социоисторическая и цивилизационная. Осуществленный анализ позволяет сформулировать требования к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона, применимой к решению актуальных проблем их дальнейшего развития. Его исходное положение сводится к тому, что культурно-историческая специфика Северного Кавказа познаваема, прежде всего, постольку, поскольку она проявляется себя вовне, в отношениях с иными обществами и культурами, и поскольку она разворачивается во времени, раскрывая те или иные свои аспекты в меняющихся исторических условиях. При этом современный исследователь должен ясно отдавать себе отчет в той «идее будущего», которой он руководствуется в своем анализе и обобщениях, и в тех выводах для общественной практики, которые он из них делает. Реализация указанного принципа в исследовательской практике предполагает смещение фокуса с поиска «принципа порядка» – черт исконной и устойчивой социокультурной самобытности, неизбежно замыкающейся горизонтом традиционной культуры, на поиск «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики (изменений, трансформаций), воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов развития, связывающих воедино прошлое, настоящее и будущее в северокавказском культурно-историческом процессе. При таком подходе представляется возможным целостное «синтезное» осмысление этого процесса, которое будет резюмировать историю Северного Кавказа в социокультурном ключе, а не классифицировать «северокавказскую культуру» в цивилизационном ключе.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; культурно-историческая специфика; кавказоведение; концептуальные модели; культурно-исторический синтез.

THE PROBLEM OF CULTURAL-HISTORIC SYNTHESIS IN CAUCASIAN STUDIES

A.H. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. The article is aimed at the finding out of the possibilities to lay down coherent conceptual basis for historical (retrospective) and topical (prospective) analysis of the problems of North Caucasus' development. Immediate tasks to be resolved are the reconstruction, typology and conceptual analysis of the modes of representation of this region's cultural-historic originality in historical studies and, on that ground, delineation of requirements for the formulation of the modern generalized interpretation of the region's peoples and societies cultural-historical evolution. Four conceptual models of cultural-historic originality of the region are identified, that of enlightenment-geographical, political-ethnographic, socio-historical and civilizational. Analysis held allows

formulating requirements for the mode of constructing of modern generalized interpretation of the region's peoples and societies cultural-historical evolution, which is consistent with the solving of the topical problems of their further development. Its principal suggestion is that cultural-historic originality of the North Caucasus is knowable in so far as it is manifested outwards, in relations with other societies and cultures, and as it is unfolding in time, revealing its different aspects in changing historical conditions. At the same time modern researcher should have clear awareness of the «idea of the future», by which he is guided in analysis, generalizations and lessons for social practice he arrives at. The principle mentioned above implies that the focus is moved from the search for the «principle of order», i.e. the traits of primordial and sustainable socio-cultural authenticity, to the search for the «principle of development», i.e. specific mechanisms of socio-cultural dynamics (changes, transformations), embodying interactions of endogenous and exogenous factors, binding together past, present and future in North Caucasus' cultural-historical process. Such an attitude makes possible «holistic», «synthetic» comprehension of that process, which would resume the history of the North Caucasus in socio-cultural perspective instead of classifying North Caucasian culture in civilizational perspective.

Key words: Russia; North Caucasus; cultural-historic originality; Caucasian studies; conceptual models; cultural-historic synthesis.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

КАСОГИ И ОБЕЗЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

К.Ф. Дзамихов

Н.В. Варивода

В изучении истории и культуры адыгов (черкесов) и абаза (абхазо-абазин) важную роль играют памятники устной традиции, которые часто выступают единственным историческим источником, раскрывающим народные представления и оценку важнейших периодов своей истории. Поэтому в воссоздании исторического прошлого необходимым методическим требованием является совокупное исследование дошедших до нас письменных и устных памятников.

Касоги и славяне или тмутараканский цикл адыгских преданий и русских летописей

В исторической литературе принято считать, что между предками адыгов и восточными славянами – русами, существовали определенные взаимоотношения задолго до того, как они нашли свое отражение в письменных источниках. Свидетельством этому служит богатый археологический материал из адыгских могильников IV–XII вв., по которому элементы славянской культуры прослеживаются в инвентаре и обряде погребений [1, с. 234-235]. Вещи из этих погребений позволяют говорить о тесных торговых связях между народами Северо-Западного Кавказа и Южной Русью. О развитой торговле у предков адыгов свидетельствуют также арабские письменные источники IX–X вв. Арабские источники (Баладзори, Ибн-ал-Факих) зафиксировали непосредственное проживание русов на Северо-Западном Кавказе в пределах Хазарского каганата.

Отечественные историки в своих исследованиях пришли к выводу, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества. На основе изучения кабардинского эпоса, славянских сказаний и византийских источников Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что в северо-западной части Кавказа в середине I тыс. н. э. находились значительные массы славян. По его мнению, они сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии, растворившись среди адыгских (зихско-керкетских) племен, привнесли в эту среду русский эпос [32, с. 18-22; 34]. По мнению Л.И. Лаврова, археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях адыгов и славян с глубокой древности. Он высказал мысль, что «из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги» [10, с. 45]. Первоначальные сведения летописей характеризуют контакты и взаимоотношения касогов с Киевской Русью, а более конкретно – с

Тмутараканским княжеством. К этому времени, то есть к X в., предки современных адыгов – зихи и касоги – представляли собой мощные союзы племен, объединенные единством территории и общностью языка. Они имели широкие политические, торговые и этнокультурные связи с окружающим их внешним миром. Например, политические образования адыгов периодически вступали в войны или же, напротив, в союзнические отношения с хазарами, которые с конца VII в. закрепились в Западном Предкавказье. Косвенным свидетельством этих взаимоотношений служит устное предание о походе адыгов на хазар и взятии ими Саркела, которое приводится Ш.Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа» [21, с. 80-81]. Его достоверность подтверждает еврейско-хазарская переписка X в., которая упоминает в числе стран и народов, воюющих с Хазарским каганатом, зихов и касогов [8, с. 100-101, 123]. Несмотря на это, когда этого потребовала внешнеполитическая ситуация, адыги совместно с хазарами выступили против арабской экспансии в VIII–IX вв.

В первой половине X в. русские князья совершили ряд походов в Закавказье и на Каспий, среди которых наиболее крупными были вторжения 912-913 гг. и поход на Бердаа в 943-944 гг. Поэтому можно полагать, что они были знакомы и имели контакты с народами Северо-Западного Кавказа.

Самые ранние сведения о касогах в русских летописях дошли до нас в составе выдающегося памятника русской культуры – «Повести временных лет». Они использовались и комментировались в работах дореволюционных и советских авторов. В большинстве своем исследователи давали только информационную оценку историческим событиям, связанным с касогами. Между тем важнейшее значение имеет установление авторства первоначальных текстов, времени и места их создания, обстоятельства и целей включения известий о касогах в русские летописные своды. Изучение и использование летописных известий об адыгах, начиная с касожского периода и далее вплоть до XVI-XVII вв., необходимо вести в тесной связи со всей историей русского летописания. Без учета этих методических требований нельзя сделать какие-нибудь достоверные выводы. Широко аргументированная и подробная разработка проблем русского летописания XI в. была осуществлена в трудах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Б.Д. Грекова, А.Н. Насонова, Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова и других. Полученные ими результаты позволяют сделать вывод, что сведения о касогах первоначально появились в Никоновском своде 1073 г. и затем вошли в последующие своды.

Самый ранний сюжет с упоминанием о касогах содержится в летописном рассказе, описывающем восточный поход Святослава в 965 г. Лаврентьевская летопись сообщает об этом: «Одоле Святослав козаром и град их Белу Вежю взя. И ясы победи и касогы» [24, стб. 65]. В летописи по Ипатьевскому списку к этому фрагменту добавлено: «... и приде к Киеву» [25, стб. 53]. А.А. Шахматов, реконструируя Древнейший Киевский свод, выделял фрагмент «и ясы победи и касоги» как вставку позднейшего редактора [42, с. 426]. К сожалению, этот момент не всегда учитывается современными исследователями, которые касаются истории восточного похода 965 г. Описывая южную часть пути дружины Святослава (от Семендера до Саркела), они пользуются приведенным

известием как абсолютно достоверным [3, с. 59-60]. Рассматриваемый поход Святослава имел, как известно, важное значение во внешнеполитической жизни Древнерусского государства. Направленный своим острием против Хазарского каганата, он давал выход к Каспию, в районы Северного Кавказа и Причерноморья, что обеспечивало стратегическое преимущество в военном противоборстве с Византийской империей. Поэтому данные события вызывают огромный интерес. В существующей литературе имеются расхождения в изложении основного направления похода. Ряд авторов полагает, что после взятия русами Итиля они двинулись в Семендер, на обратном пути подчинили себе ясов и касогов, далее Тмутаракань и уже на последнем этапе разгромили Саркел (Белую Вежу) [3, с. 64-65; 12, с. 254]. Более аргументированной, на наш взгляд, является другая точка зрения, следуя которой, Святослав после похода по окско-волжскому пути разгромил Хазарский каганат и двинулся на ясов и касогов [5, с. 100; 35, с. 92-93].

При изучении этих исторических событий ученые, наряду с древнерусскими письменными источниками, широко привлекают сведения из трудов арабских историков Ибн-Хаукаля, Ибн-ал-Асира и других, а также анонимной «Записки греческого топарха», датированной началом X в. В этих источниках, к сожалению, не содержится никаких фактов о походе русов на земли ясов и касогов. Можно ли считать вставку позднейшего редактора о том, что Святослав «и ясы победи и касоги», отражающей достоверные события? Утвердительный ответ позволяет дать приводимое В.Н. Татищевым свидетельство, основанное на недошедших до нас летописных источниках. Он пишет, что в 967 г. «Святослав, елико по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, толико по своей обиде, что болгары помогали козарам, пошел паки к Дунаю. И сошедшись у Днестра, где болгары, козары, касоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не хотя Днестр перепустить» [37, с. 48-49]. Как повествует летопись, Святослав не стал биться с объединенным войском своих противников, а двинулся вверх по Днестру, «где ему помощь от венгров приспела». Таким образом, можно сделать вывод, что Святослав действительно имел военные столкновения с касогами и ясами в промежутке между 965 г. и 967 г., но нет свидетельств тому, что они были им в этот период покорены. Если бы они были приведены в зависимость в 965 г. Святославом, вряд ли государственные образования касогов и ясов были бы настолько жизнеспособны, чтобы через два неполных года оказаться в союзе болгар и хазар против русов. Как мы увидим далее, первоначальные летописные сведения о касогах из Никоновского свода 1073 г. восходили непосредственно к информации, которая шла из Тмутаракани. По мнению Д.С. Лихачева, Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые, восполняя недостаток письменных материалов устными источниками [14, с. 87]. Поэтому, на наш взгляд, более правильным будет относить фрагмент «и приведе к Киеву» не к касогам и ясам, а к козарам.

Под 1022 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов и приведении их в зависимость. «В год 6530. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время

Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватил нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь святой Богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани» [24, стб. 146-147].

Как и летописное известие о походе Святослава в 965 г., приведенный сюжет о единоборстве Мстислава с Редедей восходит к своду Никона Печерского, или Тмутараканского (ок. 1073 г.). Благодаря Никону сведения о касогах, а также о целом ряде тмутараканских и черниговских событий, были внесены в киевское летописание (сперва в Начальный летописный свод и далее в «Повесть временных лет»). В пользу того, что Никон – автор сюжетов, связанных с касогами, говорит довольно известный факт его длительного пребывания в Тмутаракани в 1061-1066 гг. и 1073-1074 гг. [14, с. 82-93; 29; 42, с. 423-460].

В эти годы он еще мог встретить здесь очевидцев событий 1022 г. Наверное, поэтому Никон имел возможность в подробной форме передать диалог между противоборствующими князьями в ходе поединка, что лишней раз показывает его хорошее знакомство с описываемыми событиями.

Исследователи давно обратили внимание на то, что ряд выражений и мыслей из «Повести временных лет» буквально совпадали с выражениями из другого известного памятника русской культуры – «Слова о полку Игореве». Так, если автор «Слова» рассказывает о «храбром» Мстиславе Владимировиче, «иже зареза Редедю перед полка касожскими», то в приведенном выше летописном сюжете о единоборстве говорится, что Мстислав «вынзе нож, зареза Редедю» [25, стб. 134].

Такого рода совпадения вызвали у некоторых исследователей предположение о том, что автором летописных сюжетов, повествующих о Тмутаракани и Чернигове, был не кто иной, как «вещий Боян» [2, с. 84-85; 36, с. 73; 41, с. 328; 43]. Однако оно не получило своего подтверждения. В описании поединка в конце говорится, что Мстислав, возвратившись из похода, заложил церковь св. Богородицы, которая «стоит и до сего дня в Тмутаракани». Наверное, Никон больше, нежели кто-нибудь другой, имел основание так уверенно свидетельствовать об этом. Такого рода аргументация со ссылками на архитектурные и скульптурные памятники, стоящие «и до сего дня», встречаются в «Повести временных лет» еще несколько раз. По мнению специалистов, эти места «Повести» относятся к тому пласту, который,

несомненно, восходит к Никоновскому своду 1073 г. [7, с. 69]. Никона считают составителем и перечня необходимых для его свода иллюстраций, которые хорошо сохранились и дошли до нас в составе Радзивилловской летописи [33, с. 201-207].

В числе 8 миниатюр, посвященных Мстиславу Тмутараканскому, есть композиции о войне с касогами, о единоборстве Мстислава с Редедей, о возведении церкви св. Богородицы. Изображая батальные сцены, художник не различает русское и касожское войско. У них одинаковые головные уборы, вооружение. По мнению О.И. Подобедовой, особенно примечательным является «изображение рати в виде монолитной труппы, где воины стоят плечом к плечу; зрителю виден первый ряд, а второй угадывается по множеству шлемов и лесу копий. Конные воины чаще всего располагаются в виде плотно стоящей группы в два ряда» [23, с. 55].

Анализируя данный летописный сюжет, необходимо учитывать условия времени, в которое он создавался. К моменту включения Никоном в летопись устного предания о единоборстве прошло неполных сто лет с момента крещения Руси. В постепенном распространении и утверждении христианства, а также оформлении церкви как социальной организации важную роль играли «христовы» подвижники, одним из которых являлся Никон. Составленный им свод выражал официальные и, в первую очередь, церковные интересы. Поэтому Никон, обобщив и обработав устные предания о единоборстве, использует созданный летописный сюжет для проповеди христианской идеологии. Источником победы Мстислава, по летописи, явилось его обращение к божественной силе: «О пречистая Богородица, помоги мне». Позже, в XVI–XVII вв., после освобождения от татаро-монгольского ига, создания централизованного государства и присоединения Казанского и Астраханского ханств, трактовка единоборства в русском летописании меняется. Теперь борьба Мстислава с касогами и его единоборство с Редедей изображается как борьба с языческой, т.е. антихристианской и богопротивной силой, а Редедя характеризуется как «супостат», «варвар» и «безбожник» [26, с. 68; 27, с. 369].

Сюжет о единоборстве Редеди (Редеды – адыгск.) достаточно хорошо сохранился в адыгском фольклоре. Еще в первой половине XIX в. он был приведен Ш.Б. Ногмовым в работе «История адыгейского народа» в составе тмутараканского цикла адыгских преданий [21, с. 82-84]. Некоторые дореволюционные исследователи (М.П. Погодин, П.Г. Бутков и др.) использовали эти материалы как подтверждающие известный летописный сюжет.

В последующем разгорелся научный спор вокруг ногмовской версии о борьбе между Редадой и тмутараканским князем, а также о соотношении имени Редеды и песенного рефрена уэ-редэ, уэ-рэдадэ. С сомнениями по поводу существования среди адыгов исторического предания о Редее выступил Вс. Миллер, которого позже поддержал Н.С. Трубецкой [18; 39]. С другой стороны, специально занимавшиеся изучением адыгских языков и адыгского фольклора Л.Г. Лопатинский и П. Тамбиев, пришли к выводу о достоверности тмутараканского цикла преданий у Ш. Ногмова [15].

Дискуссия по данному вопросу продолжалась и в советское время. Основные положения Вс. Миллера и Н.С. Трубецкого были приняты такими исследователями, как Г.Ф. Турчанинов и Л.И. Лавров [11; 40].

Известные ученые-кавказоведы – фольклорист А.Т. Шортанов [44] и языковед М.А. Кумахов [9] осуществили тщательный анализ содержания упомянутой ногмовской записи, других вариантов преданий о Редаде в адыгском фольклоре в сопоставлении с русскими летописными источниками. Это позволило им прийти к выводу о подлинно фольклорном происхождении сюжета о единоборстве Редады и его широком бытовании не только у кабардинцев, но и у западных адыгов.

А.Т. Шортанов установил наличие в адыгском фольклоре целого пласта сказаний и преданий о Редаде и его единоборстве с князем Мстиславом и его прообразами (Пренс Мстислау, безымянный русский богатырь и т.д.). Он показал, что, хотя предания подверглись естественной трансформации, все же главная стержневая линия (борьба Редады с чужеземными пришельцами) и особенно наиболее драматические места, несущие основную эмоциональную нагрузку, сохранились во всех вариантах. Отнесение Ш.Б. Ногмовым имени Редады к «уэрэд» и «уэредадэ» объясняется исследователем фонетической близостью, народно-этимологической трактовкой этого слова и его привязкой к исторической личности, что характерно для фольклора многих народов. Шортанов привел различные примеры того, как припевное слово «уэрэд» в результате определенных исторических предпосылок попало из адыгского в другие языки – русский, тюркские, иранские, грузинский, ряд северокавказских. На это обращал внимание еще в XIX столетии А.В. Марков [17].

М.А. Кумахов, в свою очередь, считает, что хронологические расхождения между версией, приводимой Ш.Б. Ногмовым, и летописным сюжетом о единоборстве объясняются устной формой предания, а если даже такие различия есть, то они не имеют решающего значения для установления связи между ними. Анализируя язык и топонимику адыгского фольклора тмутараканского цикла, он убедительно доказывает, что мнение Л.И. Лаврова о том, будто Тамтаракай и Тамтараканское княжество в книге Ш.Б. Ногмова не имеют отношения к исторической Тмутаракани, лишено оснований. Наоборот. Топоним Таматаркбай, как и собственное имя Редада, не выдуман Ш.Б. Ногмовым, а взят из устных преданий, отражающих исторические связи адыгов с Тмутараканью и Тмутараканским княжеством. В решении вопроса о соотношении имени Редады и песенного рефрена уэ-редэ, уэ-редадэ Кумахов исходит из определенной закономерности языка устно-поэтического творчества. Она заключается в переходе полнозначных слов, утративших свое словарное значение, в песенный рефрен, тогда, как переход рефрена (звукового отрезка) в полнозначную смыслоносущую лексему не характерен для языка фольклора. А это, по его мнению, означает, что песенный рефрен «уэ-редэ», «уэ-редадэ» не может быть исходным для имени Редадэ [9]. Другой вопрос – является ли имя Редадэ исходным для уэрэд («песня») и песенного рефрена «уэ-редэ», «уэ-ре-дадэ» – остается открытым.

Таким образом, приведенные исследования убеждают нас в том, что имеется больше оснований рассматривать летописный сюжет о единоборстве Редеди и Мстислава в прямой связи с адыгскими преданиями и сказаниями о Редадэ, нежели отвергать таковую. Тем более, что Никон, автор летописного сюжета, основывался на устных преданиях тмутараканцев, значительную часть которых составляли касоги, то есть адыги.

Говоря о литературе, посвященной анализу летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди, надо кратко остановиться и на небольшой публикации А.И. Попова, который попытался дать своеобразную трактовку имени «Редедя» [28]. По его мнению, подлинное имя касожского князя должно звучать как «Редега» и, скорее всего, это «не личное имя в собственном смысле, а династическое или географическое обозначение». Автор не смог каким-нибудь образом аргументировать выдвинутое положение. Он пытается механически отождествить название епископства «Ретег», подчиненного Готской митрополии в VIII в., с именем касожского князя, которое, по его предположению, звучало как «Редега». В данном случае А.И. Попову следовало бы отталкиваться от протографа летописного сюжета о единоборстве по «Повести временных лет», а не отдельных летописей позднего времени, в которых летописцы иногда ошибочно называли касожского князя Редедгой. Например, в ранних редакциях родословных книг, чьи протографы восходят к 40-м гг. XVI в. (Летописная и Румянцевская), имеется сообщение о войне между ордынским князем Редедгой и князем Владимиром Мстиславичем. А краткий Владимирский летописец XVI в. повествует о гибели князя Святослава Игоревича на днепровских порогах от печенегов, которых возглавлял князь «Редера» [30, с. 68; 38, с. 185].

Позже отдельные факты из летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди (пленение семьи касожского князя) послужили основой для родословных отдельных боярских фамилий. Они опирались как на достоверный рассказ на предание о том, что два сына Редеди, увиденные в Тмутаракань, были крещены Мстиславом и получили соответственно имена Юрий и Роман. По одному из вариантов, Роман был женат на дочери тмутараканского князя [30, с. 72]. К Юрию и Роману возводили свои генеалогии боярские роды Белеутовых, Сорокоумовых, Глебовых, Симских, Добрынских и др. [4, с. 214-223; 6; 30, с. 74-75, 154-156].

Летописные источники не позволяют сделать какие-нибудь достоверные выводы о взаимоотношениях Тмутараканского княжества и касогов после событий 1022 г. Непонятно, носили ли они союзнический или вассально-подданнический характер. Во всяком случае, спустя год, в битве под Лиственом (недалеко от Чернигова) между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом в дружине последнего сражались касоги: «Поиде Мстислав на Ярослава, с козары и касогы» [24, стб. 147-148].

Положение Тмутараканского княжества в середине и второй половине XI в. было довольно устойчивым. Сам город, располагавшийся у Керченского пролива, являлся крупным портом. Здесь проживало многоязычное население. Тмутаракань сохраняла прочные связи с Черниговским княжеством, которое

тоже долгое время (до 1036 г.) возглавлялось князем Мстиславом Владимировичем. Специальные исследования позволили установить, что в летописных сводах XI в. четко прослеживается линия с тмутараканско-черниговскими симпатиями, которая непосредственно связывается с авторством Никона [33, с. 201-207].

Выше уже отмечалось, что в 60-х гг. XI в. Никон находился в Тмутаракани. Он являлся очевидцем прихода князя Ростислава Владимировича в Тмутаракань и его отравления греками (1066 г.). В тесной связи с этими событиями выступает летописное сообщение о том, что «Ростислав сущю Тмутаракани и емлющую дань у касог и у инех стран, сего же убоявшеся греци, послаша с лестью котопана» [24, стб. 166].

В.В. Мавродин и А.Н. Насонов считали, что приведенная летописная статья позволяет говорить об обеспокоенности греков экспансией Ростислава в отношении Кавказа и Тавриды [16, с. 251; 20, с. 96-97]. Действительно, если первоначально княжество не выходило за рамки Таманского полуострова, то благодаря активной политике, проводимой Мстиславом и его преемниками, оно расширилось в сторону Восточного Крыма и Нижнего Прикубанья [19, с. 55-56].

Правда, в отношении касогов остается не до конца ясным вопрос – носила ли выплата дани с 1022-го по 1066 г. регулярный характер и до какого времени это имело место. После событий 1066 г. и до конца XI в., когда упоминание о Тмутаракани исчезает из летописей, в русских письменных источниках не содержится никаких сведений о касогах.

Таким образом, многовековые исторические связи между русскими и адыгскими народами способствовали накоплению в России различных исторических сведений об адыгах. В основе первоначальных летописных известий о касогах в большинстве лежат памятники устной традиции адыгов, которые отражали реальные факты взаимоотношений Тмутараканского княжества и предков адыгов. Автором рассмотренных в публикации летописных сюжетов являлся Никон (Великий), из свода которого они попали в более поздние летописи.

«Обезы» в малоизвестном памятнике русской эпической поэзии

Другой сюжет из истории связей адыгов и абхазо-абазин с древней Русью относится к «обезам» русских летописей. В существующей литературе стало традиционным рассматривать вопросы, связанные с обезами, в основном на основе разбора летописных материалов. В этой связи хочется привлечь внимание еще к одному интересному источнику – памятнику устного народного творчества, который остается вне поля зрения исследователей. Имеется в виду былина о Лукояне Берендеевиче, текст которой был впервые записан Н.И. Костомаровым и А.Н. Мордовцевой в Саратовской губернии в период между 1849 и 1856 гг. [13, с. 3-7].

Данная былина не несет в себе каких-нибудь сведений о конкретно-исторических событиях, но ориентируясь по известному летописному сюжету о

женитьбе волынского князя Изяслава Мстиславича на обезской княжне в 1154 г. [22, с. 202], можно полагать, что она возникла после второй половины XII в. как отголосок указанного династического союза.

Довольно интересно согласуется с былиной сообщение из «Исторического изображения Грузии, сочиненного в Александро-Невской Академии». Мстислав в 1153 г. ездил на встречу к невесте своего отца: «на ту оне осень послал отец противу мачехи с Володимером с Андреевичем и с Берендеи, и ходит а до Олешья, и не обрета ея (т.е. невесту – К.Д., Н.В.) взвратишася опять». И далее: «В 1154 г. послал Изъяслав сына своего второе противу мачехи: бе бо повел жену себе из Обез в Киев...» [31, л. 4-4 об.].

Рассматриваемую былинку, наверное, следует отнести к Киевскому циклу. Образ Лукояна Берендеевича, главного действующего лица, малоизвестен среди персонажей русского героического эпоса. Представляется возможным поставить его в один ряд с младшими богатырями указанного цикла. Лукояна Берендеевича нельзя возводить к какому-нибудь конкретному прототипу. Отчество былинного героя скорее всего связано с тюркоязычными поселенцами древнерусского пограничья – берендеями. Фактически основное повествование сосредоточено вокруг событий, происходящих во владениях обезского князя. Былина содержит много эпических трафаретов: выезд и возвращение главного героя, описание богатырской поездки, пир у князя Владимира в Киеве и т.д. Здесь присутствуют различного рода диалоги, которые выполняют существенную динамическую функцию. Хорошо выделяются повествовательная и заключительная части былины. Она не сложная по своему содержанию и композиции. В то же время надо отметить и некоторую многоплановость сюжета – сочетание героических элементов со сказочными, фантастическими и новеллистическими. Былинку нельзя отнести ни к военно-героическому жанру, ни к былинам о сватовстве; больше всего она напоминает былинку-новеллу с элементами драматизма. Авторы этих строк считают, что в данном случае неплохо прослеживается внутренняя связь содержания былины с определенной исторической эпохой и дружественными отношениями славян и обезов: «А живем ведь все (т.е. обезы. – К.Д., Н.В.) с ним (киевским князем. – К.Д., Н.В.) не в разбратии, а в согласии, в сватовстве живем, в братстве названном». Интересным является уже тот факт, что эти взаимоотношения сохранились в памяти русского народа на протяжении восьми с половиной столетий и дошли до нас не только в летописной, но и в устной традиции.

Авторам статьи неизвестно, сохранились ли другие варианты былины о Лукояне Берендеевиче. Текст публикуется по указанному выше изданию [13, с. 3-7].

ЛУКОЯН БЕРЕНДЕЕВИЧ

Из лесу лесу темного,
Из дубровушки из зеленыя;
То не млад ясен сокол вон вылетывал,
И по чистым полям перепархивал,

Молодые крылья расправляючи:
То из Киева, из стольного города,
Выезжал добрый молодец на лихом коне.
Как гулял он, удаленький, не год не два.
Как гулял он, молоденький, ровно три года;
Пригульнулся, примотнулся в землю дальнюю,
В чужедальную землю во абезскую.
Как увидел его, добра молодца,
Князь абезский со свово терема,
С свово терема, со высокого,
Со крыльца свово, со парадного,
Со парадного, со нарядного,
Как возгаркнет князь-абезский зычным голосом:
«Уж вы гой есте мои слуги верные,
Уж и что это в поле за детинушка,
Уж и что это в чистом за незнаемый?
Не спросясь, разъезжает он на лихом коне
По лугам ли моим княжецким.
Вы берите, ребята, копыа длинныя,
Окружите, вы, поймайте незнакомаго,
Приведите его на речи распросныя».
Как и слуги-те молодца подхватывали,
За узду его добра коня прихватывали,
Под белы руки удалого приваживали.
Что возговорит молодцу абезский князь:
«Ты скажи мне, скажи детинушка,
Из которой пришел ты сторонушки,
От какого царя, чьего царствия?
Сирота ли горемычная слоняешься,
Или враг лихой пришел на высмотры?»
Что возговорит удалый добрый молодец:
«Не подумай ты, князь, чтоб отдался я,
Чтоб отдался я тебя, убоямшися;
Не боюсь я ничего на белом свете, -
Ни во темных лесах зверя прыскучего,
Ни во чистых полях свиста богатырского,
Ни в синем небе змея летучаго;
А боюсь я, князь абезский, твоей немилости.
Уж не я ли то, государь, добрый молодец,
Не слоняюсь сиротой горемычною;
Не лихой я враг пришел на высмотры; -
Как и я ли то, государь, роду русскаго,
Из земли пришел святорусския,
Из того ли стольна города из Киева,
Государя я князя - Володимира,

Я по имени Лукояном называюся,
По изотчеству Берендеич прозываюся,
А крещён я попом, Пантелеем зван».
Как возговорит молодцу абезский князь:
«Уж ты гой еси детинушка,
Коли правду ты молвил мне, истину,
Покажи-ка мне грамотку от князя Володимира.
А живем ведь все с ним не в разбратии,
Не в разбратии, а в согласии,
В сватовстве живем, в братстве названом.
Кабы знал он, что поехал ты в землю абезскую,
Уж и дал бы он тебе свою грамоту
Ко мне ли брату названому.» -
«Не привез я государь, тебе грамотки,
А за тем не привез - сам собой пошел,
Без его государя дозволения».
Что возговорит тут абезский князь,
Как возгаркнул, воскрикнул зычным голосом:
«Ой вы слуги мои, вы слуги верные!
Не добра гостя нам в руки Бог послал,
Лиходея злого неприятеля,
Что приехал он к нам да на высмотры!
Вы сокуйте ему руки, руки белья,
Руки белья, ноги его скорья,
Наложите на лихого цепь железную,
Цепь железную в тридцать три пуда,
Вы забросьте его во темницу темную!»
Оковали добра молодца слуги княжие
И забросили во темницу тёмную.
Как сидит добрый молодец не год, не два,
Как сидит удаленький ровно три года,
Как не знать удаленький часу - времени;
Он не знать, бедняжечка, что зима холодная,
Он не знать, горемычный, что лето красное!
Потому только знать он, что зима холодная,
Что играли ребятушки под темницею
Да швырнули глыбу снегу в окошечко;
Потому только знать он, что лето красное,
Что ходили красны девушки в лес по ягодки
Да швырнули свету алого в окошечко!
На четвертый год стало поворачивать.
Приходила к нему красна девица,
Красна девица, дочь князя абезского,
Приходила молодая, поклонилася,
От сердечности молодая молвила:

«Уж ты гой еси удалой русской молодец!
Уж не хочешь ли гуляти да по волюшке?
У меня ли, у княжны, есть разрыв - трава:
Разорвет она твои цепи железныя,
Мы уйдем с тобою, молодец в землю русскую,
Ты возьмешь меня, девушку, за хозяйюшку,
За хозяйюшку, за верную за любушку».
Как вздохнул тяжело добрый молодец,
Залился он слезами глубокими,
Закрывал он руками лицо белое,
Проговоривал слово неприветливо:
«Ах ты девка, ты девчонка-потаскушечка!
Потаскалась, знать, ты со ребятами;
Надоели, знать, тебе полюбовники;
Что ты хочешь бежать от отца матери,
В чужедальную сторонушку во русскую.
Уж и лучше мне гнить во сырой тюрьме,
Чем принять тебя за хозяйюшку,
За хозяйюшку, за верную любушку:
У меня ли, удалого, добра молодца,
Во отечестве, во стольном во Киеве
Есть невестушка - обрученная девица,
Обрученная красавица, сговоренная;
Как она меня молодца поджидает,
День и ночь слезами обливается,
Все по мне, по своем милом дружке!»
Что возговорит красная девица,
Красная девица, дочь князя абезского:
«Если есть у тебя душа красна девица,
Красна девица обрученная невестушка,
Обрученная красавица, сговоренная, -
Так ступай себе к ней, удаль молодец,
А меня, княжну, не кори неприветливо.
Коли вправду ждет тебя девица - позабудь меня;
Коли замуж пошла красная вспомяни меня;
Хоть вспомянешь, не воротишь добрый молодец!»
Вот вымала она разрыв-траву из карманчика,
Вот притронулась разрывом ко железушкам:
Распадалась цепь железная тяжелая;
Выводила из конюшни коня сераго,
Даровала молодцу седло бранное;
Полетел в чисто поле добрый молодец -
Утиралась княжна, в след рукавчиком!
Как во городе было в стольном Киеве,
Во дворе - то было княжецком,

Пировал Владимир со боярами,
И увидел Володимир добра молодца,
Добра молодца на лихом сером коне.
Что возговорит Володимир князь:
«Уж и что это за молодец к нам на двор идет?»
Приезжал Лукоян он ко терему,
Привязал он коня у решеточки,
Он снимал с головы шапку бобровую,
И входил он в горницы во росписаны,
Поклонился он в пояс князю ласкову,
А боярам богатырям по поклончику.
Что возговорит Володимир князь ласковый:
«Здравствуй, здравствуй Лукоян Берендеевич!
Уж и где то те Бог носил разудалого?
Знать шатался ты по чужим землям,
Знать видал ты много дива дивного?
Воротился ты к нам в добрый час,
Да не в добрый час от нас выехал:
Твоя матушка Богу душу отдала,
А молода невестушка замуж пошла».
Как вздохнул тяжело добрый молодец.
Залился он слезами горячими:
«Кабы знал я эвто, добрый молодец,
Не корил бы я, не клял княжны абезския».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.П.* Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского научно-исследовательского института. – Черкесск, 1954. – С. 199-260.
2. *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. – М.: Наука, 1975. – 345 с.
3. *Гадло А.В.* Восточный поход Святослава // Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В.В. Мавродина. – Л.: ЛГУ, 1971. – С. 59-67.
4. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
5. *Калинина Т.М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 90-101.
6. *Кандор Р.С.* Адыгские элементы в геральдической традиции // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. – Нальчик, 2004. – Вып. 9. – С. 173-178.
7. *Каргер М.К.* К характеристике древнерусского летописца // Труды отделения древнерусской литературы. – М.; Л., 1955. – Вып. 11. – С. 59-71.
8. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 134 с.
9. *Кумахов М.А.* О Тмутараканском цикле адыгского фольклора // Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – С. 297-306.

10. *Лавров Л.И.* Адыге в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1955. Вып. IV. – С. 19-64.
11. *Лавров Л.И.* Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Советская этнография. – 1969. – № 2. – С. 136-141.
12. *Левченко М.В.* Очерки русско-византийских отношений. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 556 с.
13. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 4. – М., 1862. – 361 с.
14. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – 499 с.
15. *Лопатинский Л.Г.* Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Известия Бакинского государственного университета. – 1921. – № 1, 2-й полутом (Гуманитарные науки). – С. 197-203 (23-29).
16. *Мавродин В.В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки ленинградского Педагогического ин-та им. Герцена. – 1938. – Т. 11. – С. 231-273.
17. *Марков А.В.* Заметка о припеве: «У редеди – даредедя» // Этнографическое обозрение. – 1899. – № 1-2. – С. 345-346.
18. *Миллер В.Ф.* Рецензия на СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12 // Журнал министерства народного просвещения. Часть ССLXXVII. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – Сентябрь. – С. 204-215.
19. *Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. – М.: Изд-во Вост. лит., 1963. – С. 54-61.
20. *Насонов А.И.* Тмутаракань в истории Восточной Европы в X в. // Исторические записки. – 1940. – № 6. – С. 79-99.
21. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 165 с.
22. Повесть временных лет. Часть 2 / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л., АН СССР, 1950. – 555 с.
23. *Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей. – М.: Наука, 1965. – 331 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Фототипическое воспроизведение 2-го издания 1926-1928 гг., вышедшего под ред. Е.Ф. Карского / напечатано под наблюдением М.Н. Тихомирова. – М.: Вост. лит-ра, 1962. – VIII, 580 с.
25. Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. Фототипическое воспроизведение издания 1908 г. / напечатано под наблюдением М.Н. Тихомирова. – М.: Вост. лит-ра, 1962. – XVI е.+938 стлб.+87 с.+IV с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 21. 1-я половина. Книга Степенная царского родословия. Ч.1. / Под ред. П.Г. Васенко. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 342 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. – 580 с.
28. *Попов А.И.* К истории имени «Редедя» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик: КБИИФЭ, 1982. – Вып. 1. – С. 38-42.
29. *Приселков М.Д.* Митрополит Иларион – в схиме Никон – борец за независимую русскую церковь (эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. – СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1911. – С. 188-201.
30. Редкие источники по истории России: в 2-х т. Т. 2: Публикация текста родословных книг Летописной и Румянцевской редакций XVI в. («Новые родословные книги

XVI в.») / Сост. З.Н. Бочкарева и М.Е. Бычкова; под ред. А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1977.– 186 с.

31. Рукописный отдел Государственной Библиотеки им. Ленина. – Ф. 169. – № 28. – Л. 4-4 об.

32. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 361 с.

33. Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1984. – 241 с.

34. Рыбаков Б.А. Славяне в Крыму и на Тамани // Крымская правда. – 1952. – 31 мая. – № 161.

35. Сахаров А.Н. Восточный поход Святослава и «Записка греческого топарха» // История СССР. – 1982. – № 3. – С. 86-103.

36. Соловьев А.В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. – 1948. – Т. 25. – С. 71-103.

37. Татищев В.Н. История Российская. – М.-Л.: Наука, 1963. – Т.2. – 352 с.

38. Тихомиров М.Н. Русское летописание. – М.: Наука, 1979. – 556 с.

39. Трубецкой Н.С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. – Т. XXIII. – 1911. – № 1-2. – С. 229-238.

40. Турчанинов Г.Ф. Летописный Редедя и черкесское «Редад» // Ученые записки Кабардинского НИИ. – Нальчик, 1947. – Т. 2. – С. 247-262.

41. Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. – 1948. – Т. 25. – С. 293-333.

42. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 703 с.

43. Шляков Н.В. Боян // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. – 1928. – Т. I. – Кн. 2. – С. 483-498.

44. Шортанов А.Т. Редада и Мстислав // Филологические труды. – Нальчик, 1977. – Вып. 1. – С. 3-42.

УДК 94 (47+479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-41-56

КАСОГИ И ОБЕЗЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

К.Ф. ДЗАМИХОВ

Н.В. ВАРИВОДА

*Институт гуманитарных исследований
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru, variksl@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются некоторые исторические сюжеты о касогах и обезах, сохранившиеся в древнерусских письменных и устных памятниках. Авторы акцентируют внимание на летописных сведениях о контактах и взаимоотношениях касогов с Киевской Русью, а именно – с Тмутараканским княжеством. Отмечается, что в основе первоначальных летописных известий о касогах в большинстве лежат памятники устной традиции адыгов. Сюжеты, связанные с обезами, анализируются на основе малоизвестной былины о Лукояне

Берендеевиче. Авторы приходят к выводу, что многовековые исторические связи между русским и народами Западного Кавказа способствовали накоплению о них сведений в древнерусской исторической традиции и фольклоре.

Ключевые слова: Киевская Русь; Тмутараканское княжество; Западный Кавказ; касоги; обезы; летописи; фольклор; былина.

KASOGS AND OBESA IN ANCIENT RUSSIA'S HISTORICAL TRADITION AND FOLKLORE

**K.F. DZAMIHOV
N.V. VARIVODA**

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin st.
E-mail: kbigi@mail.ru, variks1@yandex.ru*

Abstract. The article examines some historical subjects related to kasogs and obesa, which are traceable in ancient Russia's written and oral records. The authors concentrate their attention on the information the chronicles provide concerning contacts and relations of kasogs with Kievan Rus', particularly with Tmutorocan' Principality. It is specified that the background of the primary knowledge of the chroniclers about kasogs may be found in the records of the Adyghe's oral tradition. The obesa related subjects are investigated by means of analysis of the lesser-known epic (bylina) about Lukoyan Berendeevich. The authors come to the conclusion that centuries-old historical ties between Russians and the peoples of the Western Caucasus were facilitating the accumulation of the knowledge about them in ancient Russia's historical tradition and folklore.

Key words: Kievan Rus'; Tmutorokan' Principality; Western Caucasus; kasogs; obesa; chronicles; folklore; bylina.

БЕСЛАН ТУЧНЫЙ В ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ КАБАРДИНЦЕВ: ОБРАЗ ВЛАСТИ И ВЛАСТИТЕЛЯ

Ю.М. Азикова

Беслан Джанхотов (Беслан Тучный) – одна из ключевых фигур в истории средневековой Кабарды. Это реальный исторический деятель рубежа XV-XVI вв., верховный князь, с правлением которого фольклорная традиция связывает важные социально-политические изменения. Ученые-кавказеды не располагают документальными свидетельствами, позволяющими подробно и системно характеризовать его личность, жизнь и деятельность. Скудость источниковой базы ограничивает возможности восстановления событийной канвы деяний верховного князя Беслана. Но крупицы фольклорного материала, находящиеся в нашем распоряжении, являются ценнейшими источниками для исследования *организации, форм и методов* осуществления властных функций князем Бесланом, образа власти, представлений о власти у людей того времени, характера властной системы в традиционном кабардинском обществе. С точки зрения историко-антропологического подхода к проблеме и изучения политико-управленческой системы, а не политической истории и политических событий, фольклорный материал дает благодатный материал для исследований, позволяющий обнаружить то, что думали о себе люди эпохи, те категории, в которых они мыслили. Таким образом, целью данной статьи является реконструкция образа власти и представлений о власти в позднесредневековом кабардинском обществе, воплощенных в персоне конкретного кабардинского верховного князя – Беслана Джанхотова на основе ретроспективного анализа содержания фольклорных источников.

Источники

Хан-Гирей, фактически заложивший основы изучения адыгского фольклора, отмечал, что «поэзия – жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле! Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, в печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь и передавала потомству их дела» [31, с. 315]. Адиль-Гирей Кешев, продолживший и углубивший теоретизирования на тему адыгского фольклора, указывал на то, что песни и устные предания – единственные достоверные источники при исследовании прошлого народа, «не имевшего никакой письменности» [18, с. 326]. Данное мнение особенно актуально при изучении истории адыгских общностей до установления союзнических отношений с Русским государством. История правления Беслана не отобразилась в русских письменных документальных источниках эпохи.

Свидетельства о личности князя Беслана содержится в песенно-прозаическом цикле об адыгском герое Андемиркане. Исследователям

известны более 100 записей песен и сказаний об Андемиркане, в большинстве из которых фигурирует князь Беслан [5, с. 30-44].

Исключительную ценность представляет краткое повествование Шоры Ногмова о деятельности князя Беслана [20, с. 125-127]. Ш. Ногмов освещает внешнюю и внутреннюю политику Беслана, обращая особое внимание на правотворчество и реформирование судебной системы. «История адыгейского народа» составлена Ш. Ногмовым на основе систематизации, большей частью, фольклорного материала – песен, сказаний и преданий адыгов. Современные исследователи, анализирующие становление и развитие сословной структуры и институтов социально-правовой регуляции традиционного кабардинского общества, неизменно обращаются к работе Ш. Ногмова и цитируют известный отрывок из его работы посвященный правлению Беслана, поскольку не сохранилось иных документальных свидетельств либо записей фольклорного материала, проливающих свет на характер воздействия князя на развитие судебных институтов в Кабарде.

Сведения о происхождении и месте Беслана в генеалогии правящей аристократии содержатся в родословных кабардинских князей XVII в., приводимых в книгах, принадлежавших А.М. Пушкину и А.И. Лобанову-Ростовскому [24]. Родословные в двух списках, вероятно, составлены со слов кабардинцев, приезжавших в течение XVII в. в Москву. Иными словами это записи генеалогических преданий кабардинских князей.

Некоторые сведения о влиянии, оказанном кабардинской знатью в правление Беслана на региональный политический процесс, содержатся в русских летописях [21, с. 61-62], в документах думской канцелярии и Посольского приказа конца XV – первой половины XVI в. [25].

Таким образом, историческая память адыгов, зафиксированная не только в письменных источниках, но и в преданиях, генеалогиях, эпосе, отражает различные стороны бытия традиционного кабардинского общества в исторической перспективе и обладает формирующим самосознание и менталитет потенциалом [16, с. 18-19]. Развитие практики письменной фиксации сведений о народах Северного Кавказа изначально являлось фактором идентификации социальной практики, культуры и истории населения региона извне. Вместе с тем историко-антропологически ориентированное изучение фольклорных памятников предоставляет значительные исследовательские возможности, поскольку в фольклоре наиболее точно отображается самосознание людей и специфика самоидентификации. Перспективы данного подхода демонстрируются в исследованиях современных авторов. Так, в работе Л.С. Хагожеевой представлен интересный опыт осмысления проблематики возникновения института княжеской власти и ее дальнейшей трансформации на основе анализа адыгских сказок [29]. Изучение содержания историко-героических песен и исторических преданий, несомненно, будет способствовать адекватной времени и месту интерпретации глубинных политических процессов и истории власти, представлений о политическом, о властной иерархии, о характере власти и властвования в традиционном кабардинском обществе.

Предки и потомки, время правления

Генеалогия служила весьма распространенным способом обоснования аристократического или монархического статуса правящих родов эпохи средневековья. Все владельческие фамилии Кабарды возводили свое происхождение к общему предку – сиятельному Иналу. Сословно-иерархический порядок, существующий в обществе, княжеская «идеология», сама ментальность всех групп населения не допускали никакой иной возможности обретения княжеского статуса кроме как по праву рождения от князя в равном браке. С одной стороны, это превращало княжеское сословие в замкнутую группу, почти касту. Внутри ее уже обособились различные фамильные ветви, но по отношению к остальному обществу они образовывали единый «клан». Его члены были равны между собой по статусу, и этот княжеский «эгалитаризм» в немалой степени объясняет неизбывность усобиц в Кабарде XVI-XVIII вв. «Генеалогический аспект стал одной из основ государственного устройства княжеской державы» [26, с. 46]. Данный феномен может быть связан с изначальным представлением о сакральной природе власти, рассматривавшейся как собственность правящего рода, на которую распространялось общее наследственное право [19, с. 150-151].

Согласно генеалогическим преданиям, князь Беслан был правнуком князя Инала – потомка аравийских правителей и общего родоначальника кабардинских, бесленевских, темиргоевских, хатукаевских и части хегакских княжеских родов. В современном кабардиноведении утвердилось мнение о том, что родоначальник адыгских княжеских фамилий правил в последней трети XIV – начале XV века. А.В. Гадло в свое время выдвинул гипотезу о том, что Инал жил во времена хазарского господства в Предкавказье [9, с. 22-24]. Вопрос о времени жизни легендарного Инала продолжает оставаться дискуссионным. Вместе с тем нельзя отбрасывать и соображения относительно возможности существования в разное время двух адыгских правителей, носивших одно и то же имя, образы которых переплелись в бесписьменном историческом сознании предков кабардинцев.

Из родословных кабардинских князей следует, что дедушка Беслана Тобулда приходился сыном князю Иналу. Один из сыновей Тобулды – Джанхот (или Янхот) являлся отцом Беслана. Беслану наследовали сын Кайтуко и пять внуков: Пшеапшоко, Асланбек, Тапшинуко, Кайтуко и Янсох.

Изучение родословных книг кабардинских князей дает основание исследователям придерживаться точки зрения о том, что Беслан Джанхотов жил в последней трети XV - первой четверти XVI в. и являлся старшим князем Кабарды на рубеже XV-XVI вв. [1, с. 934]. Комплексное изучение генеалогии княжеских родов или линий показывает, что власть пщышхуэ (старшего князя, верховного князя) передавалась по боковой линии согласно лествичному праву. В родословной кабардинских князей и мурз содержатся указания на то, что, ко времени установления союзнических отношений с Русским государством в середине XVI в., верховными князьями последовательно были *Инал, Тобулда*

(сын Инала), *Джанхот* (сын Тобулды и отец Беслана), *Инармас* (сын Тобулды и брат Джанхота), *Беслан Джанхотов* (племянник Инармаса), *Идар* (сын Инармаса и двоюродный брат Беслана), *Кайтуко* (сын Беслана), *Темрюко* (сын Идара и двоюродный племянник Беслана). Таким образом, Беслан Джанхотов был «большим князем» до Идара, за Идаром - Кайтуко, за последним - Темрюко. В первой половине XVI века «князьями кабардинскими» становились по одному представителю от каждой линии, поскольку Идар был единственным сыном Инармаса, а Кайтуко - единственным сыном Беслана.

Шыфэ-лЫфэ (внешний вид, облик)

Адыгские, и в особенности кабардинские аристократы, согласно множеству свидетельств и сформировавшимся стереотипам, воплощали образы рыцарственных и искусных воинов, наделенных строгой и стройной красотой и некичливой брутальностью. Такими увидел адыгских мужей Джеймс Белл: «их отличительные черты - это высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бедра, небольшая нога и пронзительные живые глаза. С полным основанием можно сказать, находясь здесь: «мужчина - это самое благородное творение, какое только дарит эта страна...» [7, с. 465].

Важно также отметить, что при описании внешности мужчины-адыга употреблялось устоявшееся понятие *шыфэ-лЫфэ*. В данной смысловой конструкции *шы* означает коня, *лЫ* – мужчину, а *фэ* – облик. Облик мужчины воспринимался и описывался в неразрывном единстве с образом скакуна. Адыгский рыцарь-наездник – это идеальный баланс подтянутой формы и возвышенного содержания. Во всяком случае, таково наполнение теории. Кабардинские князя претендовали на статус первых рыцарей Кавказа и являлись ревностными блюстителями уэркъ хабзэ (рыцарская этика). В стратифицированном традиционном обществе с военизированным образом жизни верхушки, благородным по происхождению «вменялись» всевозможные достоинства и положительные личностные качества. Благородный князь, правитель хорош собой, силен, отважен, справедлив и мудр. «...Князья потому и князья, что не похожи на других простых людей и что „самый малютка княжеский похож на взрослога“» [2, с. 50]. В рамках подобных представлений вполне закономерно приписывание благородному обладание в равной мере и внешними, и внутренними достоинствами.

В записях песен и преданий андемиркановского цикла приводится прозвище князя Беслана – Тучный (Бесльэн ПцІапцІэ). В разных записях на русском языке прозвище обозначается по-разному (тучный, толстобрюхий, с брюхом как студень и пр.). Все варианты перевода на русский язык прозвища Беслана обозначают физическую полноту и чрезмерную дородность, а выяснение истоков подобного разнообразия форм перевода не имеет сущностного значения для цели нашего исследования.

Фольклорный материал не дает однозначного и точного объяснения подобной полноты. Нам не известно, когда умер Беслан и сколько лет исполнилось ему ко времени смерти. Не представляется возможным доподлинно установить, какими обстоятельствами объясняется физическое

состояние Беслана: преклонным возрастом или плохим состоянием здоровья, или тем и другим. И первое и второе объяснения фигурируют в фольклорном материале андемиркановского цикла. Отмечается, что Беслан был большим, толстым и не мог передвигаться, не опираясь на две палки [22, с. 226]; указывается, что в былые годы Беслан был наездником, но уже не мог отправляться в походы («зеклуэллу шытауэ зеклуэ мыклуэжыф хьуати...») [27, с. 274]; в одном эпизоде говорится о физической увечности Беслана и отсутствии у него нижних конечностей («и куэпкьитыр пытыжтэкьым...») [3, с. 293]. В подавляющем большинстве эпизодов повествования речь идет о констатации, а не об объяснении причин того, почему князь был «не в форме». Ситуация была такова, что Беслан из-за своей чрезмерной тучности передвигался не верхом на лошади, а на арбе. В некоторых вариантах сказаний отмечается, что он не просто сидел на арбе, а лежал в ней на перине [22, с. 226]. Показателен способ охоты Беслана, когда он сидел на арбе, не спускался на землю, загонщики направляли в его сторону дичь, в которую он стрелял со своего места. В андемиркановском цикле описывается, что стрельба по дичи у Беслана получалась плохо, так как он с трудом мог повернуться и не был в состоянии быстро реагировать на движение бегущего животного.

Историко-героические предания, сказания и песни адыгов XVI-XVII вв. реалистичны, несмотря на присутствие в них элементов эпической традиции и бытование множества версий одного и того же сюжета, ввиду устной передачи информации. Внешность князя Беслана не подвергается приукрашиванию не вследствие отрицательного отношения к нему общества. Непременное в каждом повествовании припоминание тучности князя не означает, что в нем не видели достойного верховного князя, заслуживающего доброй памяти. Образ Беслана в фольклоре историчен и реалистичен, его внешность – это данность известная всему обществу. Беслан в повествованиях об Андемиркане предстает не в качестве героя и любимого персонажа, и не в качестве персонажа со специфической внешностью, а в качестве князя, властителя, положение и нрав которого не допускают обид и неподобающего отношения к себе.

Ум и способности

Физическая немощность, отсутствие мобильности у Беслана компенсируется его интеллектуальной состоятельностью и возможностью поддерживать свой высокий статус за счет правильно выстроенной сети взаимоотношений с князьями и дворянами. Ш. Ногмов также не опустил в своем повествовании описание облика князя, но поспешил оговориться относительно иных достоинств Беслана: «князь Берслан Кайтукович Джанкутов одарен был удивительной дородностью и толстотой. Щедрая природа, излившая на него с избытком свои дары, наградила его вместе с тем умом и отличными способностями; превосходные его распоряжения всегда оканчивались с успехом» [20, с. 125].

Для правильного понимания оценки статуса личности в традиционных адыгских сообществах, уместно опереться на соображения К.Ф. Сталя,

высказанные о «языке народа (тлегубзыг)» – лЫ губзыгъэ (букв. – «умный (мудрый) муж»), т.е. человек, который в силу интеллектуального превосходства может позволить себе говорить и воздействовать словом). Он писал, что приобретение звания «тлегубзыг» – это «высший предел честолюбия», так как «это название дается черкесами храбрейшему в бою, красноречивейшему на вече, разумнейшему на разбирательствах и судебной расправе. Этим поэтическим названием – язык народа, черкесов, обозначает человека, который есть выражение всех высоких качеств своего народа и один умеет высказать ясно, чего целый народ желает и что он чувствует. Голос языка народа на вече и при всех предприятиях решителен, увлекает весь народ и ворочает им по своей воле. Все смиряются перед его умственным могуществом». Характеризуя статус князя, К.Ф. Сталь также отмечал, что степень влияния и полновластия князя непосредственно связаны со степенью соответствия поведения князя эталону рыцарства (тле-хупх) и с наличием у него дара слова (тле-губзыг) [28, с. 238, 256]. Термин «тле-хупх» – *лЫхьупхьэ* образован сочетанием слов *лЫ* (муж; мужчина) и *хьупхьэ* – (прилежный; усердный; имеющий хорошие задатки, данные к тому, чтобы стать кем-либо хорошим; расторопный; ловкий; правильный). Сущность понятия *лЫхьупхьэ* можно интерпретировать, как воплощение мужских добродетелей и доблести быть образцовой личностью.

Как было уже отмечено, Беслан не был наездником в буквальном смысле этого слова, но он являлся организатором наездов. Сам физически не соответствуя рыцарскому эталону, он не отсиживался дома, а возглавлял и организовывал благородное воинство. Именно Беслан приглашает в поход своего антагониста Андемиркана, нрав которого явно известен князю. Но князь Беслан отвечает за исход похода, для него в определенной ситуации первичны итог предприятия и вклад, который может сделать Андемиркан. Беслан «проводил активную завоевательную политику в бассейне Нижнего Терека. Согласно данным адыгского фольклора, в годы его правления кабардинские войска доходили до Астрахани и Дербента. Заключил союз с Шамхальством – крупнейшим феодальным владением Дагестана – и надолго обеспечил безопасность торговых путей из Астрахани и Дербента в Кабарду» [1, с. 934].

Одно дело демонстрировать свою личную рыцарскую удаль, чем крайне обеспокоен любимец народа и герой песен Андемиркан, другое – решать проблемы политического, дипломатического, статусного и экономического свойства по итогу тех или иных военных акций, чем и был занят Беслан. Согласно фольклору, в Астрахань, например, кабардинское воинство во главе с Бесланом отправляется поскольку «было у кабардинцев в обычае – каждые девять-десять лет снаряжать поход на город Астрахань, с тем, чтобы пограбить город и привезти оттуда тканей: в Кабарде их не было» [14, с. 288]. Результаты предприятий, возглавляемых Бесланом, принося удовлетворение участникам событий, возвышали верховного князя: «набег вышел очень удачный, набрали несметно богатую добычу. Каждый возвращавшийся с того берега торопился поздравить Беслана, остававшагося на этой стороне, сказывая: „да даст тебе Бог еще большего счастья!“» [2, с. 59]. Таким образом, можно отметить, что во

многом действия Беслана отвечали «эталону рыцарства (тле-хупх)», подтверждая реальность его статуса военного предводителя. Составители песен и сказаний об Андемиркане не могут не восхититься доблестью Андемиркана, но и предать забвению достижения Беслана сказители не могут также.

Успешность осуществления Бесланом властных функций в пределах всей Кабарды была опосредована наличием у него талантов стратега и дипломата. Как было уже отмечено, мы не располагаем документальными свидетельствами, иллюстрирующими тонкости его взаимодействия с остальными кабардинскими князьями. Единственный источник, который может дать представление о формате обсуждения разного рода вопросов – это записи андемиркановского цикла. В записях цикла Андемиркан предстает незаконнорожденным княжеским сыном – тума (либо княжеским сыном, рожденным в неравном браке, с таким же обозначением «тума»), который может себе позволить задирать князей Кабарды, включая самого Беслана, дерзить им, выражать неповиновение, демонстрировать публично свое превосходство как наездника и пр. Особенно вызывающим его поведение выглядит по отношению к Беслану, учитывая его статусное превосходство над любыми другими князьями.

В ситуации противостояния Андемиркану Беслан отстаивает свое достоинство как властителя, верховного князя и одновременно выражает чаяния остальных князей относительно судьбы Андемиркана. По этому поводу князья во главе с Бесланом собираются на хасу и выносят коллегиальное решение о физическом устранении дерзкого героя.

Согласно фольклорной традиции Андемиркан несколько раз позволяет себе публично оскорбить Беслана. Беслан же не отвечает на подобные выпады немедленным и соразмерным обиде взрывом негодования. Он не прибегает тут же к осуждению и наказанию Андемиркана. В традиционном кабардинском обществе вне зависимости от статусных различий все подчинены закону, традициям и обычаям. Норма довлеет над личностью. Но именно личностные качества князя определяют степень устойчивости данного правила. Беслан предстает в повествованиях человеком, владеющим ситуацией и умело направляющим князей и дворян Кабарды, обеспечивая поддержку своей позиции.

В описании протекания конфликта обратимся к одному варианту записей сказания об Андемиркане. История противостояния начинается с того, что верховный князь приглашает Андемиркана к себе для совместного похода в Астрахань. В то время, когда герой находится в доме у князя в ожидании начала похода, Беслан позволяет себе быть неучтивым по отношению к гостю. Князь критикует оружие Андемиркана: проверяя его, Беслан натягивает несколько раз лук и говорит, что лук неплохой но все же «слабоват». Андемиркану замечание не понравилось, но он промолчал [2, с. 58]. Затем Беслан и его приближенные оказываются на охоте, где происходит достопамятный инцидент. Преследуемая Андемирканом дичь бежит в сторону Беслана, который из-за своей чрезмерной тучности передвигался не верхом на лошади, а в повозке. «Стрела, пронзив насквозь оленя (*кабана и пр. в других*

версиях. – Ю.А.) попала в колесо и пригвоздила его к оси, так-что оно перестало вертеться. „А, тучный Беслан, котораго лук возится арбою, как тебе понравился полет моей стрелы?“ спросил его после того Айдемиркан. Беслан промолчал, сочтя это справедливым возмездием за слова, которыя он сказал в своей кунацкой относительно лука Айдемиркана» [2, с. 59].

После сцены с охотой по сюжету разворачивается героическая осада Астрахани. Андемиркан отличился в осаде. После удачного набега все спешат с поздравлениями к Беслану, который ожидая результатов, все так же восседает на арбе поодаль от места сражения. «И Айдемиркан, возвратившись с набега, также подошел поздравить Беслана, но сказал ему: „да здравствуешь госпожа!“ Эта насмешка сильно оскорбила Беслана, хотя он постарался не подать и вида в том». И здесь составитель приписывает Беслану мысли, подтверждающие его намерение приструнить Андемиркана: «„В первый раз я могу ему простить, потому-что я первый его задел и он имел право отплатить мне, но этот раз он уже издевается надо мной без всякаго с моей стороны повода, полагая, вероятно, что надо мной можно смеяться безнаказанно. Но не будь я рожден своею матерью мужем, если я не заставлю раскаяться его в этих словах,“ подумал Беслан и тут же поклялся в душе непременно погубить его» [2, с. 59].

Эпизод конфронтации напоминает перипетии противостояния конунга франков и воина из легенды о суассонской чаше, рассказанной Григорием Турским в «Истории франков». Согласно легенде войско Хлодвига – конунга франков – захватило и разграбило город Суассон. Все награбленное согласно традиции должно было быть разделено между воинами. Хлодвигу также полагалась своя часть добычи. Епископ Суассона попросил Хлодвига вернуть священную чашу из храма. Но так как Хлодвиг не мог до раздела добычи самовольно забрать приглянувшуюся ему вещь, он обратился с просьбой к воинам предоставить ему указанную чашу. Большинство воинов выразили согласие предоставить чашу своему предводителю. Но один воин выразил недовольство просьбой Хлодвига. Он разрубил чашу с возгласом «„Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию“... Все были поражены этим поступком, но король перенес это оскорбление с терпением и кротостью. Он взял чашу и передал ее епископскому послу, затаив „в душе глубокую обиду“.

А спустя год Хлодвиг приказал всем воинам явиться со всем военным снаряжением, чтобы показать на Марсовом поле, насколько исправно содержат они свое оружие. И когда он обходил ряды воинов, он подошел к тому, кто ударил по чаше и сказал: „Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся“. И, вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову, говоря: „Вот так и ты поступишь с той чашей в Суассоне“. Когда тот умер, он приказал остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх» [10].

Беслан тоже затаил обиду, он также не располагает возможностью в тот же миг, когда произошло событие, наказать за дерзость Андемиракана. Но он тщательно готовит расправу. Он собирает князей на хасу, выясняет их

настроения, задействует механизм коллегиальности для решения вопроса в удобном ему ключе. Можно предположить, что ведутся обсуждения неподобающего поведения Андемиркана, нарушение им существующих норм. Беслан ведет отдельные переговоры с исполнителями его расправы. Он не действует напрямую, но, должно быть, применяет наилучшим образом *дар слова*, чтобы убедить нужных людей завлечь Андемиркана и убить его.

Согласно содержанию фольклорного материала князья братья Канболат и Асламбек были дружны с Андемирканом. Но Асламбек пропал без вести. Пустили слух, что к его пропаже и гибели причастен Андемиркан. Якобы Асламбек гостил у Андемиркана и последний, не сумев одарить гостя подобающими подарками и не желая опозорить себя тем самым, убил гостя-Асламбека. Но Канболат не верил в эти слухи и по-прежнему дружил с Андемирканом. Беслан узнал, что Андемиркан собирается в гости к Канболату. Он приехал тайно к Канболату раньше и стал апеллировать к слухам о гибели его брата, намекая тем самым на неотомщенную кровь. Беслан указал на то, что у Канболата есть более веские основания считать Андемиркана врагом, «чем все другие кабардинские князья, которые с ним, Бесланом, во главе, замыслили его погубить».

Составитель вкладывает в уста Беслана подобный текст: «„от имени их [остальных князей] и от себя я прошу тебя не отставать от нас, своих более близких родственников, между которыми ты живешь и которые во всякое время могут выказать более участие и быть полезнее тебе, чем Айдемиркан, давно уже изменивший клятве, им данной тебе,“ говорил Беслан. „Не меняй нас, собратьев своих, на ненадежного друга и исполни нашу просьбу. Так как он только тебе одному из всех нас может довериться, то предоставь нам случай напасть на него врасплох и погубить его, так, чтобы он не мог нанести нам большого вреда,“ объяснил затем Беслан».

Канболат выразил сомнение по поводу правдивости слухов о причастности Андемиркана к гибели его брата ввиду отсутствия надежных доказательств этому. Не желая нарушать клятву в дружбе, данную Андемиркану, он все-таки вынужден был уступить Беслану: «„Но вражда ваша страшнее для меня нарушения клятвы, и я, видит Бог, только вынужденный необходимостью, исполню ваше желание,“ ответил Канболат... Тогда Беслан вынудил Канболата поклясться, что он не изменит данному слову и затем объяснил ему способ, который он, совместно с другими кабардинскими князьями, придумал для умерщвления Айдемиркана» [2, с. 60-61].

Таким образом, убийство Андемиркана, фактически его казнь, заслуженная им, организуется и осуществляется правителем, который не может себе позволить вызвать героя на поединок. Риторика песен и сказаний об Андемиркане свидетельствует о том, что народное мнение симпатизирует ему. Геройства и удаль Андемиркана оправдывают его задиристость и предохраняют от публичного осуждения. Беслан оперирует подходом, который в современных условиях назвали бы «тонкой политической игрой» либо «политическим манипулированием». Ни на один выпад Андемиркана он не дает личного, прямо и непосредственно обращенного к тому ответа.

«Могущественный не живет без прислужников, не управляет без посредников»

На всех уровнях властной пирамиды традиционного кабардинского общества – вотчины, удела, всей Кабарды – помимо носителей власти, «лиц принимающих решение» и отдающих распоряжения («пши» или «тхамада» в расширительном смысле этих слов) должны были быть лица «проводящие в жизнь» волю правителя и господина, исполнители этих решений и распоряжений. В Кабарде людей, принадлежащих к этой группе исполнителей называли «бейголь». Подобно западноевропейским «министериалам» или «сержантам» [8, с. 330], адыгские бейголи выступали как четко очерченный социальный слой, место которого в обществе определялось общностью роли, выполняемой каждым из них. Вместе с тем, внутри этой категории складывалась определенная дифференциация и иерархия, обусловленная начатками «специализации» их функций, положением господина в феодальной иерархии, большим или меньшим умением справляться с поставленными задачами. Обусловленная (взаимными обязательствами с сеньором) верность вассала проигрывала безусловной преданности служителей, возвышенных исключительной волей господ. Каждый отдельный субъект власти традиционного кабардинского общества, в первую очередь, опирался на своих бейголей, как самых надежных исполнителей всякого рода поручений и распоряжений.

Кабардинские князья могли делегировать часть исполнения властных полномочий, не рискуя тем самым ограничить свою власть. Не будучи делегированной одному конкретному лицу, власть могла быть разделена в необходимой пропорции между нужным количеством людей. Следствием этого являлось отделение исполнения от решений, т.е. кабардинским князьям необязательно было собственноручно взимать штрафы, собирать подати и дань. Выполнением подобных задач занимались специальные люди, выполнявшие свою работу от имени своих господ. Подобная практика не только не распыляла княжескую власть, но и усиливала ее. Замещение должностей в аппарате управления не требовало родовитости от кандидатов – наоборот. Князьям же ничего не мешало, если бы они того захотели, сместить кого-либо с той или иной «должности». В отличие от сюзеренно-вассальных связей, накладывавших серьезные обязательства на обе стороны, в связях господ и служителей, права и привилегии первых довлели над обязанностями вторых. «Административный аппарат» системы власти традиционного кабардинского общества состоял, большей частью, из функционеров, специалистов-назначенцев, отбравшихся по принципу преданности и в соответствии с уровнем знаний, способностей и умений. Делегирование власти служило организации точного соблюдения единых общеправовых норм и способствовало укреплению власти княжеского рода Иналовичей.

Князь Беслан всегда окружен множеством людей, готовых реализовать его решения и выполнить поручения. Во-первых, его опора в действиях и

воплощении решений на посредников связана с его физическим состоянием. Во-вторых, и это более важный аспект, опора на посредников определяется его властным статусом. В фольклорных источниках подробно не перечисляются «должностные» лица при Беслане, но присутствие служителей-исполнителей очевидно. В разных записях андемиркановского цикла и обзоре Ш. Ногмова прослеживается их наличие: Беслан посылает своих людей (пщым и цЫхухэр – люди князя) за Андемирканом; посылает за скакуном Андемиркана; у Беслана есть охотничьи собаки, которыми кто-то занимается; на охоте его сопровождают загонщики, которым запрещено стрелять в дичь; Беслан сам руководит людьми, готовящими укрытие, где будут прятаться убийцы Андемиркана; Беслан вводит штрафы, которые будут собирать его люди; воля Беслана озвучивается населению его глашатаями и пр. В данном перечислении вызывает сомнение, к примеру, личное руководство Бесланом работой землекопов. Речь не идет о возможности буквальной интерпретации данного эпизода, а о понимании того, что Беслана окружают исполнители, реализующие его волю независимо от его личного присутствия.

Также важно отметить, что возникновение категории потомственных незнатных дворян беслан-уорков в исторической традиции вполне определенно связывается с деятельностью и волей князя Беслана. Ш. Ногмов писал, что «пшиш-орк или берслан-орк, слово двухсложное, означающее «княжеский дворянин», т.е. начавший свой род от князя Берслана: они находились при князьях, приобрели дворянство и получали в подарок разные вещи» [20, с. 126]. Имя Беслана стало составной частью названия сословия княжеских уорков. В качестве другого названия второстепенных дворян и «личных княжеских узденей» употреблялось и определение «пшикеу». В «Пояснительной записке о личных правах туземного населения Терской области», составленной Д.С. Кодзоковым, отмечается, что «сословие пшекеу» образовалось «из потомков лиц, бывших на непосредственной личной службе кабардинских правителей. С помощью пшекеу, они приводили в исполнение постановленные ими судебные решения, взыскивали с виновных штрафы, посылали за сбором дани и т.п. Впоследствии службы этого рода сами пшекеу в низших слоях общества имели заметное влияние и нередко случалось, что дружбою их дорожили знатные ворки» [32, л. 10 об.]. Термином «пшьчеу» Хан-Гирей обозначил дворян второй степени. Он также отмечал, что «в иных владениях есть биеколы из дворян второстепенных и их называют – биеколишхо (великие биеколы)», служащие князю и следящие за порядком [30, с. 155-156, 260]. Интерпретация текста Хан-Гирей дает основание отдельным исследователям предполагать, что среда пшикеу или (и?) больших бейголей представляла собой канал вертикальной мобильности, из данной среды пополнялись низшие слои дворянства [6, с. 110].

В «Записке майора Я. Шарданова о сословных отношениях в Кабарде» отмечается, что «узденья пшекау, то есть княжеские все то исполняют, что князь прикажет, они не вроде холопьев, но и не равняются с узденьями и служат князю ежедневно, безотлучно исполняют домашний порядок и унимают по приказанию князя всякие невежества случится могущие и соблюдают благопристойность, чтобы все были послушны, а князь их защищает от всяких

несправедливых обид по обычаю и за него вступается и за то с виновных по обычаю взыскивает и народ то терпеливо сносит и не может ни чему противиться, что князь сделает право или не правы, на то есть его воля» [15, с. 350-351]. В другом источнике отмечается, что наследственная «должность» пшикеу являлась крайне выгодной, поскольку люди этого звания приводили в исполнение княжеские решения, являлись проводниками княжеского слова, обладали определенной значимостью и весом в глазах простонародья, которое пыталось получить их расположение подарками, всякого рода вознаграждениями [4, л. 18]. По сведениям И.Т. Радожицкого, «третью степень узденей составляют княжеские телохранители, называемые пшекау... Уздень пшекау, или княжеский, исполняет все, что князь ему велит. Он не равняется с обыкновенными узденями и не подвластен князю, как раб, но служит безотлучно, наблюдая домашний порядок» [23, с. 382, 385]. Таким образом, бейголи и пшикеу находились в личном подчинении у своих господ дворян и князей. Они не служили интересам абстрактного государства, а служили своим господам, которые являлись для них воплощением власти, неся «повседневную административную и административно-полицейскую службу, направленную на организацию точного соблюдения обычноправовых норм, на выполнение различного рода постоянных или разовых поручений». Также они были профессиональными воинами. Ими выполнялись и функции оруженосцев и телохранителей [6, с. 112]. Бейголи и пшикеу не были втиснуты в какие-то должностные рамки с ограниченным набором функций. Хотя они не осуществляли жестко ограниченного набора функций, их деятельность включала в себя осуществление особо характерных, типичных для них обязанностей – функции сборщиков податей, судебных исполнителей, посыльных. Их служба не ограничивалась осуществлением раз и навсегда установленных обязанностей. Главная их черта – это преданное несение службы, а в чем выражается эта служба – в сборе штрафов либо в исполнении роли посыльного – это не столь существенно.

Влияние Беслана на становление и развитие сословной структуры и институтов социально-правовой регуляции в Кабарде

Шора Ногмов в своем описании деятельности князя отмечал, что «Берслан был одарен умом решительным, характер имел строгий и благородный. Он ввел между кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей на пять классов: 1) тлохотлешь, 2) джинуго, 3) кодзь, 4) пшиш-орк или берсланорк и 5) уорк сшаотлух-гусса. Общее же всем название было уорк. Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) пшикеу (пшикеу. – Ю.А.), т.е. «княжеский», 2) окго или тлаоксыиао, т. е. «крепостной», 3) длагунпшитъ или дльхокотль, т. е. «крестьянин», и 4) унаут, т. е. «дворовый человек».

Тлохотлешь, вместо тлабкусшь, слово трехсложное; имеющее два значения: 1-е, «от трех знатнейших поколений»; вероятно, они названы так потому, что были многочисленнее и богаче; и 2-е, двухсложное - тлабкусшь:

«от мужественных трех родов человек». Дижинуго - слово сложное из дижин и го, т.е. «желтое серебро»; они были происхождения княжеского из низшего класса. Кодзь вместо кодзе, т. е. «добавка»; должно полагать, что это были переселившиеся иностранные дворяне. Пшиш-орк или берслан-орк, слово двухсложное, означающее «княжеский дворянин», т.е. начавший свой род от князя Берслана: они находились при князьях, приобрели дворянство и получали в подарок разные вещи. Орк сышаотлух-гусса - слово трехсложное: «товарищ мужественного и благородного дворянина». Быть может, они названы так потому, что вели себя мужественно и сознавали свое достоинство. Должно полагать, что Берслан знал происхождение и мужество каждого из подданных. Ныне первые три класса полагаются в первой степени, а орк-сышаотлух-гусса в третьей; все же они издревле называются орк. Несмотря на сложные слова и значение их, они разделены по степеням» [20, с. 125-126].

Видение социальной структуры традиционного кабардинского общества современными исследователями несколько отличается от модели, предложенной Ш. Ногмовым. Так, в сословную иерархию благородных включаются князья-пши; тума (княжеские отпрыски в неравных браках); тлекотлеши (сильное колено); диженуго (позолоченное серебро); беслан-уорки, уорк-шаотлугусы (вассалы первостепенных уорков тлекотлешей и диженуго); пшикеу (княжеская ограда) и бейголи (служитель господина). Вопрос с точной идентификацией статуса пшикеу и бейголей является одной из дискуссионных проблем в адыговедении. Согласно одним интерпретациям пшикеу фактически ассоциируется с беслан-уорками. Ш. Ногмов же указывает, что пшикеу это первый «класс» крестьянства.

Формирование сословно-иерархических структур в человеческих сообществах протекает крайне длительно и многосложно. Концепция рукотворности и одномоментности генезиса социальной структуры в любом обществе соответствует неоправданно упрощенной и искаженной интерпретации процесса. На стадии разложения родоплеменных отношений и усложнения социальной структуры, люди, осуществляющие функции управления в обществах, не располагали достаточными возможностями принуждения и навязывания своей воли в развитии общественных связей и отношений. К тому времени, когда для управителей становится возможным влиять на правотворчество, структура общества в основных своих компонентах уже выстроена. Ко времени правления князя Беслана традиционное кабардинское общество уже было иерархизированным и стратифицированным. Сословная структура общества не была изобретена Бесланом. Но высокая степень влияния и полновластия данного конкретного верховного князя позволили закрепить установившееся положение вещей и даже внести некоторые изменения в социальную структуру.

А.Я. Гуревич, в процессе исследования памятников обычного права на примере варварских Правд западноевропейских народов и племен раннего средневековья, пришел к выводу о том, что в Правдах в целом фиксируется не законодательная инициатива государей (хотя ее следы в ряде судебных актов явно видны), а прежде всего и по преимуществу народный обычай. Нормы

обычного права достаточно консервативны по своей сути, к ним относились как к нерушимым установлениям. Но в действительности обычай не оставался неизменным, с течением времени он трансформировался [11, с. 86-87]. А.Я. Гуревич отмечал, что «правды фиксируют обычаи, складывавшиеся поколениями и мало изменившиеся – во всяком случае под воздействием сознательной инициативы – именно потому, что они были обычаями: в силу традиции эти нормы считались нерушимыми, если не священными. Отсюда – неполнота и фрагментарность постановлений Правд, ибо многообразные обычаи не поддаются сплошной фиксации, да в этом и не было необходимости». А.Я. Гуревич указал и на то, что «фиксация же части обычного права в судебныхниках (полностью обычаи никогда не записывались) придавала ему окончательный, впредь неизменяемый вид. К тому же запись судебныхников почти повсеместно производилась по инициативе королевской власти, к которой со временем переходила и законодательная функция (сначала это были добавления и исправления Правд, а затем и самостоятельные законы)» [11, с. 89-90].

Х.М. Думанов, ссылаясь на Ш. Ногмова, пишет о том, что кодификация законов в Кабарде имела место еще в XV-XVI столетиях. В качестве примера он приводит предание, связанное с Бесланом Джанхотовым, который учредил единый порядок судопроизводства, издал законы и обряды и установил разные штрафы за их неисполнение [12, с. 112]. Хан-Гирей описал влияние пши на правотворчество, на включение новых пунктов в нормы обычного права. Он показывал, что права, которыми обладали пши, были присвоены себе ими самими [30, с. 162]. Он также выдвинул гипотезу о том, что пши не просто повлияли на оформление тех или иных сословий, но и прямо занимались созданием, выделением различных групп дворянства из остальной массы населения для своего возвышения и усиления [13, с. 31-32].

Сравнительно развернутая характеристика, существовавшим в Кабарде судебным инстанциям, дана Ш. Ногмовым. Он писал, что Инал поставил над народом сорок судей, которые должны были заботиться о его благосостоянии, поддерживать «тишину и благоденствие». Такое положение вещей сохранялось не долго и после смерти Инала судебная система, созданная им, распалась [20, с. 95]. «В XVI в., в период правления князя Берслана Кайтуковича Джанкутова, судебная система в Кабарде претерпела определенные изменения. По-прежнему в суде главную роль играли князья, но судебная власть одного князя не возвышается над другими князьями, как у Инала. При князе Берслане происходит известная регламентация компетенции судов, разграничение их деятельности, и в известной мере суд выступает, как законодательный и исполнительный орган» [17, с. 63].

Согласно повествованию Ш. Ногмова, «Берслан, в продолжение управления своего кабардинским народом, желая улучшить и упрочить его благосостояние и для оказания всякому правосудия, первый учредил во всех аулах, в каждом по одному хеезжа, т.е. «третьейский суд», в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей. Суд этот составляли несколько человек, из благонадежных узденей и депутатов со

стороны народа, ежегодно им избираемых с утверждения самого князя, который в руководство им и народу издал разные законы и обряды, о которых будет говорено ниже. Жалобы же на судей, также уголовные и относившиеся до всего народа дела разбирались и решались под председательством князя в хе, т.е. «главном суде», учреждавшемся в постоянном месте жительства князя. Кроме того, князь Берслан Кайтуков установил разные штрафы за неисполнение данных им узаконений и обрядов, ныне не соблюдаемых народом, и старался всеми силами искоренить зловердных людей, и весьма многих князей за неблагонамеренные их поступки лишал княжеского достоинства, а некоторых и вовсе изгонял. Равным образом он изобрел для собственных своих и узденских лошадей особое тавро, называемое и ныне берслановским. Украденная и найденная впоследствии лошадь с этим тавром подвергала виновных тяжкому наказанию» [20, с. 126-127]. Описывая время правления пши Хатожуко Казыевича, Ш. Ногмов отмечал, что «обиженные и угнетенные находили в нем защиту и правосудие, и притеснители же справедливое по заслугам наказание. Он восстановил и утвердил в народе навсегда благоразумные постановления и обряды дяди своего Берслана относительно князей, узденей и холопов» [20, с. 137].

Князья в традиционном кабардинском обществе воплощали власть во всех ее проявлениях, не исключая законодательный и судебный аспекты. Приведенные выдержки из работы Ш. Ногмова следует интерпретировать, как иллюстрацию наличия у верховного князя Беслана Джанхотова прав и возможностей законодательной инициативы. Княжеская воля осуществляется не только в контексте господства объективно трансформирующегося со временем народного обычая, но и в условиях возрастания возможностей закрепления, фиксирования, дополнения и исправления управленцами норм обычного права и основ функционирования судебной системы. Влияние Беслана – это случай воздействия на развитие судебной системы, но не создания ее. И источники объективно не позволяют измерить данное воздействие и четко фиксировать его границы. Как и в ситуации с развитием социальной структуры, степень влияния правителя непосредственно связана с личностными качествами могущественного по статусу человека. Беслан обладал достаточной волей и возможностями трансформирующего влияния на общество.

Заключение

Адыгские сказания, исторические предания и героические песни содержат информацию о времени правления князя Беслана и хранят память о характере его правления и границах реализации властных функций. Беслан совмещал в себе предводителя воинов и представителя священного рода Иналовичей. Степень полномочия верховного князя в традиционном кабардинском обществе рассматриваемого времени была обусловлена подобающей комбинацией соответствующего происхождения и личных качеств мудрого правителя и удачливого предводителя.

Личность князя и его достоинство были неприкосновенны в силу особого статуса княжеского рода. Неповиновение и проявление неуважения по отношению к Беслану не встречали общественного одобрения и были наказуемыми деяниями. Даже безусловная народная любовь и поддержка не могли помочь провинившемуся избежать наказания. Это не было произвольным наказанием, но возмездием, санкционированным правом. Власть князя определялась не столько наличием авторитета (хотя авторитет способствовал усилению власти), сколько закрепленными в адатах нормами, которые являлись общепризнанными для всех слоев населения. Вместе с тем эти нормы поддерживали безусловный примат княжеской «касты».

Князь Беслан обладал формальным законом и средствами принуждения (штрафование, изгнание, убийство). Княжеская власть осуществлялась через определенный аппарат управления, который еще не имел четкие очертания и организационную структуру, но который на необходимом уровне занимался выполнением поставленных задач. Князь обладал легитимизированной властью принуждения, позволявшей, к примеру, запрещать под угрозой наказания исполнять песнь об Андемиркане.

Князь Беслан являлся формальным источником права, гарантом осуществления правосудия и одновременно верховным судьей. Логика функционирования и развития системы обычного права не предполагала «издание» князем новых законов, а подразумевала широкие возможности сохранения старых и добрых обычаев и обеспечения их применения. На деле, с помощью поправок и истолкований, князь мог существенно трансформировать законодательство. Беслан обладал правами дополнения и исправления законодательства и введения новых штрафов.

В общественном сознании решения и деятельность Беслана встречали поддержку и понимание вследствие его восприятия в качестве мудрого и сильного правителя, заботящегося об общественном благоустройстве и благосостоянии. Особа князя Беслана символизировала достоинства единоначалия и выгоды согласованного признания и подчинения власти одного верховного правителя. Во всяком случае, в общественном сознании с одобрением воспринимались сильные князья, способные либо прекратить, либо не допустить междоусобицы кабардинских князей, оборачивавшиеся бедствием для народа. Время правления Беслана отражено в фольклоре, как эпоха удачных военных походов, междукняжеского согласия и признания верховенства могущественного князя, оправдывающего всемерно свой статус.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Гл. ред. профессор М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с
2. *Айдемиркан* // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1872. – Вып. 6. – С. 50-64.
3. *Андемиркан* (Андемыркъан) // Адыгский фольклор (Адыгэ ИуэрыИуатэхэр): в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 412 с.
4. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 35.

5. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 228 с.
6. *Бгажноков Б.Х.* Бейголи в социальной структуре феодального адыгского общества // Генеалогия Юга России: история и современность: мат-лы Всероссийской науч. конф. (25-27 июня 2004 г.). – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – С. 105-114.
7. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458-530.
8. *Блок М.* Феодальное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
9. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – 236 с.
10. *Григорий Турский* История Франков (Печ.: Григорий Турский. История франков. М. Наука. 1987) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада: сайт. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Greg_Tour/frametext2.htm (дата обращения: 12.06.2017).
11. *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М.: Высшая школа, 1970. – С. 86-87.
12. *Думанов Х.М., Думанова-Крышмамаханова Ф.Х.* Право и судебные органы адыгов // Исторический вестник. Вып. IV. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – С. 111-142.
13. *Жемухов С.* Мирозозрение Хан-Гирея. – Нальчик, 1997. – 115 с.
14. Жизнь и смерть Андемыркана // Кабардинский фольклор / Общая редакция Г.И. Бройдо; вступительная статья, комментарии и словарь М.Е. Талпа; редакция Ю.М. Соколова; иллюстрации Т.С. Анисимовой. – М.-Л.: ACADEMIA, 1936. – 652 с.
15. Записка майора Я. Шарданова о сословных отношениях в Кабарде // Нагоев М. Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 349-382.
16. *Карамурзов Б.С., Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 12.07.2017).
17. *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право. Его особенности. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 193 с.
18. *Кешев А.-Г.* Характер адыгских песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века: в 2-х кн. Кн. 1 / Кабард. Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Сост. и. авт. вступ. статьи, А.И. Алиева; Комент. А.И. Алиевой, А.М. Гугова; Подгот. текстов и общ. ред. А.М. Гугова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1979. – 404 с.
19. *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X-XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. – Москва: Наука, 1986. – С. 149-157.
20. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
21. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. Т. 13. 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – 302 с.
22. Происхождение Беслана Тучного, его верховное княжение и рассказ о его злодеяниях (Бесльэней ПцIапцIэ кызыхэкIар, ар пшы уэлийуэ зэрыштытар, абы лейуэ зэрихьам и хьыбар) // Адыгский фольклор (Адыгэ IуэрыIуатэхэр): в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 412 с.
23. *Радожницкий И.Т.* Законы и обычаи кабардинцев // Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 382-394.

24. Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (Из родословной книги, принадлежавшей А.М. Пушкину); Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (Из родословной книги, принадлежавшей А.И. Лобанову-Ростовскому) // Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы: в 2-х т. Т.1. – Москва: АН СССР, 1957. – С. 383-387.

25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. (Сношения России с ногайскими татарами - (коллекция) из фондов Боярской Думы и Посольского приказа. Посольские книги и дела).

26. *Сивер А.В.* Державы князей: опыт сравнения княжеской Кабарды и Древней Руси // Исторический Вестник. - Нальчик: Эль-Фа, 2007. - Вып. VI. - С. 39-76.

27. Сказание об Андемиркане (Андемыркъан и хъыбар) // Адыгский фольклор (Адыгэ IуэрыIуатэхэр): в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 412 с.

28. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. – С. 187-278.

29. *Хагожеева Л.С.* Возникновение института княжеской власти и ее дальнейшая трансформация (по материалам адыгской сказки) // Вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – 1 (21). – С. 89-93.

30. *Хан-Гирей* Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 363 с.

31. *Хан-Гирей С.* Классификация адыгских народных песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века: в 2-х кн. Кн. 1 / Кабард. Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Сост. и авт. вступ. статьи, А.И. Алиева; Комент. А.И. Алиевой, А.М. Гутова; Подгот. текстов и общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1979. – 404 с.

32. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). – Ф. Р-1209. – Оп. 11. – Д. 24.

УДК 93/99 (470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-57-75

БЕСЛАН ТУЧНЫЙ В ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ КАБАРДИНЦЕВ: ОБРАЗ ВЛАСТИ И ВЛАСТИТЕЛЯ

Ю.М. АЗИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: azik-uu.84@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена реконструкция образа власти и представлений в обществе о власти конкретного кабардинского верховного князя – Беслана Джанхотова на основе анализа содержания фольклорных источников. Ученые-кавказоведы не располагают документальными свидетельствами, позволяющими подробно и системно характеризовать его личность, жизнь и деятельность. Скудость источниковой базы ограничивает возможности восстановления событийной составляющей деяний верховного князя Беслана. Но фольклорный материал, находящиеся в нашем распоряжении, является незаменимым источником для исследования *процесса, характера и пределов* осуществления властных функций князем Бесланом в традиционном кабардинском обществе. С точки зрения

историко-антропологического подхода к проблеме и изучения политического процесса, а не политической истории и политических событий, фольклорный материал является благодатной почвой исследований, позволяющий обнаружить то, что думали о себе люди эпохи и категории, в которых они мыслили. В статье исследуются основания властвования Беслана, степень его соответствия рыцарскому идеалу воина и военного предводителя, способности князя, его трансформирующее влияние на общественно-политический строй традиционного кабардинского общества.

Ключевые слова: власть; представления о власти; Беслан Тучный; традиционное кабардинское общество; рубеж XV-XVI вв.; фольклор; героические песни; исторические предания.

BESLAN THE FAT IN HEROIC SONGS AND HISTORICAL LEGENDS OF KABARDINS: THE IMAGE OF POWER AND THE RULER

Yu.M. AZIKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173

E-mail: azik-uu.84@mail.ru

Abstract. The article presents the reconstruction of the image of power and notions in society about the power of the concrete Kabardin supreme prince – Beslan Dzhanhotov on the basis of an analysis of the content of folklore sources. Scientists-Caucasologists do not have documentary evidence, allowing to characterize his personality, life and activities in detail and systematically. The scarcity of the source base limits the possibilities restoring the event component of the deeds of the supreme prince Beslan. But the folklore material at our disposal is an indispensable source for investigating the process, nature and limits of the exercise of power by prince Beslan in the traditional Kabardin society. From the point of view of the historical-anthropological approach to the problem and the study of the political process, rather than political history and political events, folkloric material is a beneficial field for research, allowing to discover what people of that era thought about themselves and the categories in which they thought. The article investigates the foundation of dominance of prince Beslan, the degree of his compliance with chivalrous ideal of the warrior and military leader, capabilities of the prince, his transformative impact on the socio-political structure of the traditional Kabardin society.

Key words: power; notions about power; Beslan the Fat; traditional Kabardin society; the turn of the XV-XVI centuries; folklore; heroic songs; historical legends.

ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1920-х – НАЧАЛА 1940-х гг.

А.Н. Максимчик

Революционные потрясения 1917 г. подвели итоговую черту под существованием Российской империи. Развернувшаяся модернизация многих сфер деятельности общества охватила, в том числе, и цикл гуманитарных наук. Актуальной проблемой для первых десятилетий советской власти являлся вопрос восстановления и создания основ научно-исследовательской инфраструктуры исторической науки (организация архивных и научно-исследовательских учреждений).

Революция и гражданская война на Кавказе крайне негативно сказались на состоянии сохранности архивных документов, которые за эти годы были уничтожены или бесследно пропали [20]. В январе 1922 г. бывший начальник военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа С.С. Эсадзе (1870–1927) с сожалением писал, что в результате этих событий «погибло до 100000 дел, относящихся до военного и военно-народного управления Кавказским и Закавказским краем со времени царствования Екатерины II» [93, л. 9 об.]. Он писал, что меньшевистское правительство Грузии продавало целыми пудами Архив при Штабе Кавказского военного округа, отчего «рынки и базары заполнились ценными документами, вырванными из проданных дел» [93, л. 8]. Сотрудник Артиллерийского исторического музея Т.И. Воробьев (1898–1966), занимавшийся в 1950-е гг. поиском коллекций расформированного Кавказского военно-исторического музея, также сообщал, что на базаре г. Ростова-на-Дону листы архивных дел использовали для упаковки продуктов. «Такому, в частности, уничтожению подвергся архив наместника на Кавказе, от которого сохранились лишь жалкие остатки. Многие архивы воинских частей были использованы “белыми” на топливо» [13, с. 123].

Уже к концу 1910-х гг. советскому руководству удалось принять ряд мер с целью улучшения плачевной ситуации в архивной отрасли. В 1918 г. декретом СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» создан Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), которым ведал организованный Главархив. Во многом, это позволило в 1920 – начале 1940-х гг. возобновить работу по дальнейшему выявлению, анализу и публикации исторических документов, относящихся к проблеме включения Кавказа в состав России [23; 26; 33; 38; 53; 54; 70].

Параллельно с разрешением архивного вопроса активно шел процесс организации и создания новых гуманитарных научных учреждений: в 1920 г. создан ИМЭ – Институт Маркса и Энгельса, в 1921 г. – Институт Красной профессуры. В 1923 г. была основана Российская Ассоциация по изучению общественных наук (РАНИОН), объединившая в своих стенах многих деятелей дореволюционной науки [56, с. 85-86]. Аналогичными мероприятиями был

охвачена и территория Северного Кавказа. Несмотря на отсутствие необходимой материально-технической базы, достаточного числа квалифицированных специалистов для организации и ведения научно-исследовательской работы, в мае 1920 г. в г. Владикавказе был создан Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения с отделениями в Москве и Ленинграде [22; 76; 83]. К началу 1930-х гг. в регионе уже функционировало 9 НИИ краеведения (Дагестанский, Ингушский, Чеченский, Северо-Осетинский, Адыгейский, Карачаевский, Черкесский, Кабардино-Балкарский и Горский). В программу приоритетных научных задач НИИ, в соответствии с марксистской методологией, входило изучение и анализ предпосылок, причин и последствий завоевания Кавказа, национально-освободительной борьбы горцев против царизма в XIX веке [4, с. 46].

Одновременно в центре и в регионах стали появляться первые специализированные научные журналы: «Пролетарская революция» (1921–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), «Красный архив» (1922–1941), «Новый Восток» (1922–1930), «Историк-марксист» (1926–1941), «Революция и горец» (1928–1933), «Борьба классов» (1931–1936), «Исторический журнал» (1937–1945). На страницах журналов советские историки, с одной стороны, сконцентрировались над практическим внедрением в исторический процесс идей и положений марксизма (в том числе в его сталинской интерпретации), созданием и применением нового научного инструментария при анализе конкретных исторических явлений. Одновременно, с другой, – активно вели борьбу на «научном фронте» с дворянской и буржуазной исторической наукой, критиковали и разоблачали построения неокрепших марксистских историков.

На начальном этапе становления советской исторической науки (1920–1930-е гг.) историки, вслед за представителями новой власти, обращали особое внимание на пропаганду достижений и преимуществ политического курса партии большевиков в национальном вопросе путем их сопоставления с царским стилем управления окраинами империи [4; 10; 21; 43; 58]. Учитывая многонациональный состав населения бывшей Российской империи, острие пропаганды и критики было направлено на цели и характер ее расширения, на положение местного «угнетенного» населения с задачей дискредитации свергнутого политического режима. Концептуальной опорой исторических работ служили речи первых лиц государства. Так, в отчете ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике республики» от 23 декабря 1921 г. В.И. Ленин, сравнивая царское правительство с новой властью, писал следующее: «ее отношение к народностям, населявшим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущения угнетенных национальностей» [40, с. 297]. В выступлении он открыто заявлял о насильственном присоединении к России иноэтничных территорий, об агрессивных и постоянных стремлениях империи расширять свои границы. В другой своей статье «К вопросу о национальной политике» (1914 г.), напечатанной в журнале «Пролетарская революция» (1924, № 3) он, вслед за французским писателем Астольфом де Кюстином, настойчиво сравнивал Российскую империю с «тюрьмой народов». После озвученных

тезисов В.И. Ленина, историки решительно стали искать на линейке хронологии начало процесса трансформации царской России в тюрьму народов. На Всесоюзной конференции историков-марксистов 1928–1929 гг. получила поддержку озвученная М.В. Нечкиной (1901–1985) версия о том, что переломным моментом в процессе такой трансформации следует считать XVI век [52, с. 9], а его моментом ликвидации тюрьмы народов – Октябрьскую революцию 1917 г. По этому поводу исследователь А. Рогов писал, что только после революции «в тюрьме народов – царской России, освободилась камера “Кавказ”» [78, с. 95].

Значительное внимание пропагандистской работе по дискредитации царского режима уделял и И.В. Сталин. В 1934 г. в резолюции к «Краткому конспекту учебника “История СССР”» он настойчиво требовал от составителей будущих учебников так показать дореволюционную историю, чтобы учебник стал «смертным приговором царизму как поработителю народов» [27, с. 11].

Параллельно с набирающим темпы процессом дискредитации политики царской России, в 1920-е гг. имели место попытки резкой критики и большевистского курса. В письме бывшего председателя Национального совета Азербайджана М.Э. Расулзаде (1884–1955) к И.В. Сталину от 1 января 1923 г. была подвергнута критике большевистская национальная политика, которая, по мнению лидера партии «Мусават», воспроизводила имперские амбиции царской России [62]. Однако если в 1920-е гг. такая версия по понятным причинам не могла оказать существенного влияния на концепции советских историков, то, начиная с 1990-х гг., в ряде республик Кавказского региона ее применяли для придания курсу суверенизации исторической основы.

Постоянно усиливающееся влияние правящей партии большевиков на определение проблематики социально-гуманитарных наук привело к тому, что историческая наука окончательно утратила иммунитет к внешним идейно-политическим влияниям. Она стала приобретать концептуальную эластичность и конъюнктурный характер. Историки прекрасно понимали, что руководящий аппарат партии берет на себя роль главного цензора, заказчика и координатора в переосмыслении многовекового исторического пути российской государственности, а от исследователей требуется научное наполнение партийных идей.

Кроме практиковавшегося замещения научной методологии большевистскими идеологемами перед исследователями стояла задача переоценки опыта и критики предшествующего этапа изучения истории. После того, как марксизм получил статус государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой, единственным авторитетным источником в изучении динамики исторического процесса стали выступать работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. В основу новой (большевистской) методологической инфраструктуры исторической науки были положены идея интернационализма и учение о классовой борьбе, как движущей силе исторического процесса [34, с. 145]. Свое применение они получили и на северокавказском историческом материале [77; 81; 99]. Так, по мнению историка-краеведа Н.Г. Буркина (1894–1962), раскрытию реакционности теорий

дореволюционных военных историков писавших по проблеме присоединения Кавказа к России и выходу из методологического «тупика» может помочь использование ленинских идей, согласно которым: 1) «появление русских в горах Северного Кавказа было обусловлено неизбежным законом капитализма – искать все новые и новые рынки для товаров и капиталов и 2) горские области Кавказа сначала были завоеваны политически, а затем шел процесс экономического «завоевания» [8, с. 4].

Итогом вышеуказанного стало то, что в рамках изучения процесса расширения российского государства в советской идеологии и науке был разработан ряд сменявших друг друга историко-партийных парадигм: «Россия – тюрьма народов» → «абсолютное зло» → «наименьшее зло» → «объективно-прогрессивные последствия» и «добровольное вхождение на основе вечной дружбы» [75, с. 123].

В первой половине XX в. в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России доминирующее положение занимала концепция «завоевания» [2; 5; 11; 16; 18; 19; 21; 30; 32; 36; 44; 47; 48; 60; 64; 84; 85; 88; 92; 100]. На первый взгляд использование данной концепции наглядно демонстрировало преемственность по отношению к историческим концепциям официальной имперской историографии. Как и дореволюционные исследователи, советские историки базировались на единой платформе характера и методов присоединения. Они отмечали доминирование силового фактора в процессе присоединения горцев, однако расходились в оценке его последствий для местного населения и региона в целом. Но если раньше мотивом продвижения России вглубь Кавказа выступала идея расширения ареала цивилизации и культуры на Восток, приведшая к последующему прогрессивному развитию Кавказа в составе России, то теперь, молодая советская историческая наука, согласованная с партийной «повесткой дня», изначально сконцентрировалась на придании последствиям этого процесса безальтернативного статуса «абсолютного зла». Так что единственным содержательным элементом старой «буржуазной» концепции, сохранившимся в работах советских историков стали хронологические рамки присоединения. Как и в предшествующий период изучения процесса присоединения горцев к России, историки 1920–1940-х гг. связывали его с окончанием Кавказской войны.

Первым, кто решил «обрисовать исторический процесс как историю классовой борьбы» и дать новую оценку последствий присоединения горцев к России был основатель марксистской исторической школы М.Н. Покровский (1868–1932) [56, с. 84]. В основу своей схемы интерпретации истории внешней политики России он положил концепцию торгового, а впоследствии – промышленного капитализма, стремящегося к овладению новыми торговыми путями, рынками сбыта и сырья [79, с. 60]. В его интерпретации и Казанские походы Ивана IV, и Северная война Петра I, и Кавказские войны, и завоевание Средней Азии, и активность царизма в Восточном вопросе – все сводилось к интересам российской торговли. Впервые свою версию причин расширения империи применительно к кавказскому региону М.Н. Покровский изложил в энциклопедической статье «Кавказские войны» [65]. Более детализовано

причины, ход и последствия присоединения Кавказа к России М.Н. Покровский опубликовал в сборнике статей «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» [64]. Об этой книге он, не скрывая гордости, писал, что «...более удовлетворительных с марксистской точки зрения обзоров русской внешней политики XIX века в литературе пока не имеется» [64, с. 391]. В статье «Завоевание Кавказа» он настойчиво рассматривал присоединение Кавказа к империи через призму российско-персидского соперничества в регионе. Точкой невозврата в двусторонних отношениях стал переход персидского вассала – Грузии под протекторат России. Война с северокавказскими горцами, по мнению историка, имела чисто стратегическое значение и вытекала из целей персидских походов, начатых еще императором Петром I [64, с. 179]. Своёобразно М.Н. Покровский обозначил и причину завоевания Кавказа. Он отмечал, что это было вызвано необходимостью сохранения чести русского мундира! Примечательно то, что историк первым применил классовую теорию В.И. Ленина о двух культурах, двух Россиях – демократической и элитарной, жестко разделенных по социально-классовому принципу (статья «Критические заметки по национальному вопросу»). Ее использование в работах большинства советских историков служило фундаментом при объяснении целого ряда вопросов, связанных с проблематикой истории российско-кавказских отношений. Так, по мнению М.Н. Покровского, причиной поражения горцев Северо-Западного Кавказа стало отсутствие единого фронта в рядах восставших, поскольку черкесское дворянство олицетворяло опору российского господства и содействовало утверждению русского владычества на Кавказе [64, с. 228]. Относительно имевшейся в исторической науке версии об окончательном покорении горцев Чечни и Дагестана только после подавления восстания 1877–1878 гг. ученый однозначно подчеркивал, что «это уже не была война, требовавшая “покорения”»: это был лишь “бунт”, который нужно “усмирять”» [64, с. 229].

Концептуальный курс, выработанный М.Н. Покровским, оказал значительное влияние на исторические работы второй половины 1920 – середины 1930-х гг. [1; 3; 8; 17; 21; 28; 30; 41; 43; 51; 58; 71; 73; 86; 102; 105]. С позиции классовой борьбы Е.Я. Драбкина (1901–1974) подчеркивала, что «установление русского владычества на Кавказе совпало с длительной эпохой антифеодального движения, охватившего все крупные народы, населявшие эту страну» [21, с. 106]. Российская империя, по ее мнению, в этой борьбе выступила в защиту местных феодальных интересов, считая их опорой в проведении своей будущей политики на Кавказе. Для решения вопроса об определении временных рамок процесса присоединения горцев к Российской империи Е.Я. Драбкина, в отличие от своего учителя, применила имевшуюся в историографии XIX – начала XX в. версию, базировавшуюся на политико-правовой оценке международных актов, заключенных между Россией, с одной стороны, Турцией и/или Персией – с другой, закреплявших северокавказские территории за Российской империей. Она подчеркивала, что «движение, последовательно возглавлявшееся Кази-Муллой, Гамзат-Бекем и Шамилем, было именно восстанием, хотя во всей исторической литературе оно именуется

войной. К тому времени, когда оно началось, Россия уже покорила Кавказ, так что горцы боролись не против внешнего вторжения, а против иноземной власти» [21, с. 108]. Позицию Е.Я. Драбкиной разделял авторский коллектив издания «Адыгея» (Ростов-на-Дону, 1927). Авторы отмечали, что «в 1829 г. по Адрианопольскому миру все горцы отошли к России. Таким образом, война приняла характер подавления восстания собственных подданных и стала еще более ожесточенной» [3, с. 50]. Началом процесса наступления империи на территорию адыгов они считали 1783 г. – манифест Екатерины II о присоединении Прикубанского края к России. Относительно принятия пятигорскими черкесами российского подданства в 1551 г. исследователи подчеркивали, что оно «не принесло той пользы, на которую рассчитывали адыге, стало фиктивным и связь прекратилась» [3, с. 38]. Аналогично в литературе высказывался научный сотрудник Северо-Кавказского музея горских народов Н.Т. Лихницкий (1897–1937), который считал, что главной целью посольств кабардинских князей в Москву было только установление вассальной зависимости «в надежде с ее помощью отстоять свою самостоятельность от Крыма» [42, с. 71].

По мере более углубленного изучения процесса присоединения горцев к России вариативность хронологических границ расширялась. Так, историк и Г.А. Кокиев (1896–1955) связывал процесс присоединения осетин с результатами карательной экспедиции в Осетию генерала П.Я. Ранненкампа в 1830 г. [31]. О более ранних фактах присоединения он писал следующее: «... во всех своих бесконечных просьбах осетинский народ никогда, ни единым словом не обмолвился о принятии русского подданства и везде старался подчеркнуть, что де они признаны свободными русской царицей» (Елизаветой Петровной – *авт.*) [31, с. 78-79]. Заведующий ингушским областным статистическим бюро М.Л. Тусиков относил начало завоевательной политики на Кавказе ко времени Петра I, а его окончание к 1859 г. – жестокому покорению Кавказа [91, с. 17]. При этом Кавказскую войну автор называл восстанием и считал, что оно «не дало никаких положительных результатов в смысле освобождения от ига деспотизма. Произошла только временная смена власти – от дома Романовых к Шамилю с мюридами и от Шамиля к Романовым. И только спустя полвека с лишним после этого горские племена, наконец, освободились и от Романовых и от имамов дружными усилиями трудовых масс всех национальностей, одинаково угнетенных бывшим царским правительством» [91, с. 26].

Известный лингвист-кавказовед Н.Ф. Яковлев (1892–1974), считавший договор ингушей с российскими властями от 22 августа 1810 г. актом присоединения их территории к империи, в своем очерке писал, что они сдержали свое слово и были верны присяге и «в 40-х годах прошлого столетия приняли самое активное участие в отражении наступавшего на Владикавказ известного борца за независимость горцев Шамиля» [104, с. 6]. В отличие от точки зрения Н.Ф. Яковлева, заведующий музеем революции Государственного научного музея г. Владикавказа Г.К. Мартиросиан трактовал этот же договор не как заключение акта о присоединении ингушей к России, а как принятие

ингушами обязательства охранять Военно-грузинскую дорогу и войсковые части, а во время военных действий выставлять тысячу человек «помощного» войска [51, с. 45]. Он также отмечал вынужденный характер российского подданства ингушей в 1769 г., поскольку «это явилось результатом притеснения ингушей от кабардинских и кумыкских князей, которым они платили дань» [51, с. 44]. По его мнению, длительный период завоевания Кавказа «русским военно-феодалным империализмом» пришелся на период XVIII – первую половину XIX вв. Не внес ясность в вопросы хронологии и писатель Х-М. Мугуев (1893–1968), который подчеркивал временный характер российского подданства ингушей. Он отмечал, что «в 1769 г. ингуши в первый раз приняли российское подданство, по мере возможности, то, выходя из него, то снова заключая договора и мир с Россией» [55, с. 10].

Что касается понятийно-терминологического аппарата, используемого советскими историками для обозначения характера присоединения горцев к России, в 1920-е гг. наиболее употребительным являлся термин «завоевание», отвечавший смысловой нагрузке концепции «абсолютного зла» [31; 51; 58; 63; 64; 80]. В этот период историческая литература была наводнена выражениями, всячески порочащими политику царской России. В статье Ф. Лещенко «Из истории украинской колонизации Кубани» историк гневно писал: «трудно найти в России и в Европе уголок, подобный Северо-Западному Кавказу, где торгово-промышленный империализм использовал все возможные средства насилия, вплоть до уничтожения и изгнания целых народов. Истребление и изгнание ногайского народа, – потом еще более многочисленного и культурного адыгского – дела, достойные ассирийских завоевателей, Чингисханов и Тамерланов» [41, с. 154]. Осетинский писатель Д. Гатуев (1892–1938) отмечал, что «самодержавная российская государственность, сознательно и бессознательно вернула Чечню к родовому строю, предполагая с этого начать приобщение дикого народа к благам европейской культуры и цивилизации. Вместо приобщения получилось столкновение. Потому, тем более, что покорением Кавказа была бита горская карта на государственность» [16, с. 18].

Распространенным методом обоснования оценки итогов присоединения горцев к России в работах первых советских историков было использование цитат дореволюционных историков, которые, по их мнению, отвечали объективной оценке происходившего [1; 51; 63]. Так, оценку присоединения Чечни к России историк А.Г. Авторханов (1908–1997) заимствовал из работы А.П. Берже «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1859). Выступив с резкой критикой Д. Гатуева с его крайне негативной оценкой присоединения Чечни к империи, сам А.Г. Авторханов «укрылся» за цитатой из статьи А. Бальшина «Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни». В ней автор отстаивал версию прогрессивного влияния империи на экономическое развитие Чечни. «Завоевание и создание в горах русской власти создали общественно-политические и бытовые условия, благоприятствующие торговле, а появление на Северном Кавказе русского капитализма обусловило проникновение в примитивную экономику Нагорной Чечни более развитых форм капиталистических отношений» [7, с. 93]. То обстоятельство, что выводы

первых советских историков так или иначе привязывались к высказываниям буржуазных историков, с одной стороны, демонстрировало преимущество в историографии, а с другой – было вызвано мучительными творческими поисками казавшегося возможным компромисса идеологии и науки.

С конца 1920-х гг. исследователи серьезное внимание уделяли роли мюридизма в национально-освободительной борьбе горцев [57; 68; 69]. Его оценки в научных работах обуславливались атеистическим подходом и вели к неизбежному признанию реакционного характера этой идеологии. По мнению первого декана исторического факультета Ростовского педагогического института Н.И. Покровского (1897–1946), эволюция мюридизма привела к созданию «нового горского дворянства», которое стало главным виновником гунибской трагедии 1859 г. Противоположное мнение высказал ректор Горского педагогического института Х.Д. Ошаев (1897–1977), который признавал объединительную роль идеологии в борьбе против российских войск и понимал ее не как религиозно-освободительное, а как религиозно-оборонительное движение [57, с. 39]. Лингвист Н.Ф. Яковлев также подчеркивал, что «война с русскими создала благоприятную почву для мусульманской пропаганды. Мусульманство явилось наиболее сильным идеологическим средством, организовавшим горцев, на борьбу с русскими» [103, с. 19].

Немаловажную роль в популяризации концепции «абсолютного зла» и насильственного присоединения горцев к России сыграли научные исторические журналы. Важное место они отводили методам и целям колониальной политики царизма на Кавказе [28; 30; 44; 60; 85; 90; 92]. Историк К.В. Сивков (1882–1959) продемонстрировал эволюцию целей российского государства, которые оно определяло по отношению к горцам. Он отмечал, что «если при Иване Грозном, первых Романовых и Петре I, походы на Кавказ предпринимались с целью обеспечить русским купцам торговые пути на Восток, то теперь, во второй половине XVIII века, целью кавказских походов русского правительства является захват новых земель» [85, с. 24]. По его мнению, в XIX в. была четко сформулирована программа превращения Кавказа в русскую колонию. Исследователь Н.Т. Лихницкий на широком фактическом и документальном материале вычленил четыре принципа, которые лежали в основе политики царизма по водворению на Кавказе спокойствия и порядка: военная колонизация, разжигание междуплеменной вражды, система поддержки высших слоев горского общества и выселение горцев [44]. На примере истории Кабарды XVIII в. Г.А. Кокиев продемонстрировал практику использования Российской империей принципа «*divide et impera*». Он писал, что «политика России в отношении враждующих партий (кашкатовская и баксанская – *авт.*) была направлена к тому, чтобы, поддерживая то одну, то другую партию, тем самым ослабить их и облегчить, таким образом, подчинение себе всей Кабарды» [29, с. 86].

Также на страницах журналов активно шел процесс критической переоценки опыта буржуазного этапа изучения истории Северного Кавказа. Историки задавались вопросами: что делать с наследием предшественников?

Как использовать результаты их работы? Возможна ли преемственность идей дореволюционной историографии в новых условиях развития исторической науки? Эти вопросы имели актуальный и дискуссионный характер для ученых, занимавшихся изучением российско-кавказских отношений [25]. Поиск ответов на них проходил на фоне растущей на Северном Кавказе популярности краеведения в 1920-е гг., а также в условиях катастрофической нехватки новой идеологически выверенной исторической литературы. Для многих исследователей было очевидным, что состояние молодой советской историографии не позволяло в одночасье отказаться от работ дореволюционных авторов. Г. Левонян подчеркивал, что старая литература «еще в недостаточной степени заменена новой популярной литературой, способной осветить правильным научным анализом происхождение и историю кавказских народов, их вековую борьбу с «исконно-русским» самодержавием...» [39, с. 57]. Выход из этой ситуации многие историки видели в критическом прочтении дореволюционных источников и литературы о Кавказе [6, с. 49]. Нередко, на страницах журналов ставился вопрос о необходимости выбросить в «мусорный ящик истории» тенденциозной дореволюционной литературы, оборвать преемственные «нити» между идеями и взглядами советских и дореволюционных авторов [39, с. 54; 45, с. 27].

В статье «Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности» Н.Т. Лихницкий предлагал разделить всю дореволюционную литературу на 3 группы: 1) военно-исторические работы историков Н.Ф. Дубровина, А.П. Берже, П.Г. Буткова, В.А. Потто, С.С. Эсадзе, А.Ф. Щербины; 2) краеведческие работы и 3) публицистические статьи и брошюры оппозиционного направления по отношению к царской политике на Кавказе. Не отрицая идейное сходство с марксистско-ленинским направлением краеведения третьей группы источников, автор подчеркивал, что наиболее опасной группой в предложенной классификации являлась вторая, поскольку «некритическое отношение к наследству этой категории краеведов опаснее, ибо оно более замаскировано, чем военно-историческая литература <...> подчас прикрывала свою колонизаторскую сущность знаменем служения чистой науке, бескорыстных подвигов на поприще просвещения темных туземцев и т.д.» [45, с. 22].

С предупреждениями об опасности использования художественной литературы, посвященной истории Кавказа, (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский) в печати выступил литературный критик Н.Г. Свирин. Говоря о расцвете «экзотической» литературы в 1820–1830-е гг., автор писал, что: 1) эта литература выросла на почве колониальных войн и колониальной политики русского государства, которое раскинулось на громадных пространствах Европы, Азии, частично даже Америки и включало в свой состав множество покоренных народов и стран с разнообразнейшими географическими и этнографическими особенностями; 2) она выражала великодержавно-колонизаторские устремления дворянства и верхов торгово-промышленной буржуазии...; 3) мистифицирующая романтическая оболочка «экзотических» произведений привлекала внимание русского общества к

напряженной борьбе за колонии, эстетизировала кровавую колониальную эпопею царизма...» [82, с. 56].

На фоне критического пересмотра основных положений дворянско-буржуазной исторической науки происходил процесс обновления научных взглядов историка-архивиста М.А. Полиевктова (1872–1942). В абсолютном большинстве историографических работ, посвященных изучению российско-кавказских отношений XVI–XIX вв. в довоенной советской историографии, имя известного кавказоведа по-прежнему остается в тени. По справедливому мнению современного исследователя В.В. Тихонова это связано с тем, что «до сих пор отсутствует комплексное исследование его жизни и научного творчества, его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст» [89, с. 419]. Несмотря на то, что в 1930-е гг. им был опубликован ряд ценных исследований [24; 71; 72; 73], значительный пласт научной работы историка так и остался в рукописном виде. В личном фонде М.А. Полиевктова, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Грузии (фонд № 1505), сосредоточен обширный материал, проливающий свет на его видение проблемы Кавказа во внешней политике России [94; 95; 96; 97]. Еще в 1924 г. М.А. Полиевктов подготовил работу «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики». По примеру известного историка С.М. Броневского, он подошел к изложению политической истории Кавказа с геополитических позиций. Он показал разветвленную систему международных отношений не только внутри региона, но и на Европейском континенте, определявшую роль и место Кавказа во внешнеполитических планах России. «Кавказский вопрос» историк, вслед за дореволюционной традицией (Р.А. Фадеев, С.А. Белокуров), рассматривал как составную и неотъемлемую часть Восточного вопроса и связывал его появление с XVI веком. Однако, на первых порах, этот вопрос, по его мнению, находился в тени другого – Балтийского вопроса. Его успешное решение и последующее овладение Кавказом позволило бы Московскому государству стать транзитером в азиатско-европейской торговле. М.А. Полиевктов писал, что в XVIII в. «“Преславная виктория” Петра на Балтийском море и оккупация им прикаспийских областей Кавказа – двуединый кульминационный момент борьбы России за азиатско-европейский транзит» [97, л. 32]. Он также отмечал, что «Кавказский вопрос» очень тесно увязывался с вопросом среднеазиатским: в тексте он неоднократно подчеркивал, что «глубокий охват Черного моря со стороны Балканского полуострова и Кавказа, и охват Каспийского моря со стороны Кавказа и Закаспийского края – вот два основных момента восточной политики России в конце XVIII в. и первой половине XIX в., обуславливающие в эту эпоху ее наступательное движение и завоевательные стремления на Кавказе» [95, л. 25].

Анализ причин налаживания двусторонних дипломатических отношений народов Северного Кавказа с Россией привел М.А. Полиевктова к выводу о том, что у них исторически «выработалась политическая традиция ориентации на того или другого из крупных соседей – старое феодальное искание могущественного защитника – сюзерена» [95, л. 16]. Как и дореволюционные

историки, исследователь придерживался версии о том, что «"подданство" Москве, о котором при этом очень часто говорят, не идет до поры до времени дальше неустойчивых вассальных и перманентных – союзнических отношений, не сопровождается административным и военным внедрением Москвы в местную жизнь» [95, л. 23].

По мнению М.А. Полиевктова, существенным подспорьем в построении концепции колониальной политике России для марксистской исторической школы должно стать понимание диалектики истории. Только опираясь на этот принцип, считал историк, можно осветить и процесс «утверждения русского владычества на Кавказе». Изучая процесс присоединения Северного Кавказа к России, необходимо, по его мнению, всегда держаться общекавказского масштаба.

В неопубликованной работе «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» М.А. Полиевктов справедливо отмечал, что в современной концепции истории России и Кавказа эта тема не раскрыта. Он писал, что исследователи в основной своей массе сосредоточились на периоде открытого завоевания Кавказа, т.е. XIX в., а «весь предшествующий, очень длительный период со второй половины XVI в. и до конца XVIII в., когда такое завоевание только подготавливалось... и когда в этом направлении делались только первые шаги, остается все еще мало изученным и освещенным» [97, л. 8]. В этой связи историк настаивал на том, что «между подготовкой наступления на Кавказ и реализацией этой цели нет разрыва» [97, л. 49]. В работе «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» автор доказывал, что основной формой разведывательной работы были посольства. Он приводил пример создания в Посольском приказе в XVII в. специальных анкет для получения подробной информации о народах Кавказа (географическое положение, население страны, политическое настроение умов, экономика страны и военная организация) [73]. Аналогично М.А. Полиевктов отзывался об экспедиции Академии Наук 1768–1774 гг., которая «была большим разведочным предприятием, обслуживающим, в первую очередь, хозяйственные интересы и завоевательные устремления дворянской крепостнической России второй половины XVIII века» [71, с. 156]. В подготовленном в 1940 г. «Очерке по истории русского кавказоведения XVI–XVIII вв.» исследователь разработал периодизацию продвижения России на Кавказ: 1) XVI–XVII вв. – подготовительный период наступления русского царизма на Кавказ, когда регион находился в системе Балтийского вопроса; 2) 1-я половина XVIII до последней четверти XVIII в. – период открытого наступления России на Кавказ, когда регион находился в системе Восточного вопроса; 3) начало XIX в. – второй период открытого наступления России на Кавказ [96]. В работе «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» он убедительно доказывал, что окончание процесса присоединения северокавказских горцев к России совпадает со временем завершения Кавказской войны [94, л. 36-37]. Во многом идеи М.А. Полиевктова, оставшись не опубликованными и малоизвестными, в последующем были озвучены другими специалистами. В советской и

современной историографии причин продвижения Российской империи на Кавказ работы Михаила Александровича 1920-х годов до сих пор не фигурируют в обзорах, по причине неосведомленности авторов о научном рукописном багаже историка. Традиционно повествование в них начинается с изложения идей М.Н. Покровского по сути вопроса, которые значительно уступают по научной выдержанности и теоретической глубине исследованиям М.А. Полиевктова.

С начала 1930-х гг. историческая наука подверглась значительным изменениям, которые ни в коей мере не связаны с качественным скачком ее академического уровня. Речь должна идти об эволюции политического режима в СССР, об укреплении тоталитарной государственной системы и ужесточением.

Весьма иллюстративными для понимания характера политической и общественной обстановки в стране в 1930-е гг. судьбы историков того времени и судьбы их работ. В качестве такого примера можно обратиться к вышеупомянутому Г.А. Кокиеву (1896–1955) и его работе «Очерки по истории Осетии» (Владикавказ, 1926). На страницах этого издания историк зарекомендовал себя в качестве безусловного приверженца концепции завоевания Кавказа на основании концептуальных построений М.Н. Покровского и его школы. В 1927 г. в рубрике рецензий журнала «Историк-марксист» работа Георгия Александровича была удостоена высокой оценки Н.Ф. Яковлева за содержание, идейную и научную направленность. Однако уже через несколько лет – после принятия решений XVI съезда ВКП(б) 1930 г. (о национальных уклонах в сторону великодержавного и местного шовинизма – *авт.*) и публикации в конце 1931 г. письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» – в редакции журнала «Пролетарская революция» труд Г.А. Кокиева был подвергнут критике и в последующем стал недоступен читателю. На страницах научных журналов Н.Г. Буркин и Б.А. Гарданов обвиняли автора в отсутствии критики старой буржуазной литературы [8; 9; 15]. В результате, в 1932 г. ему пришлось напечатать в журнале «Революция и горец» покаянное письмо, в котором он обещал переработать свой труд «под углом зрения марксистско-ленинской методологии» [61, с. 205].

Вслед за «разгромом» работ Г.А. Кокиева в журнале «Историк-марксист» последовала кампания (Н.Т. Лихницкий и Н.И. Покровский) против работ Б.В. Скитского (1884–1959), посвященных истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе XVIII – 70-х гг. XIX в. Его обвинили в великодержавном шовинизме, выразившимся в фальсификации роли основной социальной базы движения – крестьянства, – и обосновании прогрессивной цивилизаторской роли царской России на Северном Кавказе [46, с. 105]. В 1931–1932 гг. идеологическая «охота на ведьм» затронула историков и краеведов Г.К. Мартиросиана, А.Г. Авторханова, А.Е. Скачко, У.Д. Алиева, С. Сиюхова, Б.М. Городецкого [8; 37; 77; 99]. Это происходило на фоне шельмования и изобличения целых научных школ в исторической науке (дело

историка С.Ф. Платонова, разгром школы М.Н. Покровского), арестов и ссылки академиков Н.П. Лихачева, Е.В. Тарле, М.К. Любавского.

В крайне неплодотворной для исторической науки внутривосточной атмосфере в партийных кругах, с подачи И.В. Сталина, активно стал обсуждаться вопрос о необходимости пересмотра целого ряда позиций в исторической науке. Понимание роли и значения истории как средства пропаганды и политико-идеологический поворот к укреплению патриотизма в середине 1930-х гг. привели И.В. Сталина к идее реформы школьных учебников по истории. В 1934 г. он поручил наркому просвещения РСФСР А.С. Бубнову разработать проспекты будущих стабильных учебников по истории СССР и по новой истории. В процессе работы над текстами учебников жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 класса средней школы по истории СССР высказало ряд замечаний и предложило пути их преодоления. В числе актуальных вопросов оно требовало от авторов-составителей корректировки концепции, рассматривавшей процесс присоединения какого-либо народа к России с позиций «абсолютного зла». В силу своей безальтернативности и односторонности оценок эта концепция стала расходиться с задачами ВКП(б), направленными на историко-идеологическое обоснование создания и укрепления СССР. Правительственная комиссия указывала на отсутствие показа положительных последствий процесса присоединения и подчеркивала нецелесообразность применения концепции «абсолютное зло» на примерах перехода Украины и Грузии под власть России: «авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России... Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом» [74, с. 140-141]. Рекомендации жюри стали переломным моментом в дальнейшем развитии исторической науки, занимающейся изучением процесса присоединения иноэтничных территорий к империи. Оценка итогов присоединения ряда территорий к царской России в формулировках историков стала менее категоричной.

Однако процесс замещения концепции «абсолютного зла» на концепцию «наименьшего зла» применительно к истории Северного Кавказа во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. шел очень медленно. В связи с тем, что в замечаниях к «Краткому конспекту учебника “История СССР”» (авторский коллектив: Н.Н. Ванаг, Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, С.А. Пионтковский) И.В. Сталин оставил без изменения формулировку «Завоевание Северного Кавказа» [27, с. 13] историки не спешили отказываться от концепции «абсолютного зла» и наполнять «наименьшее зло» свежей фактурой. Так, редактор «Исторического журнала» партийный идеолог и академик по отделению истории Е.М. Ярославский (1878–1943) в своем докладе на заседании Академии Наук в 1939 г. очень резко выступал против применения оценки «наименьшее зло» решительно ко всем колониальным окраинам. По его справедливому мнению это означало бы создание новой универсальной «отмычки». Такого рода «теория» не изучает конкретно каждую колониальную окраину, а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами,

идеями и оценками [87, с. 75]. В сложившейся ситуации историкам предлагалось самостоятельно выбрать концептуальное направление своей деятельности на созданном историческом «перекрестке».

Так, с консервативных позиций в предвоенные годы были подготовлены главы вузовских учебников по истории СССР [12; 101], написаны монографии и статьи С.К. Бушуева, Р.М. Магомедова, Н.С. Корвякова, Б.А. Гарданова [11; 35; 47; 49; 50; 53, с. 3-41; 59; 98]. Известный дагестанский историк Р.М. Магомедов (1914–2006) настаивал на том, что «продвижение на Кавказ было подготовлено всем ходом колониальной политики царизма, проводившейся в течение сотен лет. Оно вытекало из самой природы русского феодально-крепостнического государства. Стремление к захвату рынков сбыта, сырьевых баз и торговых путей, шедших к восточным рынкам, было положено в основу захватнической политики царизма на Кавказе» [47, с. 13]. В отличие от аналогичной по названию монографии С.К. Бушуева (1906–1958), связывавшего начало политического завоевания Северного Кавказа с разгромом Наполеона в России, Р.М. Магомедов указывал на 1801 г., а начало организованной борьбы горцев против царских колонизаторов и сплочение их под лозунгами шариата относил к 1829 г. [50, с. 25]. Центральное место в работе Б.А. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа», как и в предыдущей его статье [14], заняло опровержение факта добровольности присоединения осетин к России. На примере восстания в Кахетии в 1812 г. историк отмечал, что «лучшим доказательством несостоятельности “теории” добровольности перехода осетин в пределы Российской империи – является их длительная борьба за независимость. При этом она проявилась в виде вооруженной силы, в местах, где на первый взгляд это и не вызывалось никакими местными соображениями» [98, л. 20]. Анализ результатов деятельности Осетинской духовной комиссии (создана в 1745 г. в Кизляре с целью восстановления основ православия и возрождения духовной власти осетинской епархии – *авт.*) привел Б.А. Гарданова к выводу о том, что осетины не были христианским народом, как это утверждала дореволюционная историография и, следовательно, «заступить за осетин как единоверных, не было основания у царизма в 60-х гг. XVIII в.» [98, л. 70]. Исследователь настойчиво отстаивал версию не только о насильственном характере присоединения Северной Осетии к России, но и Северного Кавказа в целом.

«Преимущественно» насильственный характер присоединения горцев признавал и историк-кавказовед Н.И. Покровский. Этот тезис он озвучивал при подготовке к защите докторской диссертаций [66]. Однако в отличие от своих коллег ему удалось органично вписать в завоевательный характер присоединения концепцию «наименьшего зла». В 1940 г. он, размышляя над результатами проникновения царизма на Северо-Восточный Кавказ, пришел к выводу, что «включение кавказских горцев в состав России было фактом объективно прогрессивным. Это не выражается очень ярко в разбираемый период (первая половина XIX в.) <...> но уже во второй половине XIX в. фактов, рисующих значение русского влияния, будет набираться все больше и больше» [67, с. 191]. Историк призывал других специалистов помнить об обеих

сторонах присоединения: «об объективной прогрессивности его в той же мере, как и о реакционности колонизаторских методов». Однако и здесь вживание концепции «наименьшего зла» в текст готовившейся монографии «Кавказские войны и имамат Шамиля» происходило в процессе неоднократной переработки рукописи по причине идеологической придирчивости издательств, которые так и не опубликовали ее при жизни ученого (в полном объеме книга впервые была издана только в 2000 г. сыном Николая Ильича академиком РАН Н.Н. Покровским).

В целом, анализ публикаций довоенной советской историографии по различным аспектам присоединения Северного Кавказа к России показывает, что главной проблемой формирующейся новой исторической школы являлась слабость методологической и источниковедческой базы. Поэтому доминировало простое отторжение и даже шельмование научных построений дореволюционных специалистов-кавказоведов путем обвинения их в «искажениях и фальсификациях». Отсутствовало четкое понимание того, какой должна быть и «новая» историческая наука. Зыбкость научных построений определялась к тому же и постоянной динамикой политического режима, дрейфом общих идеологических парадигм. Односторонняя, не всегда научная дискредитация идей дореволюционных историков, а также замещение теоретических выводов профессиональных историков идеологемами привели к политизации исторической науки, ломке научного академизма. Основным каналом преемственной связи с дореволюционной историографией в работах советских историков стало использование собранного ею богатого фактического материала и исторических документов. В отличие от работ дореволюционных историков, детально описавших ход присоединения Северного Кавказа к России, молодые марксистские историки сконцентрировались над оценкой причин и итогов присоединения, анализе методов российских властей, направленных на включение Кавказа в состав империи, социальной базы и идеологии национально-освободительного движения. Изучение исторических работ показывает, что вся довоенная советская историография эволюционировала под знаком поиска альтернативных интерпретаций присоединения горцев к России, выработки и корректировки общей концепции этого процесса (напрямую зависевшей от партийных установок), что приводило к ее колебаниям между диаметрально противоположными концептуальными полюсами «абсолютного зла» и «наименьшего зла».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Авторханов А.Г.* К основным вопросам истории Чечни (К десятилетию советской Чечни). – Грозный: Сердало, 1930. – 105 с.
2. *Алиев У.* «Кага-халк» (Карахалк – черный народ). Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Севкавказ-Крайнациздат, 1927. – 112 с.
3. *Алиев У., Городецкий Б., Суюхов С.* Адыгея (Адыгейская автономная область). Историко-этнологический и экономический очерк / Предисл. Ш. Хакурате. – Ростов н/Д: Севкавказ-Крайнациздат, 1927. – 182 с.
4. *Алиев У.Д.* Национальный вопрос и интернациональная культура в Северо-Кавказском крае. – Ростов н/Д: Севкавказ и Крайнациздат, 1926. – 128 с.

5. *Анисимов С.С.* Кавказ. Пособие по краеведению. М.: Работник просвещения, 1930. – 248 с.
6. *Б.Г.* О краеведческой работе в Адыгее // Революция и горец. – 1929. – № 1/2. – С. 49-51.
7. *Бальшин А.Ю.* Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927. – С. 87-117.
8. *Буркин Н.Г.* Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. – 1931. – № 4. – С. 3-11; – № 5. – С. 44-60.
9. *Буркин Н.Г.* О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. – 1932. – №. 1/2. – С. 140-161.
10. *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Партиздат, 1933. – 64 с.
11. *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1939. – 184 с.
12. *Бушуев С.К.* Народы Кавказа во второй половине XIX в. Борьба горских народов за независимость // История СССР: учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 2: Россия в XIX веке. Гл. XVI. – С. 275-290.
13. *Воробьев Т.И.* «... Печальное состояние Кавказского военно-исторического музея» / Публ. Г.И. Герасимовой // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». – 2006. – Вып. III. – С. 111-141.
14. *Гарданов Б.А.* Покорение Кавказа в военной историографии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 8. – С. 233-271.
15. *Гарданов Б.А.* Против великодержавничества и национализма (По поводу «Материалов по истории Осетии XVIII в.» Г. Кокиева «Известия Сев. ОсНИИ», вып. VI. Орджоникидзе, 1934 г.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 8. – С. 272-290.
16. *Гатуев Д.* Зелимхан. Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, Краснодар: Севкавказкнига, 1926. – 199 с.
17. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – 1930. – Т. V. – С. 681-761.
18. *Гусалов Н.* 15 лет социалистической стройки в Северо-Осетинской авт. области // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 8. – С. 1-32.
19. *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию: Материалы по истории горских народов. – Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1925. – 202 с.
20. Доклад С. Какабадзе на имя Народного комиссара просвещения Грузии о выполнении работы по реэвакуации в Грузию архивов и музейных ценностей с территории Северного Кавказа в 1923 г. // Bulletin historique. Tiflis. – 1924. – Livre 1. – P. 272-281.
21. *Драбкина Е.* Национальный и колониальный вопрос в царской России: Пособие для вузов, комвузов и самообразования; Коммунистич. акад. Комиссия по изуч. нац. вопроса. – М.: Изд-во Коммунистич. акад., 1930. – 189 с.
22. *Е.М.* Северо-Кавказский институт Краеведения // Жизнь национальностей. – 1923. – Кн. 5. – С. 156-157.
23. *Закс А.Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. – 1941. – Вып. XV. – С. 151-185.
24. *Зевакин Е.С., Полиевктов М.А.* К истории прикаспийского вопроса. – Тифлис: ЗакГИЗ, 1933. – 41 с.
25. *З.* О краеведческой работе в Кабарде и Балкарии // Революция и горец. – 1929. – № 1/2. – С. 45-48.

26. *К биографии Шамиля* / Публ. С.К. Бушуева // Красный архив. – 1941. – Т. 2. – С. 115-139.
27. Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936 годы) / Вступ. ст. и публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 3-30.
28. *Кокиев Г.А.* Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 4. – С. 30-35; – № 5. – С. 33-38; – № 6. – С. 32-37.
29. *Кокиев Г.А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. – 1930. – Т. II. – С. 72-89.
30. *Кокиев Г.А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. – 1933. – Вып. 1. – С. 179-225.
31. *Кокиев Г.А.* Очерки по истории Осетии. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. Ч.1. – Владикавказ: «Растдзинад», 1926. – 155 с.
32. *Кокиев Г.А.* Шамиль и освободительная борьба кавказских горцев // Комсомольская правда. – 1937. – 10 сентября. – С. 3.
33. *Крачковский И.Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. – 1933. – Т. II. – С. 9-20.
34. *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 143-158.
35. *Кровяков Н.* Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. – М.: Воениздат, 1940. – 96 с.
36. *Крупнов Е.И.* К истории Ингуши // Вестник древней истории. – 1939. – № 2. – С. 77-90.
37. *Кундухов М.* Об извращении горской истории и современности в краеведении. (Ультра-правый уклон или псевдо-марксизм в национальном вопросе) // Революционный Восток. – 1930. – № 8. – С. 155-192.
38. *Кушева Е.Н.* Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. – 1943. – № 1. – С. 60-68.
39. *Левонян Г.* Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. – 1929. – № 1/2. – С. 52-57.
40. *Ленин В.И.* О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря (IX Всерос. съезд Советов 23–29 декабря 1921 г.) // Полное собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1967-1981. – Т. 44. – С. 291-329.
41. *Лещенко Ф.* Из истории украинской колонизации Кубани // Труды Кубанского педагогического института. – 1930. – Т. I (IV). – С. 123–155.
42. *Лихницкий Н.Т.* Адыгя // Революция и горец. – 1932. – № 8/9. – С. 58-77.
43. *Лихницкий Н.Т.* Классовая борьба и кулачество на Кубани. – Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1931. – 192 с.
44. *Лихницкий Н.Т.* Колониальное развитие горских народов (Терек–колония) // Труды Кубанского педагогического института. – 1930. – Т. I (IV). – С. 69-97.
45. *Лихницкий Н.Т.* Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности // Революция и горец. – 1929. – № 10. – С. 18-28.
46. *Лихницкий Н.Т., Покровский Н.* Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. – 1934. – Т.2. – С. 99-105.
47. *Магомедов Р.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махач-Кала: Даггиз, 1939. – 132 с.
48. *Магомедов Р.* Дагестан в период царского завоевания. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1940. – 24 с.
49. *Магомедов Р.* Имам Шамиль. – Махач-Кала: Даггосиздат, 1941. – 49 с.

50. *Магомедов Р.* Юность Шамиля. – Махач-Кала: Даггосиздат, 1941. – 36 с.
51. *Мартирозиан Г.К.* История Ингуши. – Орджоникидзе: Ингушское нац. изд-во «Serdalo», 1933. – 320 с.
52. *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д: Книга, 2006. – 253 с
53. Материалы по истории Дагестана и Чечни / Ин-т истории Акад. наук СССР. Науч.-исслед. ин-т истории, яз. и лит. при СНК ДАССР. – Махачкала: Даггиз, 1940. – Т. 3: [Первая половина XIX века]. Ч. 1: 1801–1839 / Подгот. к печати Г.Е. Грюмберг и С.К. Бушуевым; Вступ. ст.: Бушуев С.К. Дагестан и Чечня в период их завоевания рус. царизмом, с. 3–40]; [Под ред. Р. Магомедова]. 1940. – 472 с.
54. Материалы по истории осетинского народа: в 3 т. / Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. АССР, 1933–1950. Т. 2: Сб. документов по истории завоевания Осетии русским царизмом / Подгот. В.С. Гальцевым. 1942. – 360 с.
55. *Мугуев Х-М.* Ингушетия. – М.: Федерация, 1931. – 140 с.
56. *Нечкина М.В.* О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. – 1960. – № 1. – С. 77-91.
57. *Ошаев Х.* Мюридизм в Чечне // Революция и горец. – 1929. – № 3. – С. 39-44.
58. *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный: Чеч. ОДН, 1928. – 26 с.
59. *Петрушевский И.* Рецензия на кн.: Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1939. // Историк-марксист. – 1940. – №. 7. – С. 141-144.
60. *Писарев В.И.* Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. – 1940. – Т. 9. – С. 154-185.
61. Письмо Г.А. Кокиева в редакцию журнала «Революция и горец» // Революция и горец. – 1932. – № 2/3. – С. 205.
62. Письмо Мамед Эмина Расулзаде И.В. Сталину (письмо было опубликовано в пятом номере журнала «Новый Кавказ» от 23.01.1924. Журнал издавался в Стамбуле) // [Bakililar.az](http://www.bakililar.az) – Первый форум Азербайджана и Баку. URL: <http://forum.bakililar.az/index.php?showtopic=78379> (дата обращения: 01.08.2017).
63. *Пожидаев В.П.* Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. – 110 с.
64. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. – М.: Красная новь, 1923. – 392 с.
65. *Покровский М.Н.* Кавказские войны // Энциклопедический словарь русского библиографического института ГРАНАТ. 11 стереотипное изд. Т. 23. – М. [1918]. – Столб. 34-48.
66. *Покровский Н.И.* Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость: Тезисы к дис. ... д-ра ист. наук. – Ленинград, 1938. – 8 с.
67. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2009. – 580 с.
68. *Покровский Н.И.* Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. – 1933. – № 6/7. – С. 105-115.
69. *Покровский Н.И.* Мюридизм у власти // Историк-марксист. – 1934. – Т. 2. – С. 30-76.
70. *Покровский Н.И.* Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. – 1936. – Вып. II. – С. 187-234.
71. *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис: 1-я тип. Сахелгани, 1935. – 231 с.

72. *Полиевктов М.А.* Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. // Известия АН СССР. – 1935. – Сер. VII. – № 8. – С. 759-774.
73. *Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис: Изд. науч.-исслед. ин-та кавказоведения Акад. наук СССР, 1932. – 54 с.
74. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Историк-марксист. – 1937. – Кн. 3. – С. 137-141.
75. *Проништейн А.П., Патракова В.Ф.* Советская историческая наука и вопросы изучения Кавказского мухаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – С. 123-129.
76. Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // Историк-марксист. – 1934. – Т. 3. – С. 136-138.
77. *Раенко Я.Н.* За ленинское изучение горских народов Северного Кавказа // Революция и горец. – 1932. – № 4. – С. 120-124.
78. *Рогов А.* О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелим-Хана и Асланбека Шерипова (историко-литературный набросок) // Революция и горец. – 1932. – № 6/7. – С. 92-103.
79. *Рубинштейн Н. М.Н.* Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. – 1928. – Т. 9. – С. 58-78.
80. *Самурский Н.* Дагестан. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. – 32 с.
81. *Сафаров Г.* Маркс и Энгельс и борьба горских народов против царизма // Революция и горец. – 1933. – № 3/4. – С. 19-25.
82. *Свириг Н.* Русская колониальная литература // Литературный критик. – 1934. – Кн. 9. – С. 51-79.
83. Северокавказский горский научно-исследовательский институт // Революция и горец. – 1933. – № 10/12. – С. 143-145.
84. *Серов Ф.* Наездник Бейбулат Тейманов // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный: Чеченообраза, 1927. С. 125-139.
85. *Сивков К.* Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. – 1936. – № 8. – С. 24-35.
86. *Скитский Б.В.* «Холопий вопрос» и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779) / Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. – Владикавказ: Типо-фото-цикл. из-ва «Растдзинад», 1930. – 35 с.
87. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / Вступ. статья Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 47-86.
88. *Тедтоев А.* Из истории завоевания Осетии царизмом // Социалистическая Осетия. – 1941. – 20 июня. – С. 2.
89. *Тихонов В.В.* «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов – историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание...: (проблемы истории российско-грузинских отношений, XIX–XXI вв.): [сб.] / Коллектив авторов. Сост. и рук. коллектива д.и.н., профессор Н.Ф. Бугай. – М.: Институт российской истории РАН, 2011. – С. 419-435.
90. *Токаева Н.* Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа // Революционный Восток. – 1936. – № 2/3. – С. 48-75.
91. *Тусиков М.Л.* Ингушетия: Экономический очерк. – Владикавказ: Гостипография Ингушетии, 1926. – 175, XLVII с.
92. *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. – 1935. – Т. 4. – С. 135-183.

93. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА Грузии). – Ф. 1087. – Оп. 2. – Д. 22. Объяснительная записка к проекту положения о кавказской военно-исторической комиссии по изучению истории империалистической и гражданской войн.

94. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 11. Рукопись М.А. Полиевктова «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря».

95. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12. Рукопись М.А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики»; «Очерк колонизации на Кавказе». 17 ноября 1924 г.

96. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 50. Рукопись М.А. Полиевктова «Очерки по истории русского кавказоведения XVI–XVIII вв.». 2 января 1940 г.

97. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53. Рукопись М.А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века».

98. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 119. Работа Б. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа» и рецензия на нее М.А. Полиевктова. 1939 г.

99. *Шавкринский Ю.* Об искажениях ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. – 1932. – Т. 1/2. – С. 162-176.

100. *Шерипов З.* Шейх Мансур. (Краткий историко-биографический очерк) // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный: Чеченообраза, 1927. – С. 151-158.

101. *Шестаков А.В.* Борьба горцев за независимость // История СССР: учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. В.И. Пичеты, М.Н. Тихомирова и А.В. Шестакова. – М.: Ин-т истории Акад. наук СССР., 1941. – Т. 1. Гл. XXIX. – С. 395-399.

102. *Щукин И., Худаков В.* Кавказ // Малая советская энциклопедия: в 10 т. – М.: ОГИЗ, 1928-1931. Т. 3. – М., 1931. – Столб. 598-603.

103. *Яковлев Н.Ф.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Лекция, читанная 17 апреля 1927 г. на объединенном собрании Чеченского и Ингушского землячеств студентов г. Москвы. – Грозный: типо-лит. чеченск. газ. «Серло», 1927. – 48 с.

104. *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. Популярный очерк. – М.-Л.: ГИЗ, 1925. – 134 с.

105. *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. – Ростов н/Д: Книгоизд. «Северный Кавказ», 1930. – 197 с.

УДК 94(479)“19”:930(470+571)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-76-96

ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1920-х – НАЧАЛА 1940-х гг.

А.Н. МАКСИМЧИК

*Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: forest_child@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, происходившие в советской довоенной историографии на примере анализа причин и последствий присоединения Северного Кавказа к Российской империи. Исследуются вопросы, связанные с конструированием теоретической основы подобных исследований, вненаучным политико-идеологическим влиянием на историческую науку, поиском альтернативных способов представления процесса, выработке и корректировке общей интерпретации проблемы. Анализируется терминологический

аппарат работ историков, подходы к определению нижних и верхних хронологических границ процесса присоединения, выявляются приоритетные секторы в изучении данной проблемы. В статье подвергнуты анализу ранее неопубликованные исследования (М.А. Полиевктова, Б.Б. Гарданова) по истории российско-кавказских отношений XVII–XIX вв. Делается вывод о том, что в довоенной исторической науке главной проблемой было отсутствие однозначной позиции в оценке присоединения Северного Кавказа к России. Это было вызвано зависимостью от постоянно менявшихся политических задач, стоявших перед страной, что делало уязвимым научные взгляды и построения исследователей для партийной цензуры и идеологически нагруженной критики со стороны коллег.

Ключевые слова: Северный Кавказ; российско-кавказские отношения; историография; историографические концепции; «абсолютное» и «наименьшее зло».

HISTORICAL-POLITICAL CONCEPTIONS OF THE NORTH CAUCASUS ACCESSION TO RUSSIA IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY FROM THE 1920-s TO THE BEGINNINGS OF THE 1940-s

A.N. MAKSIMCHIK

*Belarusian State University
220030, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti avenue, 4
E-mail: forest_child@list.ru*

Abstract. The article considers the processes, which developed in the Soviet pre-war historiography on the example of the analysis of the causes and consequences of accession of the North Caucasus to the Russian Empire. The set of questions under investigation embraces: building of a theoretical basis of researches in this field, non-scientific political and ideological influences on historical science, search of alternative modes of representation of the process of highlanders accession to Russia, development and revisions of the overall interpretation of the problem. Terminological apparatus in use in historians' works, approaches to the definition of the lower and upper chronological bounds of the process of accession are analyzed. Areas of primary interest in studying the problem are defined. Previously unpublished research works (by M.A. Polievktov and B.B. Gardanov) on the history of the Russian-Caucasian relations in the XVII–XIX centuries are analyzed and evaluated as well. The conclusion is made that the main problem in pre-war historical science was the absence of definitive position on the assessment of the North Caucasus accession to Russia. It was caused by its dependence on constantly changing political tasks facing the country that made scientific views and interpretive constructs of researchers vulnerable to party censorship and ideologically loaded critique of the colleagues.

Key words: the North Caucasus; Russian-Caucasian relations; historiography; historiographical concepts; «absolute» and «lesser evil».

ВУЗОВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ (1934-1953)

**Е.Г. Муратова
Ю.А. Органова**

2017 год является юбилейным в истории становления высшего образования в Кабардино-Балкарии. 85 лет исполняется ведущему вузу республики и 60 лет – университету. Любая «круглая дата» в жизни вуза дает импульс дальнейшей разработке истории учебного заведения и осмыслению его места в истории общества и государства. При этом важно не только определить социально-экономические показатели его развития, показать эволюцию университетских структур и культурно-историческую роль университета в модернизации Кабардино-Балкарии, но и представить человеческое измерение вузовской истории через биографии преподавателей и ученых, реконструировав повседневную жизнь университетской корпорации.

Вопросы истории науки, образования и высшей школы Кабардино-Балкарии в общеисторическом контексте и во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и социокультурными процессами в республике вкратце представлены в обобщающих трудах [8; 17; 18; 19].

Наиболее полно история становления и развития Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (с 1957 г. – университета) освещалась в трудах, подводивших итоги работы вуза за определенный период в контексте культурного строительства [15; 29; 31; 63], или же в изданиях, приуроченных к юбилейным датам [21; 22]. В этих работах, как правило, на значительном фактическом материале с опорой на марксистско-ленинское мировоззрение характеризовались государственная политика в области образования, а также все стороны деятельности вуза, подчеркивался его вклад в культурное строительство и подготовку кадров национальной интеллигенции. При этом история становления высшего исторического образования как специальный предмет исследования в историографии не выделялся.

Поскольку научно-педагогическая деятельность Кабардино-Балкарского пединститута (университета) всегда была тесно связана с Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом, а историки-ученые часто переходили на службу из одного учреждения в другое и зачастую совмещали там работу, то большое значение для изучения становления и развития высшего исторического образования имеют обзоры, подводящие итоги развития исторической науки в республике на определенном этапе [26; 30; 62;], а также специальные историографические труды [13; 23; 28].

Отдельное направление исследований по истории высшей школы в Кабардино-Балкарии составляют биографии историков и организаторов исторической науки республики, а также труды по истории научной интеллигенции и роли ученых в жизни общества [3; 10; 16; 25; 32; 44]. В определенной степени проведенная работа является способом самопрезентации

исторического сообщества, а также предпосылкой для формирования коммеморативных практик. К сожалению, не обо всех ученых, особенно о первопроходцах высшего исторического образования в республике, есть специальные работы. Их имена стираются из исторической памяти вместе с уходящим поколением современников, а научные труды рискуют затеряться «в историографических дебрях», уступив место более актуальным исследовательским практикам.

В целом можно заметить, что на фоне научно разработанных и полно составленных историй и книг памяти других вузов, история Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (с 1957 г. университета) выглядит весьма скромно. Становление и развитие университетского образования в Кабардино-Балкарии специально рассмотрено только в диссертации Р.Г. Ошроева [37]. При этом история отдельных подразделений Кабардино-Балкарского государственного университета, в том числе его исторических кафедр и высшего исторического образования, остается еще недостаточно изученной.

Цель данной статьи – осветить историю создания исторических кафедр Кабардино-Балкарского государственного педагогического института и формирование их профессорско-преподавательского состава на начальном этапе (1934-1953), а также представить коллективный портрет научно-педагогического сообщества историков той эпохи. Внимание сфокусировано на изучении формирования традиций преподавания и изучения исторических проблем на кафедрах истории СССР и всеобщей истории.

В исследовании такого рода вопросов необходимо сочетание макро- и микроисторического подходов через изучение исторического контекста эпохи и использование биографического метода.

Хронологические рамки изучаемого периода определены с одной стороны, временем создания собственно исторического отделения в Кабардино-Балкарском пединституте, с другой стороны, – завершением определенного этапа в его становлении: структурными изменениями (образованием историко-филологического факультета в 1953 г.), а также существенными переменами в образовательной политике и содержании исторического знания после эпохи сталинизма.

Источниковой базой статьи послужили неопубликованные материалы, извлеченные из архива Кабардино-Балкарского государственного университета, фонда 1 «Кабардино-Балкарский областной комитет ВКП(б)» Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР, фонда Р-582 «Кабардино-Балкарский педагогический институт» Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР. Этот комплекс архивных источников включает в себя нормативные документы в виде постановлений правительства и министерских приказов; делопроизводственную документацию в форме различных отчетов по научно-исследовательской, учебно-методической и воспитательной работе подразделений вуза, а также протоколов заседаний советов, конференций, партсобраний. При всей своей информативности эти источники требуют критического анализа: они

составлены по единому рекомендуемому образцу, содержат общие фразы и клише, при этом сильно идеологизированы. Другим важным видом источников являются документы личного происхождения профессорско-преподавательского состава. Содержащиеся в личных делах сотрудников учетные листы, копии документов, выписки из приказов, списки научных трудов, характеристики и автобиографии, несмотря на их формализованность, позволяют реконструировать многие важные факты, не отразившиеся в других официальных документах. Фотографии, сохранившиеся в личных делах и на музейных стендах, также зрительно дополняют образы научно-педагогических работников той эпохи.

Различные источники по истории Кабардино-Балкарского государственного пединститута сохранились в материалах периодической печати: это постановления правительства, речи государственных и партийных деятелей, статьи самих ученых-историков и непосредственно журналистские очерки и заметки о вузе, его преподавателях и студентах. Анализ этих материалов позволяет понять «дух времени» этого периода существования вуза.

И, наконец, еще один из важнейших видов источников представляют историографические источники – это научные работы профессорско-преподавательского состава, опубликованные как отдельными изданиями, так и в «Ученых записках» Кабардино-Балкарского пединститута и Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Именно они позволяют определить основные направления и вопросы научных исследований в рассматриваемый период.

Как уже показано в литературе, открытие государственного педагогического института стало важным событием в жизни народов Кабардино-Балкарии. Необходимость его создания диктовалась все возрастающей потребностью в учительских кадрах в связи с введением в стране всеобщего обязательного начального и развитием семилетнего образования. До этого времени подготовка национальных педагогических кадров осуществлялась в основном через Горский педагогический институт в Оржоникидзе, однако такое положение дел уже не могло удовлетворить потребности Кабардино-Балкарии в учителях.

23 апреля 1932 года бюро Кабардино-Балкарского обкома партии обсудило вопрос об организации пединститута и его открытии с начала 1932-1933 учебного года. Тогда же приступили к строительству учебного корпуса в одном из районов Нальчика – в Затишье, на его строительство Наркомпрос РСФСР уже ассигновал 250 000 рублей» [22, с. 11-12].

В связи с отсутствием в Нальчике подходящего помещения для педагогического института, до завершения строительства учебного корпуса в Нальчике, было принято решение временно разместить Кабардино-Балкарский пединститут в г. Пятигорске, в здании межрайонной Совпартшколы. Пятигорский горсовет предоставил квартиры профессорско-преподавательскому составу и помещение под общежитие студентов [31, с. 62].

В 1934 году при пединституте был основан учительский институт с двухгодичным сроком обучения, его открытие также связано с развитием

школьного образования в республике. Тогда же в педагогическом и учительском институтах было образовано историческое отделение и создана кафедра истории, на которой были сосредоточены преподаватели отечественной и всеобщей истории. Эти преобразования осуществлялись в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», а также Постановлением ЦК ВКП(б) от 9 июня 1934 г. «О введении в начальной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» [21, с. 11].

1937-1938 учебный год Кабардино-Балкарский педагогический институт начал уже в Нальчике, в новом учебном корпусе со светлыми, просторными аудиториями, кабинетами, лабораториями, мастерскими и другими подсобными помещениями, общей площадью 4703 кв. м. Почти одновременно завершилось строительство студенческого четырехэтажного общежития и жилого трехэтажного дома для научно-педагогических работников. Министерство просвещения РСФСР и вузы страны помогли КБГПИ в оборудовании лабораторий, кабинетов и пополнении библиотеки [22, с. 16]. Почти весь профессорско-преподавательский коллектив педагогического института был укомплектован специалистами, направленными Наркомпрсом из центральных районов страны [31, с. 62].

До войны в Кабардино-Балкарском пединституте на кафедре истории работали: заведующий кафедрой, кандидат исторических наук, выпускник Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) Чермен Андреевич Бекузаров (1907 г.р.); выпускник института Красной профессуры, доцент Сергей Алексеевич Комиссаров (1900 г.р.) и старший преподаватель Елена Петровна Вихорева (1892 г.р.), получившая образование в Москве на историко-филологическом факультете еще до революции [47, л. 4, 4 об.]. Среди старейших сотрудников кафедры истории, трудившихся в КБГПИ еще с довоенного времени, следует назвать Ивана Федоровича Мужева, окончившего в 1937 г. МИФЛИ по специальности история народов СССР и с 1938 года работавшего в КБГПИ. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. он был секретарем партийной организации пединститута, являлся зам. директора по заочному обучению и по совместительству продолжал работать старшим преподавателем кафедры истории СССР. В рассматриваемый период И.Ф. Мужев работал над кандидатской диссертацией «Крестьянская реформа в Кабарде в 1867 г.», его сообщения по этой теме неоднократно заслушивались на научно-теоретических конференциях института [4, л. 159-167]. Среди сотрудников кафедры истории в этот период также упоминается старший преподаватель А.И. Щеголев.

Свои коррективы в поступательное развитие высшего исторического образования в Кабардино-Балкарии внесла Великая Отечественная война. Экономическая разруха, человеческие потери, а также политические репрессии отразились на кадровом составе исторических кафедр. На процессе восстановления работы в пединституте после временной фашистской оккупации также негативно сказалась депортация балкарцев в 1944 году. Кабардино-Балкарский педагогический институт был преобразован в Кабардинский педагогический институт.

Из отчета о работе КБГПИ за 1943-1944 учебный год становится известно, что в течение года на работу в пединститут прибыли доцент новой истории, доктор исторических наук В.П. Антонова, профессор истории СССР, доктор исторических наук Г.А. Кокиев и доцент древней истории, кандидат исторических наук А.В. Дмитрев [46, л. 4].

Валентина Петровна Антонова была родом из Кировской области. После окончания Герценовского пединститута в 1931 году она была принята в аспирантуру ЛГУ, где в 1938 году защитила кандидатскую диссертацию. До немецкой оккупации региона В.П. Антонова работала доцентом в эвакуированном в Ессентуки пединституте им. Покровского, затем поступила на работу в КБГПИ [47, л. 4, 4 об.].

С апреля 1944 г. на кафедре истории СССР Кабардинского пединститута в качестве профессора и заведующего кафедрой работал Георгий Александрович Кокиев, в этой должности он оказал значительное влияние на процесс становления и развития высшего исторического образования в вузе. Как отмечено в отчете пединститута, «профессор Кокиев читал яркие, насыщенные богатым фактическим материалом лекции по истории СССР, чем поднял интерес студентов к этой важнейшей дисциплине» [46, л.14]. При этом он вел огромную исследовательскую работу, участвовал в научных конференциях, публиковал источники по истории народов Северного Кавказа, составлял учебное пособие по истории для студентов, под его руководством готовились кадры специалистов в области кавказоведения. Представляется, что именно с прибытием Г.А. Кокиева в пединститут оформились две исторические кафедры: кафедра всеобщей истории и кафедра истории СССР.

Г.А. Кокиев приступил к работе профессора и заведующего кафедрой истории народов СССР КБГПИ с солидным научным заделом, представив список основных своих работ, насчитывающий 32 наименования [5, л. 79, 79 об.]. В основном это были труды, посвященные истории Осетии. Вместе с тем согласно списку, к апрелю 1944 г. уже были подготовлены или находились в печати работы по проблемам истории Кабарды. Среди них – «Выдающийся кабардинский просветитель Ш. Б. Ногмов», «Зольские события в Кабарде в 1913 г.». При этом Г.А. Кокиев отмечал, что в указанный список не вошли многочисленные научные статьи, опубликованные в Большой и Малой Советской энциклопедиях, в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» за 1940-1941 гг., а также не были учтены труды, вышедшие под его редакцией. Благодаря его исследованиям впервые были раскрыты основополагающие вопросы социальной истории кабардинцев и балкарцев, их взаимоотношений с соседними народами и Россией, введены в научный оборот отдельные документы Посольского приказа. Многочисленные, талантливо написанные труды Г.А. Кокиева являются важным вкладом в общее кавказоведение.

Здесь следует отметить, что в военный период уровень профессорско-преподавательского состава исторических кафедр значительно вырос благодаря прибывшим в пединститут ученым. Так, например, Александр Дмитриевич Дмитрев был типичным представителем старой дореволюционной школы, ученым, стоящим у истоков советского антиковедения. Еще до революции он

был командирован в качестве профессорского стипендиата в Русский археологический институт в Константинополе. Там, под руководством выдающегося византолога академика Ф.И. Успенского, А.Д. Дмитриев начал заниматься проблемами античности и ранней Византии, принимал участие в научных экспедициях института в Сирию, Малую Азию и Грецию, о которых в последствии увлеченно рассказывал на своих лекциях. После возвращения на родину А.Д. Дмитриев работал научным сотрудником Московского областного архивного управления и Московской исторической библиотеки, а с 1936 по 1942 г. – доцентом и зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков в Сталинградском педагогическом институте (вплоть до эвакуации института в 1942 году). В 1943 году Наркомпрос направил его на работу в Нальчик в Кабардинский педагогический институт. Здесь Александр Дмитриевич начал работу над докторской диссертацией «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров». Этой темой до него ни в зарубежном, ни в отечественном антиковедении никто не занимался [24]. На научной конференции Кабардинского пединститута в 1944 г. он выступил с докладом на тему «Сикарии (из истории революционных движений в Римской Иудее)» [46, л. 21]. Позднее специалисты отметили интересный подход, который представил А.Д. Дмитриев в своих исследованиях, рассматривая «революцию рабов» в разных частях Западной Римской империи и сравнивая ее ход по регионам.

В целом, характеризуя состояние исторического образования в Кабардинском пединституте в военное время, можно отметить следующее. В апреле и октябре 1943 г. первый, после временной оккупации, прием студентов на историческое отделение составил 94 человека. В результате ликвидации учебной базы в условиях войны единственным источником усвоения и углубления знаний студентов по истории стала лекция. Поэтому совершенствовалась методика чтения лекций, менялась их структура, вводились дополнительные занятия. При вновь восстановленном кабинете истории постоянно работала группа опытных преподавателей-консультантов [42]. Старшим лаборантом кабинета истории в это время работала Раиса Ивановна Джеладзе (1920 г.р.), родом из Армавира, выпускница пединститута 1941 г. [47, л. 4, 4 об.].

Одним из приоритетных направлений развития пединститута в трудные военные годы было улучшение подготовки национальных кадров для школ Кабардинской АССР. С этой целью кардинально перестраивались учебные планы и привлекались квалифицированные «педагогические кадры как из коренного состава населения, так и из русских» [45, л. 62-63]. В качестве важных тем в области исторических исследований, требующих научной разработки, были определены: история кабардинского народа и актуальные вопросы, выдвинутые Великой Отечественной войной [46, л. 23].

Потребностями военного времени определялось все содержание деятельности преподавателей исторических кафедр КБПИ. Как и по всей стране, историки института, стремясь внести свой вклад в идейную мобилизацию народа на борьбу с врагом, обращались прежде всего к

героическим страницам отечественной истории, укрепляли веру народа в скорую и неизбежную победу в Великой Отечественной войне. Эта работа находила свое отражение не только в учебных и воспитательных мероприятиях, но и в широкой лекторской деятельности. На предприятиях, в колхозах, учреждениях и военных частях ученые института вели политическую пропаганду: разоблачали фашизм, анализировали важнейшие военно-политические события, читали отдельные материалы с фронтов Великой Отечественной войны [46, л. 32].

Курсы преподаваемых исторических дисциплин были пересмотрены в плане углубленного освещения событий, имеющих ярко выраженный патриотический характер. Студентов подробно знакомили с биографиями выдающихся русских полководцев: И.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова, одержавших в героическом прошлом блестящие победы над врагом. Была пересмотрена оценка некоторых исторических деятелей. В частности, Ивана Грозного и Петра Великого стали рассматривать как создателей и защитников российского государства. Одновременно раскрывалась захватническая сущность германского империализма. Большое внимание уделялось изучению освободительных войн, которые вели народы нашей и других стран против иноземных захватчиков. Так, например, в лекционной работе агитколлектива Кабардинского пединститута на историческом факультете значились темы «О ледовом побоище» и «Народно-освободительная борьба в Югославии» (лектор доцент Антонова) [46, л. 33, 35]. При изучении истории древнего мира выделялись разделы, посвященные борьбе народов против рабовладельческих государств, как, например, это видно из исследовательской работы А.Д. Дмитрева. Началось освещение героических событий Великой Отечественной войны [27, с. 45]. Неотъемлемой частью научной и учебной работы в КГПИ, как и во всех высших учебных заведениях, в годы войны было изучение биографии И.В. Сталина и его трудов.

Первые послевоенные годы отмечены частой сменой научно-педагогического состава работников. Так, кафедра всеобщей истории в 1944-1945 учебном году имела в своем составе трех квалифицированных научных работников: доцента, кандидата исторических наук Ч.А. Бекузарова; доцента, кандидата исторических наук А.Д. Дмитрева и кандидата исторических наук В.П. Антонову. Однако в 1945 г. Ч.А. Бекузаров по причине тяжелой болезни был вынужден оставить работу; А.Д. Дмитрев, проработав год в КГПИ, был освобожден от работы ввиду его перехода по конкурсу в Ростовский университет, а В.П. Антонова была освобождена от работы вследствие ее реэвакуации в Ленинград. На смену этим опытным преподавателям на кафедру всеобщей истории были приглашены преподаватель истории древнего мира И.Е. Шафир (отличник, выпускник КГПИ); преподаватель новой истории А.Д. Ейвин (демобилизованный из армии); а преподавание истории средних веков было поручено, как и в прошедшем 1944 г., А.Н. Хромовой (выпускнице МГУ 1944 г.). Таким образом, состав кафедры всеобщей истории был полностью обновлен, но к сожалению, как отмечено в документе, со значительным понижением научной квалификации сотрудников [50, л. 20 об.].

В ведомости заработной платы за 1945-1946 г. среди членов кафедры всеобщей истории также значились демобилизованный из армии старший преподаватель И.А. Алекберли и к.и.н., доцент И.С. Дешков [61, л. 81]. Приступив к работе в пединституте, Алекберли начал подготовку к сдаче кандидатского минимума, а молодые преподаватели И.Е. Шафир и А.Н. Хромова работали над освоением читаемых ими курсов [54, л. 12].

Некоторые кадровые изменения произошли и на кафедре истории СССР. И.о. зав. кафедрой Е.О. Таксар была освобождена от работы и откомандирована в распоряжение Наркомпроса РСФСР. И.о. зав. кафедрой и доцентом кафедры истории СССР назначен Аватис Иосифович Гельдман [50, л. 21], который в октябре 1946 года защитил при Московском государственном пединституте им. В.И. Ленина кандидатскую диссертацию на тему «Роль Плеханова в развитии исторической науки», но, как сказано в одном из документов, был «вынужден переработать диссертацию» [55, л. 4].

В своей должности Е.О. Таксар проработала совсем недолго, по-видимому, около полугода. Ее профессиональная подготовка не вызывает сомнений. До поступления на работу в КГПИ, в 1940-1941 гг. будучи аспирантом Московского педагогического института имени К. Либкнехта, она работала над диссертацией «Новая Запорожская Сечь», изучая архивные фонды Москвы, Харькова и Киева [35]. Однако ужесточение контроля со стороны партийно-государственных органов не только за благонадежностью педагогического состава института, но и за содержательной стороной исторического образования, привели к обвинению члена ВКП(б) Е.О. Таксар в «политических ошибках», среди которых – умаление заслуг деятелей отечественной науки, недостаточное освещение новейших открытий исторической науки в СССР, недооценка роли русской научной мысли в развитии мировой культуры и другие «заблуждения» [48, л. 2]. Ее персональное дело в свете постановления преподавания курса истории СССР в пединституте докладывалось секретарю Кабардинского обкома ВКП(б) [49, л. 118-119]. В послевоенное время (1945–1953 гг.) интенсивность идеологических кампаний только усилилась, и этот фактор во многом определил дальнейшую кадровую политику.

Вместе с тем в истории кафедры истории СССР в 1946-1947 гг. появляется еще одно знаковое имя. Это – Валентин Константинович (Батраз Амурханович) Гарданов. После окончания общественно-экономического отделения педагогического факультета 2-го МГУ в 1929-1930 гг. он был направлен преподавателем Воронежского университета, являлся заведующий историческим отделом областного краеведческого музея. В 1931-1934 гг. В.К. Гарданов – аспирант НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР; в 1934-1946 гг. работал научным сотрудником этого института, заведующим отделом Кавказа Центрального музея народов СССР; преподавателем МГУ и МИФЛИ. С 1946 г. Гарданов самым тесным образом сотрудничает с Кабардинским научно-исследовательским институтом, принимает участие в издании и рецензировании сборника, изданного к столетию Шоры Ногмова [9, с. 346]. Важно отметить, что в отчете о научно-

исследовательской работе и повышении уровня профессорско-преподавательского состава Кабардинского государственного пединститута за 1946 год, подготовленном директором института Хрипуновым, представлена общая картина выполнения плана научных работ за 1946 г., включая исследования вновь принятых научных работников. В их числе значился и профессор, кандидат исторических наук Б.А. Гарданов, который, как отмечено в документе, «за время с августа месяца 1946 г. по декабрь 1946 г. закончил изучение материалов республиканского архива КАССР и командирован на 3 месяца в Москву для написания и оформления докторской диссертации на тему «Черкесия и Кабарда в XVIII и первой половине XIX вв.» [55, л. 4]. Кстати сказать, докторскую диссертацию на тему «Общественный строй адыгейских народов в XVIII – первой половине XIX в.» Гарданов защитил в Институте этнографии только в 1967 г. Из протокола внеочередного заседания ученого совета Кабгоспединститута от 22 февраля 1947 год становится известно, что «кафедра истории СССР укомплектована полностью квалифицированными работниками» и заведующий кафедрой истории СССР – Гарданов Б.А. представлен на утверждение в этой должности [55, л. 13 об.]. Таким образом, какое-то время он возглавлял кафедру истории СССР в Кабардинском пединституте.

В дальнейшем, в 1957-1989 гг. будучи старшим научным сотрудником, затем заведующим отделом Кавказа Института этнографии АН СССР В.К. Гарданов внес огромный вклад в развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии. Он принимал активное участие в издании трудов Хан-Гирея, являлся членом редколлегии и авторского коллектива всех обобщающих работ: «История Кабарды», «История Кабардино-Балкарской АССР», «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» и многих сборников по истории и этнографии народов Кавказа [26, с. 34]. Его работы – «Обычное право кабардинцев (1-я половина XIX в.)», «Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов» и «Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.)» составляют фундамент современного кавказоведения. Ведущие этнографы Кабардино-Балкарского государственного университета почитают В.К. Гарданова своим научным руководителем [33, с. 5-12].

Возвращаясь к отчету директора Хрипунова за 1946 г., можно назвать наиболее важные достижения историков пединститута в научно-исследовательской работе в это время. Кроме В.К. Гарданова в документе отмечен преподаватель кафедры истории СССР Виктор Иванович Самаркин, который 20 октября 1946 года защитил при Московском государственном библиотечном институте диссертацию на тему «История Мордовской АССР» и приступил в конце года к работе над докторской диссертацией на тему «Революция 1905 г. на Тереке». Его кандидатская диссертация отнесена к числу лучших научно-исследовательских работ, выполненных в 1946 году, и решением ученого совета Московского библиотечного института работа рекомендована к печати [55, л. 4]. В 1947-1948 учебном году по кафедре истории СССР за ним была закреплена работа над сборником «Кабардинская

АССР в период победы социализма в СССР» [56, л. 94]. Следует отметить, что В.И. Самаркин к этому времени уже имел большой опыт работы по региональной истории. С 1938 по 1942 гг. являясь директором НИИ языка, литературы и истории Мордовской АССР, он участвовал в выявлении, сборе и научной обработке документальных, статистических, этнографических и археологических источников по истории мордовского народа. Итогом данной работы стало издание 4 томов «Документов и материалов по истории Мордовской АССР» (1939-1952), которые, по оценке специалистов, «до настоящего времени являются лучшим собранием документов по истории мордовского народа» [1, с. 12]. Опыт подобного рода научно-исследовательской деятельности важен в том отношении, что в это время профессор Г.А. Кокиев, работающий в пединституте по совместительству, опубликовал два очерка по истории Кабарды «Некоторые сведения из древней истории адыгов» и «Борьба кабардинской бедноты за советскую власть (1917-1921)» [55, л. 5] и подготовил к печати первую сводную работу – «Очерки по истории Кабарды» (Т. 1). В 1946-1947 гг. эти труды Кокиева расценивались руководством как «особо ценные» и имеющие «большое значение для развития кабардинской культуры» [55, л. 6].

В рассматриваемый период Кабардинский пединститут поддерживал связь с Наркомпросом и Академией педагогических наук РСФСР в координации научно-исследовательской работы. Связь с местным НИИ КАСССР выражалась в совместном выборе тематики по историческим и лингвистическим вопросам. Академия педагогических наук оказывала работникам пединститута научную консультацию. Контроль за выполнением плана научно-исследовательской работы осуществляется в институте двумя путями: путем рассмотрения материалов о научной работе отдельных преподавателей на заседаниях кафедр и путем заслушивания докладов на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава института. Впервые по итогам научно-исследовательской работы за 1946 г. руководством пединститута был поставлен вопрос о необходимости «установление в штатах института специальной должности ученого секретаря с оплатой 50% к его основной ставке преподавателя» [55, л. 7].

Достаточно полно можно восстановить кадровый состав исторических кафедр Кабардинского пединститута за 1948-1949 учебный. На кафедре всеобщей истории в это время работали: зав. кафедрой, к.и.н, доцент Бенедикт Борисович Сомах (1883 г.р.); д.и.н., профессор Константин Эдуардович Гриневич (1891 г.р.); к.и.н., старший преподаватель Самуил Николаевич Блюменталь (1894 г.р.); ассистент Валентина Никитична Гриневич (1919 г.р.) и окончивший недавно пединститут ассистент Анатолий Николаевич Шумаров (1915 г.р.) [52, л. 4-7].

Зав. кафедрой всеобщей истории Б.Б. Сомах являлся опытным специалистом по новой истории. Курс новой истории, а также курс истории аграрных отношений он читал уже в течение 15 лет, начав разрабатывать их еще в Белорусской сельхозакадемии в 1925 году [57, л. 14]. В рассматриваемое время Б.Б. Сомах заканчивал свою многолетнюю работу над докторской

диссертацией «Белорусские летописи как исторический источник» и работал над статьей «Разложение дворянства и образование волочных хозяйств во владениях королевы Боны». С.Н. Блюменталь являлся специалистом по новейшей истории. Он работал над сбором материала по новейшей истории Германии. Молодые работники А.Н. Шумаров и Валентина Гриневич вели семинарские занятия и готовились к сдаче кандидатского минимума. В.Н. Гриневич собирала материал для диссертации по истории Древней Греции [57, л. 17].

Особо следует сказать о профессоре Константине Эдуардовиче Гриневиче. Основные этапы его жизненного пути являются отражением истории нашей страны. После окончания исторического отделения историко-филологического факультета Харьковского университета в 1915 г. К.Э. Гриневич был командирован в Петроградский университет, при этом он одновременно состоял сотрудником Археологической комиссии и Эрмитажа. В 1918 г. после получения звания приват-доцента в Петроградском университете К.Э. Гриневич был командирован для проведения археологических раскопок в Керчь и Херсонес. Переехав в Москву, в 1928–1930 гг. он работал ученым специалистом в области музейного дела и искусствознания, а в 1931–1933 гг. – профессором этнологического факультета 1-го МГУ и экскурсионно-переводческого факультета Московского института новых языков. В 1933 г. постановлением Особого совещания при ГПУ К.Э. Гриневич был выслан в Новосибирск, а в 1935–1940 гг. за знакомство со ссыльным сослуживцем по музею был заключен в Карагандинский лагерь. После реабилитации в 1940 г. К.Э. Гриневич до 1948 г. работал профессором и заведующим кафедрой древней истории Томского университета [11]. В 1944 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1945 г. был утвержден в звании профессора «древней истории». В штат КГПИ профессор Константин Эдуардович Гриневич был зачислен 25 октября 1948 г. В это время пединститут остро нуждался в преподавателях высшей квалификации: в течение сентября и октября не читался курс древней и средневековой истории. К.Э. Гриневич в своей телеграмме из Ставрополя указал свою специальность и выразил желание работать в Кабардинском институте профессором [52, л. 23]. В течение ряда лет К.Э. Гриневич читал курсы истории первобытного общества, древней истории и средних веков на кафедре всеобщей истории в Кабардинском пединституте. Весьма интенсивной в этот период была его научно-исследовательская работа. Для намеченных к изданию «Ученых записок» института он готовил статью «Новые работы по истории археологии Кабарды», собирал материал для работ «Скифо-сарматская культура Кабарды» и «Методика археологии» [57, л. 14-15]. Гриневич был убежден в том, что к изучению археологических памятников республики, необходимо привлекать молодежь, которая учится на историческом факультете. Он организовал студенческий историко-археологический кружок, который в каникулярное время (июль 1949 г.) вместе с учеными выехал на обследование городищ КАССР для составления археологической карты республики [52, л. 23 об.]. Таким образом,

К.Э. Гриневич стоял у истоков профессиональной подготовки молодых исследователей-археологов в Кабардино-Балкарии.

С сентября 1949 г. среди прибывших на работу в Кабардинский пединститут на кафедре всеобщей истории значился старший преподаватель Яков Исаакович Хейфец [51, л. 42]. В 1950 г. он защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Колониальный вопрос и выборы в Германский рейхстаг 1907 г.». Статья по этой проблеме была подготовлена им для третьего выпуска «Ученых записок» пединститута [53, л. 150]. Область его научных интересов охватывала широкий круг проблем новейшей истории: экономическое и политическое развитие зарубежных стран в 1924-1939 гг.; вторая мировая война; мировое коммунистическое движение; распад колониальной системы и образование независимых государств в Азии и Африке и другие. Материалы по этим проблемам издавались в помощь учителям, пропагандистам и лекторам Кабардино-Балкарии. Я.И. Хейфец вел большую общественную работу, регулярно выступал в преподавательском лектории с докладами о международном положении [53, л. 29].

На кафедре истории СССР в 1948-1949 гг. работали: и.о. зав. кафедрой, ст. преподаватель Абрам Исакович Першиц (1923 г.р.); ст. преподаватель Иван Федорович Мужев (1899 г.р.); ассистент Андрей Иванович Щеголев (1902 г.р.), к.и.н., доцент Мария Васильевна Васильева (1905 г.р.); ассистент Евгения Джамурзовна Налоева (1920 г.р.); зам директора по з/о, ассистент Сосруко Алиевич Улигов (1914 г.р.) [52, л. 4-7].

Абрам Исакович Першиц весь 1948-1949 учебный год исполнял обязанности заведующего кафедрой истории СССР Кабардинского пединститута работал и одновременно заведовал сектором этнографии местного НИИ. Тогда это был молодой и весьма перспективный специалист. После окончания МГУ в 1944 г. он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, где в апреле 1948 г. защитил диссертацию «Племенной состав и родоплеменная организация кочевников Северной Аравии в XIX-первой четверти XX в.» [44, с. 185]. В Кабардинском пединституте А.И. Першиц читал общий курс истории СССР и спецкурс «История Кабарды». Следует отметить, что именно в 1948-1949 учебном году впервые на 3-м и 4-м курсах истфака был разработан спецкурс по истории Кабардинской АССР, доведенный до Великой Октябрьской революции. В этом же году А.И. Першиц сдал в редакцию Академии наук свою кандидатскую диссертацию, а также подготовил работу о родоплеменной организации бедуинов и две статьи для Большой советской энциклопедии. В качестве общественной нагрузки он руководил кружком по этнографии Кабарды и выступал с докладами в преподавательском лектории. Как руководитель кафедры А.И. Першиц полагал, что в первую очередь следует обратить внимание на пополнение крайне бедных фондов учебной и научной литературы, а для обеспечения нормальной работы кафедры истории СССР в 1949/1950 учебном году необходимо пригласить штатного специалиста по III периоду истории СССР [58, л. 57-62]. После возвращения в Москву А.И. Першиц долгие годы работал в Институте этнографии и занимался историей первобытности и общими

теоретическими проблемами этнографии, но на протяжении всей своей жизни сохранял интерес к кавказоведению и активно сотрудничал с местными учеными.

В конце 40-х - начале 50-х гг. XX в. И.Ф. Мужев читал общий курс истории СССР на историческом отделении пединститута и вел спецкурс по истории Кабарды. Одногодичная аспирантура способствовала завершению его кандидатской диссертации «Крестьянская реформа в Кабарде (1867 г.)», и в феврале 1951 года на секцией истории СССР ученого совета исторического факультета МГУ состоялась ее защита. Официальными оппонентами по диссертации И.Ф. Мужева выступили известные советские историки П.А. Зайончковский и Е.С. Зевакин. 29 августа 1951 года Мужеву И.Ф. был выдан диплом о присуждении ученой степени кандидата исторических наук [4, л. 166], а в октябре 1952 года он был утвержден в ученом звании доцента по кафедре истории СССР Кабардинского государственного пединститута [4, л. 150].

Другие члены кафедры истории СССР также проводили определенную научно-исследовательскую работу. Доцент М.В. Васильева вела курс методики преподавания истории и занималась научной работой в этом направлении, разрабатывая руководство по педагогической практике. Ассистент А.И. Щеголев занимался подбором архивных материалов для диссертации «Развитие капитализма в Кабарде в пореформенный период». Однако по предложению кафедры МГУ, где он находился в годичной аспирантуре, тему пришлось изменить, и Щеголев собрал значительное количество материалов по теме «Крестьянское движение в Кабарде в годы Столыпинской реакции». Ассистент Е. Дж. Налоева проводила семинарские занятия по истории СССР и готовилась к сдаче кандидатского минимума при Пятигорском пединституте [58, л. 57-62].

Какое-то непродолжительное время, до апреля 1950 г. на кафедре истории СССР числился доцент В.А. Рюмин [59, л. 1], разработавший спецсеминар «Музееведение и региональное краеведение». В годовом отчете кафедры он назван «старым музейным работником». Здесь следует отметить, что за плечами В.А. Рюмина был поистине огромный опыт научно-организаторской и краеведческой работы. Еще в 1925 г. по решению Главнауки Наркомпроса РСФСР Владимир Афанасьевич был командирован в г. Нальчик Северокавказским крайкомом партии для создания в Кабардино-Балкарии научно-исследовательского института и являлся его первым директором (1926–1932 гг.). Под руководством В.А. Рюмина проводилась масштабная работа «по сбору литературы о Кабардино-Балкарии, материалов, необходимых для составления полной научной истории Кабарды и Балкарии, а также города Нальчика, документов, литературы, воспоминаний, рукописей, карт, планов и других предметов древности, найденных на территории КБАО» [26, с. 12]. Во главе с В.А. Рюминым коллективу научно-исследовательского института в первые годы удалось установить контакты с другими институтами, научными обществами и университетами СССР. Из литературы также известно, что в 1928-1929 г., зам. наркома Просвещения РСФСР Н.К. Крупская, принимавшая

участие в организации народного образования и культурного развития Хакасии, откомандировала туда В.А. Рюмина для проведения этой работы [7]. Наряду с большой организационной деятельностью В.А. Рюмин занимался и научно-исследовательской работой. В архиве Академии Наук СССР сохранилось его письмо от 21 августа 1940 г., адресованное академику В.Л. Комарову. В.А. Рюмин обращался с просьбой прикомандировать его на полгода к институту востоковедения для окончания докторской диссертации «История государственных учреждений Закавказья конца XVIII и начала XIX веков (Система управления)», ссылаясь на положительный отзыв своего научного консультанта академика И.А. Джавахишвили. Из письма следует, что в это время В.А. Рюмин жил в Москве и ездил читать курс лекций в Курск и Чебоксары [38]. По неизвестной причине в апреле 1950 г. В.А. Рюмин был отчислен из Кабардинского пединститута и уехал в другой институт, так и не завершив работу по истории Кабарды [59, л. 12].

На отдельных примерах можно проиллюстрировать все трудности, с которыми сталкивалось историческое образование в этот период. С 1947 г. постепенно раскручивалась кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом», своего пика она достигла в 1948–1949 гг. после публикации в журнале «Вопросы истории» редакторской статьи «Против объективизма в исторической науке» [40]. В Кабардинском пединституте «буржуазный объективизм» в изложении исторического материала был обнаружен и подвергся всесторонней критике, например, в лекционном курсе доцента кафедры всеобщей истории Сомаха. В заключении на его лекцию по теме «Нидерландская революция» в частности отмечалось, что «основная проблема Нидерландской революции – развертывание народно-освободительного движения, развитие кальвинизма, характеристика Утрехтской унии так и не нашла своего отражения в лекции. Вместо обстоятельного изложения этих проблем, тов. Сомах приводит в лекции многочисленные второстепенные и не всегда типические подробности относительно «верноподданничества» народа Нидерландов» [56, л. 36-37].

На историческом фронте «борьба с низкопоклонством перед Западом» с 1948 года тесным образом переплеталась с «борьбой с космополитизмом» и кампанией против «безродных космополитов». В основу своей работы исторические кафедры Кабардинского пединститута в 1948-1949 учебном году положили историческое постановление ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам и соответствующие приказы министерства просвещения РСФСР. Для их выполнения были застенографированы лекции всех преподавателей исторического факультета. Кафедры в своих решениях исходили из требований партии и Правительства о том, что вся система обучения и воспитания должна быть пронизана большевистской партийностью [57, л. 2-3]. В отчетах по историческому факультету за этот учебный год зафиксированы многочисленные эпизоды строжайшего идеологического контроля со стороны партийного руководства института за содержательной стороной исторического образования. Так, например, отмечено, что преподаватель кафедры истории СССР Щеголев «недостаточно последовательно проводил принцип

партийности науки, недостаточно акцентировал необходимость борьбы с буржуазным космополитизмом» [57, л. 9]. Преподаватель кафедры всеобщей истории С.Н. Блюменталь – специалист по новейшей истории, в своих лекциях, как сказано в документах, вводил «материал, разоблачающий реакционный характер буржуазных стран» [57, л. 14]. Вместе с тем, «виду серьезности и актуальности борьбы с буржуазным космополитизмом и борьбы с его проявлениями на историческом фронте, кафедра внесла этот вопрос в свой план» и «для популяризации работ советских ученых историков, удостоенных сталинских премий в последнее время», организовала доклад о работе проф. Рыбакова «Ремесло древней Руси» [57, л. 15]. Под углом зрения идейно-политической направленности велась работа и на кафедре Истории СССР. В преподавательском лектории были заслушаны доклады «О положении на историческом фронте» (доцент Рюмин) и «Борьба с реакционной идеологией космополитизма в исторической науке» (к.и.н. Першиц)» [58, л. 59 и об.]. В этой связи интересно отметить, что сам Абрам Исакович Першиц работал в Кабардинском пединституте только год и оказался там, поскольку «в обстановке развернувшейся против «космополитизма» борьбы в Москве его никуда на работу не брали, и он вынужден был искать ее в провинции» [44, с. 185]. Преподаватель кафедры истории СССР Е.П. Вихорева также подготовила доклад «Борьба против космополитизма и буржуазного объективизма в преподавании истории СССР в школе», который был заслушан и утвержден на кафедре, а затем прочитан на республиканских «Педагогических чтениях» [59, л. 4].

С каждым годом репрессивный механизм набирал обороты. В апреле 1949 г. профессор кафедры истории СССР Г.А. Кокиев был арестован, обвинен в антисоветской деятельности и подрывной работе, направленной на развал социалистической науки. Ученому инкриминировали «антинаучные и политически вредные взгляды» о высоком уровне развития феодализма в Кабарде, которые якобы провоцировали рост буржуазно-националистических настроений в республиках Северного Кавказа. Были «репрессированы» научные труды Г.А. Кокиева, они изымались из нормального научного обращения. В Кабардинском пединституте объединенное заседание исторических кафедр, посвященное важным вопросам изучения истории Кабардинской АССР состоялось 16 ноября 1949 г. Как указывалось в отчете, «по докладу секретаря Обкома по поводу решения Обкома ВКП(б) «Об извращениях, допущенных в освещении истории Кабардинского народа» было принято постановление, в котором указывалось, что «все работники кафедр основ марксизма-ленинизма, истории СССР, а также всеобщей истории честно принимают и на себя долю вины в том, что своевременно не разоблачили грубые фальсификации, и мало того отдельные слепо плелись на поводу у Кокиева, разделяя его взгляды и проводя их в своем преподавании спецкурса по истории Кабарды» [59, л. 4]. Дальнейшая судьба Г.А. Кокиева сложилась трагично: в 1955 г., находясь в одном из гулаговских лагерей, он умер от разрыва сердца. Был реабилитирован посмертно [3, с. 149].

В мае 1950 года, по политической статье «антисоветская агитация» органами министерства госбезопасности была арестована Е.Дж. Налоева. Не проработав на кафедре истории СССР в должности ассистента и двух лет, она была оболгана приставленными к ней доносчиками и приговорена к 8 годам исправительно-трудового лагеря [34, с. 4].

Общественно-политическая ситуация в стране и выход в свет работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» коренным образом изменили структуру и содержание преподавательской и научно-исследовательской работы исторических кафедр. На основе труда И.В. Сталина был пересмотрен составленный научно-исследовательским институтом план курса истории Кабарды. Узловые проблемы истории Кабарды, такие как уровень социально-экономического развития, значение присоединения Кабарды к России, а также вопросы мюридизма и движения Шамиля были подвергнуты коренной переоценке и получили, как записано в одном из документов, «толкование в точном соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма» [59, л. 6-7].

В штате кафедры истории России с 1949 г. появился Михаил Николаевич Кривушин, до этого с 1942 г. работавший прокурором Кабардинской АССР [39]. Студентам он преподавал основы Советского государства и права, вел научно-исследовательскую работу в архиве, «почувствовав в себе интерес к изучению истории развития судебных органов в Кабарде» [59, л. 12]. В августе 1950 г. на очередной пятой сессии Кабардинского научно-исследовательского института при Совете Министров Кабардинской АССР преподаватель педагогического института М.Н. Кривушин выступил с докладом и, как написано в отчете, «на основании новых документов Государственного архива Кабардинской АССР показал реакционную сущность мюридизма и движения Шамиля. Он документально доказал отрицательное отношение кабардинского народа к этому движению, выразившееся в оказании добровольной помощи русским войскам, сражавшимся против полчищ Шамиля» [14]. Эта оценка в точности отразила историографический поворот в освещении проблем мюридизма и движения Шамиля, произошедший в советской исторической науке на рубеже 1949-1950 гг. Он заключался в отходе от характеристики этого движения северокавказских горцев как справедливого антиколониального и антифеодального, направленного против экспансии царизма. Под давлением партийных органов в исторической науке в это время насаждается положение о реакционной сущности борьбы северокавказских горцев, инспирированной из-за рубежа. В статье первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Д. Багирова Шамиль был объявлен вождем реакционно-клерикального движения мюридизма, служившего интересам эксплуататоров и служившего инструментом турецкой и британской политики [6].

С конца 1949 г. временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории России был назначен Василий Павлович Крикунов (1921 г.р.). Он был родом из г. Пятигорска, где после окончания средней школы поступил в Пятигорский институт иностранных языков. Известно, что В.П. Крикунов героически проявил себя в годы Великой Отечественной войны

в оккупированном немцами Пятигорске, а в послевоенные годы работал в различных вузах Северного Кавказа. После защиты кандидатской диссертации он получил назначение в Кабардинский пединститут, где и проработал около 14 лет до 1963 г. [10, с. 105].

В начале 1950-х педагогическая и научно-исследовательская работа В.П. Крикунова во многом определялась общественно-политической ситуацией в исторической науке и образовании. Наряду с преподаванием общего курса истории СССР, он вел спецсеминар «Некоторые вопросы истории России феодального периода в сочинениях И.В. Сталина», изучал работы Ленина и Сталина по национальному вопросу и для научного сборника готовил статью «Вопросы истории Кабарды в сочинениях И.В. Сталина». В период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР Крикунов вел большую общественно-политическую работу: выступал с лекциями и инструктивными докладами перед офицерским составом, партактивом и учителями республики [59, л. 11].

В 1949 г. вышла в свет монография В.П. Крикунова «Крестьянская реформа 1861 г. в Ставропольской губернии», а в 1950 г. в Ставропольском альманахе № 5 была опубликована его статья «Крестьянское движение в Ставрополье в 1879 г.» [59, л. 12]. Но самое главное на чем была в то время сфокусирована научно-исследовательская работа кафедры истории СССР, в целом, и В.П. Крикунова, в частности, – это подготовка первого обобщающего труда «История Кабардинской АССР». План-проспект первого тома был опубликован в 1950 г. [36]. За Крикуновым был закреплен один из разделов – «Кабарда в период 1-й мировой империалистической войны» [53, л. 141]. К 1951 г. он подготовил план-конспект II тома [59, л. 13; 43]. К обсуждению плана-конспекта первого обобщающего труда по истории Кабарды были привлечены не только профессиональные историки [12], но и широкая общественность республики. Обсуждение показало, что форсированное создание такого важного труда обречено на неудачу. Нерешенность основных проблем истории Кабарды и, прежде всего «большой проблемы» – стадияльно-типологической характеристики ее общественного строя, не позволили завершить работу в отведенные два года. Более продуктивной была признана предварительная разработка основных вопросов истории Кабарды, предпринятая кавказоведами в дальнейшем [23].

В рассматриваемый период заметный след на кафедре истории СССР оставила Таисия Ивановна Агапова. После окончания в 1941 г. Северо-Осетинского государственного педагогического института она работала учителем в селе Плановском Кабардино-Балкарской АССР, пережила тяжелые годы фашистской оккупации. После войны продолжила педагогическую деятельность в Северо-Осетинском пединституте, затем старшим преподавателем кафедры истории в Кабардинском педагогическом институте. В 1951-1952 учебном году за ней были закреплены такие дисциплины как «Методика преподавания истории» и «Конституция СССР», а также спецкурс по истории русской промышленности в XVIII – первой половине XIX в. [60, л. 31]. Работу со студентами Т.И. Агапова совмещала с научной деятельностью. В

1953 году в Ленинградском государственном университете защитила кандидатскую диссертацию. Ее исследования посвящены кризису крепостной горной промышленности Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в., формированию рабочих и инженерно-технической кадров для русской промышленности. В дальнейшем, в 1960-е годы, являясь заведующей сектором памятников истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, Т.И. Агапова стала крупнейшим отечественным ученым по истории Сибири [20]. В 1967 году Т.И. Агапова защитила докторскую диссертацию «Кабинетское хозяйство. 1747-1860-е гг.: (Опыт социально-экономического исследования)». В начале 1970-х гг. Таисия Ивановна создала кафедру истории и музееведения Краснодарского института культуры, которую возглавляла до 1986 г. В истории родной Кубани она осталась как бессменный научный руководитель общественного движения «Кубань и космонавтика» [2].

Итак, высшее историческое образование в Кабардино-Балкарии берет свое начало в 1934 г., когда в педагогическом и учительском институтах было создано историческое отделение и кафедра истории. На начальном этапе становления исторического подразделения Кабардинского пединститута (1934-1953 гг.) следует подчеркнуть вклад советских ученых из центральных регионов страны в развитие высшего исторического образования в Кабардино-Балкарии. Постепенно исторические кафедры пединститута стали не только школой подготовки учительских кадров, но и центром развития исторической науки республики.

В 1930-1940-е гг. обеспечение пединститута кадрами высшей квалификации осуществлялось по направлениям Наркомпроса РСФСР. Уровень профессорско-преподавательского состава исторических кафедр КБГПИ был достаточно высок благодаря прибывшим в пединститут специалистам. Многие преподаватели исторических кафедр закончили ведущие вузы страны: МИФЛИ, МГУ, ЛГУ или защитили там кандидатские диссертации. В условиях острой нехватки кадров учебная нагрузка была очень высокой, и профессорско-преподавательскому составу приходилось осваивать смежные дисциплины и проводить внеурочные занятия. Историки занимались в основном преподавательской деятельностью. Перед ними стояла задача подготовить для остро нуждающейся в педагогических кадрах Кабардино-Балкарии собственных учителей истории. А для полноценной научно-исследовательской работы в тот период не было ни материальной, ни исследовательской базы. Однако постепенно шел процесс превращения учительского сообщества в научное. В научно-педагогическую жизнь исторических кафедр благодаря привлечению к работе остепененных ученых из других вузов привносились академические практики уже сложившихся научных школ. При этом обращает на себя внимание, говоря современным языком, высокая академическая мобильность профессорско-преподавательского состава в эти годы и широкое привлечение к образовательной и научно-исследовательской деятельности уже известных кавказоведов.

И хотя первых историков-преподавателей Кабардино-Балкарского пединститута, следуя метафоре, можно было бы назвать «историками второго плана» в структуре профессионального сообщества, объективная оценка которых осуществляется не «в ходе дальнейшего развития научного знания», а посредством комплексного анализа «социокультурной ситуации, в рамках которой осуществляется их практическая деятельность» [41, с. 17], все эти люди достойны того, чтобы память о них была запечатлена в истории университета и его исторического подразделения.

Следует помнить, что становление научно-педагогических коллективов исторических кафедр пединститута проходило в сложных условиях военного и послевоенного времени и жесточайших политико-идеологических кампаний сталинской эпохи. Депортация балкарцев в 1944 г. повлекла за собой преобразование Кабардино-Балкарского педагогического института в Кабардинский педагогический институт, практически полное сокращение обучающейся балкарской молодежи и запрет на долгие годы заниматься исследованием истории Балкарии.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в конце 1940-х-начале 1950-х гг. были достигнуты определенные успехи в развитии высшего исторического образования в Кабардинском пединституте. Ряды профессорско-преподавательского состава исторических кафедр пополнили как уже сформировавшиеся ученые-историки, так и молодые перспективные исследователи. Были заложены основы целых научных направлений и историографических школ, в последствие определивших вектор развития исторической науки в республике. Постепенно основной состав преподавателей стал формироваться из собственных выпускников, с отличием закончивших вуз и проявивших склонность к научно-педагогической деятельности.

К началу 1950-х гг. постепенно решается одна из важнейших проблем, стоявших перед высшей школой республики – подготовка научно-педагогических кадров из представителей коренной национальности. В 1950 г. лучшие выпускники исторического отделения педагогического института Т.Х. Кумыков, А.Х. Касумов, У.А. Улигов были рекомендованы в аспирантуру, а Р.Х. Гугов оставлен для работы на кафедре истории [64]. Туган Хабасович Кумыков окончил аспирантуру Северо-Осетинского государственного института и уже в 1953 г., в возрасте 26 лет, защитил кандидатскую диссертацию. Он начал преподавательскую деятельность в КГПИ в 1952-1954 гг., вновь вернулся к ней в 1966 г. и до самой кончины (2007 г.) возглавлял кафедру истории России Кабардино-Балкарского государственного университета. Т.Х. Кумыков внес огромный вклад в развитие исторической науки в республике и создал свою научно-педагогическую школу [16, с. 16]. В 1950-е гг. ядро кадров исторической науки Кабардино-Балкарии составили Х.Г. Берикетов, Х.М. Бербеков, В.П. Крикунов, Р.Х. Гугов, А.Х. Касумов, Т.Х. Кумыков, Х.Т. Медалиев, Х.М. Сабанчиев, У.А. Улигов, А.К. Текуев, Т.Т. Шикова и другие специалисты [64, с. 229]. Начался новый этап в развитии высшего исторического образования в республике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов В.К.* Мордовская историография социально-политических проблем // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 3. – С. 12-16.
2. *Аганова Таиса Ивановна* // Большая Кубанская Энциклопедия / ред. совет: М.К. Ахеджак и др. – Краснодар, 2005. – Т. 1: Биографический энциклопедический словарь. – С. 8.
3. *Анчабадзе Ю.Д.* Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 134-152.
4. Архив Кабардино-Балкарского государственного университета. Личные дела сотрудников, уволенных с работы в 1969 г. с буквы «Ж» по «М». – № 2.
5. Архив Кабардино-Балкарского государственного университета. Личные дела сотрудников (уволенных). «К». – Оп. 2. – Д. 514. – Т. 5. – № 18.
6. *Багиров М.Д.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. – 1950. – № 13. – С. 21-37.
7. *Белюсова Л.И.* Деятельность первого краеведческого общества в Абакане // Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив»: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://arhiv.r-19.ru/assets/files/Doklad/Belousova%20Obshestvo%20kraeved.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).
8. *Бербеков Х. М.* Очерки истории Советской Кабардино-Балкарии / Под ред. М.П. Кима. – М.: Госполитиздат, 1958. – 160 с.
9. *Гарданов В.К.* Шора Ногмов (1844-1944). Сборник документации и статей к 100-летию со дня смерти // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1946. – Т.1. – С. 341-346.
10. *Гасанов М.Р.* Педагог, ученый и интернационалист (к 85-летию профессора В.П. Крикунова) // Научная мысль Кавказа. – 2006. – №3. – С. 105-108.
11. *Гриневич Константин Эдуардович* – Электронная энциклопедия ТГУ // Томский государственный университет: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Гриневич_Константин_Эдуардович (дата обращения: 23.02.2017).
12. Группа историков Кабарды. Научная сессия по вопросам истории кабардинского народа // Вопросы истории. – 1953. – № 10. – С. 150-153.
13. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 723-808.
14. *Е. К.* Пятая научная сессия Кабардинского научно-исследовательского института // Вопросы истории. – 1950. – № 11. – С. 172.
15. *Жакомихов Т.А.* Из истории подготовки педагогических кадров в Кабардино-Балкарии // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 1957. – Вып. 1. – С. 411-417.
16. Жизнь во имя науки. К 85-летию заслуженного деятеля науки РФ, профессора Т.Х. Кумыкова. Творческая лаборатория ученого в интерьере семьи, друзей и коллег. – Нальчик: Печатный двор, 2013. – 440 с.
17. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. – Т. 2: История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / Гл. ред. Г.Х. Берикетов. – М.: Наука, 1967. – 439 с.
18. История Кабарды с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н.А. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 394 с.
19. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

20. К 90-летию со дня рождения Таисы Ивановны Агаповой // *Астрономия: сайт Максименко Анатолия Васильевича. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.astro.websib.ru/news/2009/05/6426>* (дата обращения: 01.06.2017).
21. Кабардино-Балкарскому государственному университету – 10 лет / Отв. ред. К.Н. Керемов. – Нальчик, 1967. – 120 с.
22. Кабардино-Балкарскому государственному университету – 50 лет / сост. Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 196 с.
23. *Кажаров В.Х.* Историческое кабардиноведение в 1945-1957 гг. // *Исторический вестник.* – 2010. – №9. – С. 159-190.
24. *Казаров С.* У истоков советского антиковедения // *Донской временник. Краеведческий библиотечно-библиографический журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dermatology.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=218* (дата обращения: 23.02.2017).
25. *Калмыков Ж.А.* Жизнь в поисках и свершениях. К 75-летию со дня рождения профессора, заслуженного деятеля науки КБР и РФ Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Изд-во Каб.-Балк. ун-т, 2002. – 18 с.
26. КБИГИ 1926-2016: наука в лицах. (Юбилейное издание). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 194 с.
27. *Кокиев Г.*, проф. Об одной фашистской фальсификации // *Исторический журнал.* – 1944. – № 2-3. – С.43–48.
28. *Кузьминов П.А.* Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: ООО Печатный двор, 2011. – 532 с.
29. *Лебедев П. А.* Кабардинский государственный педагогический институт // *Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института.* – Нальчик, 1953. – Вып. 5. – С. 3-16.
30. *Мамбетов Г.Х.* Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту пятьдесят лет. 1926-1976. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 124 с.
31. *Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И.* Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 192 с.
32. *Мирзоев А.С.* Научная, педагогическая работа и творческое наследие Е.Д. Налоевой // *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: Печатный двор, 2015. – С. 6-27.
33. *Мусукаев А.И.* Страницы биографии // В.К. Гарданов. Историк и этнограф. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – С. 5-12.
34. *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы политической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: Печатный двор, 2015. – 368 с.
35. Научная работа кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта // *Историк-марксист.* – 1941. – № 6. – С. 153.
36. Очерки по истории Кабарды. План-конспект // *Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института.* – Нальчик, 1950. – Т.5. – С. 316-325.
37. *Ошроев Р.В.* Становление и развитие университетского образования Кабардино-Балкарии в XX – нач. XXI в.: дис. ...канд. истор. наук: 07.00.02. – Нальчик, 2004. – 206 с.
38. Письмо В.А. Рюмина академику В.Л. Комарову от 21 августа 1940 года // *Российская академия наук. Архив: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ras.ru/KArchive/pageimages/277/4_1273/001.jpg* (дата обращения: 08.05.2017).
39. Прокуратуре Кабардино-Балкарской республике – 90 лет // *Новости прокуратуры РФ: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://procrf.ru/news/56300-prokurature-kabardino-balkarskoj-respubliki--90-let.html>* (дата обращения: 27.06.2017).

40. Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. – 1948. – №12. – С. 3-12.
41. *Репина Л.П.* От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории». – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 6-18.
42. *Саблиров М.З.* Историческая наука Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны советского народа // Советская молодежь. – 1995. – 12 мая. – С. 11.
43. Сборник статей по истории Кабарды / Подгот. Кабард. науч.-исслед. ин-том при Совете Министров КАССР. – Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1951. – Вып. 1. – 190 с.
44. *Семенов Ю.И.* Абрам Исакович Першиц // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 5. – С. 185-189.
45. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1061.
46. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 1066.
47. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 1068.
48. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 1204.
49. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 1232.
50. УЦДНИ АС КБР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1335.
51. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 2265.
52. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 2267.
53. УЦДНИ АС КБР. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 2810.
54. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). – Ф. 582. – Оп.1. – Д. 31.
55. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 32.
56. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 45.
57. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 50.
58. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 52.
59. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 60.
60. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 89.
61. УЦГА АС КБР. – Ф. 582. – Оп.1. – Д. 153.
62. *Хутуев Х.И., Сабанчиев Х.-М.А.* Кабардино-Балкарский НИИ как центр исторической науки в республике (К 60-летию Института) // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1987. – С. 6-66.
63. *Хутуев Х.И.* Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 120 с.
64. *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 451 с.

УДК 37:093(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-97-119

**ВУЗОВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ
(1934-1953)**

**Е.Г. МУРАТОВА
Ю.А. ОРТАНОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru, yulia-kabardinka@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников исследуется начальный этап становления исторических кафедр Кабардино-Балкарского пединститута. Особое внимание уделено оценке вклада советских историков в их становление. Состояние и развитие исторического образования и исторических исследований в Кабардинском пединституте в годы Великой Отечественной войны и в условиях идеологических кампаний послевоенного сталинизма проанализировано с использованием биографического метода. Содержание и значение этого периода в основании и становлении профессионального исторического образования в Кабардино-Балкарии оценивается как в контексте того времени, так и с позиций нашего времени. Статья подготовлена к 85-летию Кабардино-Балкарского государственного университета и посвящена первым преподавателям и студентам его исторического отделения.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт; кафедра истории СССР; историческое образование в Кабардино-Балкарии; историческая наука; Великая Отечественная война; идеологические кампании; послевоенный сталинизм.

HIGHER HISTORICAL EDUCATION IN KABARDINO-BALKARIA: INITIAL STAGE OF FORMATION (1934-1953)

E.G. MURATOVA
Yu.A. ORTANOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru, yulia-kabardinka@mail.ru*

Abstract. Relying on the new archival sources, introduced into scientific use for the first time, the article reconstructs initial stages in the history of the Historical Department of Kabardino-Balkarian State Pedagogical Institute. Special attention is paid to the assessment of contribution the Soviet historians made to its formation. The state and development of the historical education and historical studies in Kabardinian State Pedagogical Institute during the Great Patriotic war and under the pressures of the ideological campaigns of post-war Stalinism is analysed with the use of biographical method. The meaning and significance of this period in the establishment and maturing of professional historical education are estimated both in the context of that time and from our present point of view. The article is prepared for the 85th anniversary of the Kabardino-Balkarian State University's foundation and is dedicated to the memories of first professors and students of its Historical Department.

Key words: Kabardino-Balkarian State Pedagogical Institute; Department of History; historical education in Kabardino-Balkaria; historical science; The Great Patriotic war; ideological campaigns; post-war stalinism.

ХОЛОКОСТ И ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ

Ю.И. Мурзаханов

Израильские, американские и западноевропейские ученые, занимающиеся проблемой Холокоста (геноцида евреев в годы второй мировой войны), практически ничего не пишут о судьбе горско-еврейских общин на территории бывшего СССР. Согласно распространенной в западной историографии точке зрения, на Северном Кавказе немногие из проживающих там горских евреев пострадали, ибо оккупация продолжалась там считанные месяцы. Немцы колебались, считать ли горских евреев с расовой точки зрения евреями, но прежде чем пришли к решению, были изгнаны из данного района Советской Армией [9, с. 19; 11, с. 96].

Это ошибочное утверждение. Широко известна трагедия горско-еврейского села Богдановка Моздокского района Северной Осетии, где 25 сентября 1942 г. фашистами было расстреляно более 470 мирных жителей – женщин, стариков и детей. Летом 1942 г. немцами был уничтожен горско-еврейский колхоз им. Шаумяна Евпаторийского района Крымской АССР; погибло 114 мирных жителей (с. Богдановка и колхоз им. Шаумяна были основаны в 1920-е годы по решению ОЗЕТ – Общества по землеустройству евреев-трудящихся).

19 октября 1942 г. немецкие каратели вывезли из хутора Менжинский (Ставропольский край) 40 горско-еврейских семей (около 300 человек) и доставили в станицу Курская, где и расстреляли во дворе кирпичного завода [6, с. 139-140].

В течение сентября 1942 г. в Минводы в специальных поездах свозилось все еврейское население, проживавшее на территории Кавминвод; всего здесь было расстреляно более 6000 человек, в числе которых были и горские евреи – жители Кисловодска и Пятигорска.

В первые же дни оккупации Налчика фашистами были расстреляны следующие жители горско-еврейской общины: Михо Шамилов и его 10-летний сын, Борис Нисонович Давыдов и его отец, семья красноармейца Шаулова (жена и пятеро его детей в возрасте от 5 месяцев до 11 лет), 60-летняя Новид Мигировна Истахорова, семья Ифраимовых (70-летняя Гугуш, трое ее дочерей, младшей из которой – Руспо – было 20 лет, 23-летняя невестка Зоя, шестеро внуков в возрасте от 2 до 12 лет), и некоторые другие.

19 января 1943 г. в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» было опубликовано письмо группы горских евреев (Р.А. Шамилова, М.С. Амировой, А.А. Шамилова, Н.Р. Давыдовой, Л.З. Ашурова, Х.Т. Шамиловой и др.) «Будьте прокляты, немецкие изверги!» В нем в частности, говорилось: «65 дней мы находились в плену фашистских бандитов, 65 дней озверелые гитлеровские псы, потерявшие человеческий облик, мучили и расстреливали ни в чем не повинных советских граждан.

Фашистские звери отобрали у нас всю одежду, белье, постели, кровати, деньги и даже детские вещи.

У 67-летнего старика Равино Ашировича Шамилова убили жену, сам он инвалид. На его руках осталось четверо сыновей: Юрик – 4 лет, Шура – 9 лет, Сема – 13 лет, и Яша – 16 лет. И несмотря на его мольбы и слезы оставить сиротам хотя по одной лишней рубашонке, немцы забрали все: одеяла, подушки, кровать, теплую одежду, белье, чашки, ложки, оставив семью в одних лохмотьях. Мало того, эти звери приходили каждую ночь к нему в дом, и, угрожая расстрелом, требовали деньги и другие ценности. Великое спасибо соседке, русской женщине Маковкиной Вере Кузьминичне, которая, рискуя собственной жизнью, отводила от нас этих громил, уверяя их, что в той комнате живут заразные больные.

У красноармейки З.Р. Шамиловой отобрали вместе с вещами последнюю буханку хлеба.

Применяя насилия и угрозы, немцы до нитки ограбили семьи: М.Т. Амировой, жены красноармейца, имеющей 6 детей, Н.Р. Давыдовой, Л.З. Ашурува, у которого 10 душ семьи, Т.Ш. Новаховой и многих других.

Таскать блоковые камни, чистить уборные, конюшни заставляли даже 10-летних детей и 80-летних стариков. Семе Шамилову и Савве Дигилову – по 13 лет. Когда они, после 14-часового дня, не смогли поднять огромный мешок со свеклой, немцы избили их плетками и рукоятками револьверов так, что больше месяца были видны кровавые следы побоев... На работу обычно выгоняли с 4 часов утра и не отпускали до 6-7 часов вечера. Многие не успевали захватить с собой даже куска черного хлеба...».

В письме приводились примеры бесчеловечного отношения оккупантов к мирным жителям горско-еврейской колонии. Так, красноармейка Цива Пинхасова перенесла тяжелую операцию, но немцы выгнали ее на работу, 16-летний Яша Шамилов чистил конюшни и когда решил хоть немного отдохнуть, был жестоко избит [3, с. 38, 40].

В середине ноября 1942 г. немцы приказали всем евреям собраться рано утром на следующий день у здания комендатуры. Здесь следует особо сказать о Маркеле Авигадуловиче Шабаеве. Этот мужественный человек в течение ночи обошел дома практически всех жителей общины, предупреждая их об опасности и уговаривая не выходить из дома (у здания комендатуры собралось несколько десятков семей европейских евреев и три семьи горских евреев; все они были расстреляны).

В конце ноября 1942 г. в Нальчик прибыл известный ученый-востоковед, эмигрировавший в свое время из СССР, Николай Николаевич Поппе. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1983 г. в Вашингтоне, он писал: «В ноябре меня пригласили в Нальчик, ... где возникла проблема с так называемыми горскими евреями. Эти люди были евреями по религии, но этническими иранцами. Немецкие оккупационные власти придерживались двух мнений. Эсэсовцы собирались уничтожить горских евреев согласно своему плану. Однако офицеры вермахта воспротивились этому плану и вызвали меня как авторитетного свидетеля и эксперта в их споре с СС».

Поппе посетил несколько домов в горско-еврейской колонии, изучая внутреннее убранство жилищ, бытовую утварь, пищу, одежду жителей

общины, беседовал со старейшинами и т.д. На основании увиденного и услышанного, ученый «составил меморандум о горских евреях, в котором указал, что даже законы Российской империи не рассматривали их как евреев, а считали их кавказскими горцами. Более того, – пишет далее Поппе, – их настоящее имя было таты, и научная литература указывала, что таты были людьми иранского происхождения, говорившими на иранском языке».

М. Шабаев, по предложению Поппе, устроил в своем доме (на ул. Малокабардинской) торжественный ужин, на который были приглашены офицеры СС и вермахта. Перед ними выступил танцевальный ансамбль, были исполнены национальные песни. По словам Поппе, немцы «согласились, что таты не были евреями». Один из присутствовавших, оберштурмбанфюрер СС Пестерер, заявил ученому: «Нас не интересует их забавная религия. Если они хотят исповедовать иудаизм, это их дело. Мы же против расовых евреев» (т.е. евреев по крови – Ю.М.) [12, с. 165-166].

Сотни жителей нальчикской горско-еврейской общины были спасены благодаря мужеству кабардинцев и балкарцев, которые рискуя своей жизнью, прятали в своих домах еврейские семьи, убеждая немцев, что они не евреи, а таты. Многие горские евреи все месяцы оккупации прожили среди своих кунаков в кабардинских селениях (среди них была и мать автора настоящей статьи) – Зарагиже, Псыгансу, Герменчике и других.

В начале 1942 г. в Лейпциге была издана книга известных немецких ученых Герхарда Тайха и Хайнца Рюбеля «Народы, этнические группы и племена на территории бывшего СССР», которая должна была служить своего рода руководством для оккупационных властей. В ней указывается, что в Советском Союзе проживает 162 этноса и этнические группы. В списке под № 161 значились «Горские евреи»; из сопроводительного текста становилось ясно, что под данным этнонимом авторы подразумевают не только собственно горских евреев, но также и грузинских евреев [13, с. 89]. По мнению авторов, горские евреи, являясь частью еврейского этноса, колонизировали Дагестан в середине VIII в. При этом они добавляют, что горские евреи проживают в особом квартале (гетто) г. Дербента, в г. Куба (Азербайджан), а также в некоторых районах Дагестана.

Как пишут Тайх и Рюбель, горские евреи занимаются торговлей, кожевенничеством и табаководством, исповедуют иудаизм, но в то же время поклоняются языческим богам. В антропологическом отношении, отмечают авторы, горские евреи представляют собой «смесь восточной нации с иными нациями (индийскими и внутриазиатскими)», и указывают, что на них оказали влияние и автохтонные кавказские народы.

В ноябре 1942 г. сотрудник министерства иностранных дел Германии Отто Браутигам обратился с письмом к руководству службы безопасности (СС) на Северном Кавказе (текст письма опубликован в его мемуарах, изданных в Мюнхене в 1972 г.) [10, с. 334]. Указывая, что горские евреи – это малочисленный и «безвредный» народ, Браутигам подчеркивает, что он против их тотального уничтожения. По его мнению, ликвидация горских евреев могла бы резко осложнить взаимоотношения немецкого командования с горскими

народами Кавказа, так как последние могли воспринять жестокость по отношению к горским евреям как стремление Германии уничтожить народы Кавказа.

Развивая свою мысль, Браутигам напоминает, что в XIX в. Россия воевала более 30 лет, прежде чем ей удалось покорить Кавказ, и поэтому просит руководство СС проявлять осторожность, чтобы завоевать доверие мусульманского населения Кавказа. В заключение автор письма делает вывод, что горские евреи – это кавказский народ, принявший иудаизм более 200 лет назад.

МВД Германии обратилось с вопросом об этнической принадлежности горских евреев к известному немецкому ученому, профессору-востоковеду Айлеру, который в своем письме в МВД (от 7 ноября 1942 г.) указал, что горские евреи (также как иранские и афганские евреи) не являются частью еврейского этноса. 7 января 1943 г. глава управления национальной политики НСДАП доктор Роберт Ветцель в письме в МИД Германии согласился с мнением Айлера.

В свою очередь, Герхард Тайх в своем послании к Роберту Ветцелю (от 27 января 1943 г.) возражает против утверждения Айлера о том, что горские и грузинские евреи являются не еврейскими субэтносами, а кавказскими народами. Ссылаясь на известные литературные источники, немецкий ученый пишет, что горские евреи знали Талмуд еще до своего прибытия на Кавказ. Это обстоятельство, как и некоторые другие (в частности то, что горские евреи преуспевают в торговле), привели Тайха к мысли, что горских евреев, при известной доле осторожности, можно считать еврейской этнолингвистической группой.

16 февраля 1943 г. профессор Венского университета Герхард Кейтель составил для Министерства иностранных дел краткую историческую справку о горских евреях. По его сведениям, они проживают в Дагестане, Баку, на Кубани и Тереке, говорят «на иранском языке с сильным турецким (тюркским. – Ю.М.) влиянием (татский язык)». Их обычай, занятия, материальная культура, антропологический тип и т.д., по утверждению профессора, схожи с окружающими их народами. По мнению Кейтеля, следует говорить об особом происхождении горских евреев; во всяком случае, он склонялся к мысли, что они не являются частью еврейского народа.

22 февраля 1943 г. Р. Ветцель обратился в МИД Германии с письмом, в котором отмечает, что в вопросе об этнической принадлежности горских евреев среди специалистов нет единого мнения. Хотя, как он пишет далее, в официальной советской науке, насколько ему известно, господствует мнение, что горские евреи – часть еврейского этноса, однако, по его мнению, этот «вопрос может быть разрешен только после детального исследования на месте». Чуть позже (24 мая 1943 г.) новый глава управления национальной политики НСДАП Гросс в своем письме в Министерство внутренних дел Германии резко критиковал точку зрения Г. Кейтеля; для подтверждения своих слов он цитирует основные положения статьи о горских евреях, опубликованной в книге Г. Тайха и Х. Рюбеля. 27 ноября 1943 г. МИД

Германии было принято окончательное решение о горских евреях; они были признаны «истинными евреями» [1, с. 117-127].

К счастью, когда немцы пришли к этому страшному выводу, Северный Кавказ был уже полностью очищен от фашистских оккупантов.

Трагедия горско-еврейского поселка Богдановка напоминает о страшной трагедии Хатыни, Бабьего Яра, Орадур-сюр-Глана. Накануне трагедии жителям объявили, что их будут эвакуировать с фронтовой полосы в тыл, и потому комендатурой было приказано горским евреям 25 сентября ровно в 4 часа утра собраться у здания школы для отправки и взять с собой все ценные вещи. Утром ничего не подозревавшие люди (а это были в основном старики, женщины и дети) собрались у здания школы, откуда их вывезли на окраину села, где они были расстреляны; тела были брошены в высохший колодец [8, с. 81-82].

В сентябре 1964 г. в Доме культуры станицы Курской Ставропольского края состоялось выездное заседание краевого суда, на котором разбиралось дело Федора Шифера, бывшего полицая, уроженца хутора Сунжа Курского района, принимавшего активное участие в расправе над мирными жителями с. Богдановка. На суде в качестве свидетеля выступила Алиса Призова. О подсудимом она сказала следующее: «Это он толкал меня в яму. Никогда не забуду его холеного лица. Его молили о пощаде, а он грубо вталкивал людей в машины, избивал, подтаскивал к колодцу» [7].

На глазах у Алисы расстреляли ее мать и маленьких братьев, а когда ее вывели из строя, она крикнула «Не убивайте меня! Я не еврейка, я кабардинка!». Полицаи бросились ее избивать, но ее сумела увести в сторону русская женщина (имя ее так и осталось неизвестным).

Вещи погибших разобрали полицаи. Выступавшие на суде свидетели рассказали, что Шифер в этот же день привез жене кровать, несколько одеял, перину, обрезы ткани, женское платье розового цвета. Свидетель Я. Вительман показал, что вскоре после расстрела мирных жителей, Шифер вернулся к школе, где разбирал документы убитых (по приговору суда Шифер был расстрелян).

Известный дагестанский писатель, офицер – фронтовик (впоследствии эмигрировавший в Израиль) Нисим Илишаев в книге «С Кавказа в Иерусалим» вспоминал: «Командир полка, освободившего Богдановку, горский еврей Барух Хизгилов приказал батальону, в котором я служил, найти преступников (т.е. полицаев, которые участвовали в расстреле. – Ю.М.). Предполагалось, что некоторые из них не успели сбежать с отступающими нацистами.

На поимку преступников была снаряжена группа солдат и офицеров из нашего батальона, людей, хорошо знакомых с местностью. Были собраны имена и фотографии этих чудовищ в человеческом облики. Всех пятнадцати. Их имена и лица на долгие годы остались высечены в моем сердце и памяти» [4, с. 76].

Особенно жестоко расправлялись фашисты и их пособники с семьями фронтовиков – так, оккупанты расстреляли жену и шестерых детей Чахбера Давыдова (погибшего под Сталинградом), жену, четырех детей и престарелую

мать Дэдува Матаева (пропал без вести при освобождении Минска), больную жену, четырех малолетних детей и маму – инвалида Исая Яшагияева (погиб при форсировании Днепра); потеряли своих близких фронтовики Захар Абрамов, Хати Абрамов, Амел Матаев, Хазине Матаев, Илья Бельхияев, Исроил Новахов, Хашом Ашуров, Аркадий Мурзаханов, Илья Мурзаханов и многие другие.

Вот скорбный список погибших: Амирамовы – 2 семьи, 5 душ; Абрамовы – 3 семьи, 11 душ; Ашуровы – 2 семьи, 8 душ; Бельхияевы – 1 семья, 7 душ; Гарелики – 3 семьи, 19 душ; Давидовы – 4, семьи, 23 души; Дарма – 6 душ; Кишеевы – 5 семей; Инотаевы (братьев и сестер и их семей моего отца) – 3 семьи, 21 душа; Ифраимовы – 1 семья, 2 души; Исаковы – 2 семьи, 7 душ; Ильдаровы – 2 семьи, 17 душ; Израевы – 5 семей, 25 душ; Кроник – 1 семья, 6 душ; Кишеевы – 5 семей, 28 душ; Матаевы – 18 семей, 113 душ; Мурзахановы – 1 семья, 2 души; Новаховы – 3 семьи, 15 душ; Назаровы – 2 семьи, 9 душ; Пинхасовы – 8 семей, 44 души; Призовы – 5 семей, 19 душ; Рабаевы – 3 семьи, 10 душ; Фельдманы – 2 семьи, 7 душ; Шауловы – 3 семьи, 8 душ; Шамилевы – 9 семей, 35 душ; Яшагияевы – 2 семьи, 10 душ.

Были расстреляны еще несколько семей числом в 16 душ, но их фамилии не удалось установить.

24 июля 1943 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям был составлен Акт «О злодеянии немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». В нем констатируется, что детей «отравили путем смазывания губ неизвестной жидкостью», после чего их сбрасывали в колодезь [5].

В период второй мировой войны нацисты истребили на территории Германии и оккупированных стран Европы шесть миллионов евреев и уничтожили тысячи еврейских общин. Известный израильский писатель, лауреат Нобелевской премии Эли Визель справедливо отмечал: «Не все жертвы нацизма были евреями, но все евреи были жертвами нацизма» [2, с. 163]. Геноцид советских евреев не обошел и горско-еврейские общины; к счастью, немцам не удалось захватить Грозный, Махачкалу, Дербент, Баку, ряд поселений на территории Дагестана, где в общей сложности проживали десятки тысяч горских евреев.

В рядах Советской Армии, спасшей еврейские общины от тотального уничтожения, воевали и горские евреи, награжденные за свои подвиги многочисленными боевыми наградами (более 2700 из них не явились с полей сражений); двое из них – нальчанин Исая Иллазарович Иллазаров и уроженец Дербента Шетииль Семенович Абрамов – были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтишулер М.* Евреи Восточного Кавказа. – Иерусалим: Ben Zvi Institute, 1990. – 665 с. (на яз. иврит).

2. *Арад И.* Холокост: Катастрофа европейского еврейства (1933-1945). – Иерусалим: Яд ва-Шем, 1990. – 165 с.
3. Зверства немецких оккупантов в Кабарде / Отв. ред. К.Х. Цавкилов. – Нальчик: Госиздат КАССР, 1945. – 89 с.
4. *Илишаев Н.* С Кавказа в Иерусалим. – Тель-Авив, 1981. – 156 с.
5. Личный архив автора (Акт был опубликован в газете «Сталинец» – органе Курского районного комитета ВКП (б) и Курского райсовета депутатов трудящихся).
6. *Полян П.М.* Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 583 с.
7. *Прозорова Л.* Именем замученных // Кавказская здравница. Пятигорск. – 1964. – 12 сентября. – С. 3.
8. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / Сост. В.А. Водолажская, М.И. Кривнева, Н.И. Мельник. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. – 175 с.
9. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Сборник документов и материалов / Отв. ред. Ицхак Арад. – Иерусалим: Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, 1991. – 424 с.
10. *Brautigam O.* So hat es sich zugetragen: ein Leben als Soldat und Diplomat. – Würzburg: Holzner Verlag, 1968. – 724 s.
11. *Feferman K.* Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? // Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – № 1 (21). – P. 96-114.
12. *Poppe N.* Reminiscences / Edited by Henri G. Schwarz. – Washington: Western, 1983. – 331 p.
13. *Teich G., Rubel H.* Volker, Volksgruppen und Volksstämme auf dem ehemaligen Gebiet der Ud SSSR: Geschichte, Verbreitung, Rasse, Bekenntnis. – Leipzig: Schwarzhaupter, 1942. – 92 s.

УДК 940.53 (470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-120-127

ХОЛОКОСТ И ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ

Ю.И. МУРЗАХАНОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: murzahanovirii@mail.ru*

Аннотация. В фашистской Германии перед вторжением в СССР серьезно изучали проблему происхождения горских евреев. В тех населенных пунктах, где горские евреи – группами или отдельными семьями – жили вместе с европейскими евреями, нацисты не проводили между ними различия – горских евреев расстреливали вместе с ашкеназами. Но на Кавказе были населенные пункты, где горские евреи жили изолированно, отдельными кварталами, существовали также отдельные горско-еврейские аулы. Благодаря тому, что Красная армия остановила наступление немцев на Северном Кавказе, Холокост коснулся только небольшой части горских евреев.

Ключевые слова: Холокост; горские евреи; оккупация; Нальчик; Богдановка.

THE HOLOCAUST AND THE MOUNTAIN JEWISH COMMUNITIES**YU.I. MURZAKHANOV***Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov**360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173**E-mail: murzahanovuirii@mail.ru*

Abstract. In Nazi Germany before the invasion of the Soviet Union they seriously studied the problem of the origin of the Mountain Jews. In those localities where Mountain Jews – groups or individual families – lived together with the European Jews, the Nazis did not make any difference between them – the Mountain Jews were shot along with the Ashkenazim. But in the Caucasus there were localities where Mountain Jews lived in isolation, in separate blocks, and also there were separate Mountain Jewish villages (auls). Due to the fact, that the Red army stopped the German offensive in the North Caucasus, the Holocaust affected only a small part of the Mountain Jew population.

Key words: the Holocaust; mountain Jews; occupation; Nalchik; Bogdanovka.

ЭЛИСТАНЖОЙ: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ

Л.М. Гарсаев
А.М. Гарасаев
М.М. Гарсаева
Л.Х. Ахматханова

Данная работа посвящена актуальной теме – генеалогии чеченского народа, которая складывается из генеалогии фамильно-родственных и социально-территориальных единиц, образующих историческую и современную Чечню. Актуальность данного исследования вызвана современным состоянием гуманитарной науки в Чеченской Республике: необходимостью восстановления научной инфраструктуры и научных направлений, к числу которых относится генеалогия чеченского народа. Изучение истории своего народа, тайпа, фамилии, семьи, села – долг каждого из нас перед памятью наших предков. У чеченцев принято обязательно знать свою родословную и имена предков до седьмого колена, т.к. по этим критериям судят о достоинстве и чести чеченца. Как отмечал Ахмат-Хаджи Кадыров: «Патриотизм начинается со своей семьи, а стремление к справедливости всегда отличало чеченцев. Каждый чеченец должен знать историю и культуру своей страны и региона, селения и тайпа...».

В настоящее время стало возможным и поощряемым обращение народа к своим корням, освещение истории, этнографии не только чеченцев, но и всех этносов, проживающих в Чеченской Республике. Изучение, обобщение и анализ всего корпуса источников, связанных с восстановлением подлинной картины формирования конкретного тайпа или этноса, является весьма актуальным.

Элистанжой и Элистанжи: местоположение и пространство жизнедеятельности

Предметом исследования избрано общество *Элистанжой*, обладающее вполне определенной этнической спецификой и хорошо доступное для этнографического изучения по данным, сообщенным ныне живущими представителями старшего поколения. В данной работе нами сделана попытка воссоединить накопленные данные истории, археологии, этнографии, лингвистики, фольклора и полевого материала для реконструкции истории формирования общества Элистанжой.

На юго-востоке Чечни, исторической Ичкерии, в современном Веденском районе, у подножья Элистанжойн лам (Элистанжинцев гора), на плато, окруженными буковыми лесистыми горами, на левом берегу реки Элистанжинки между реками Ахк и Аржи-Ахк (Черная речка), к западу от районного центра Ведено лежит древнее село Элистанжи. Это место еще называется *Элистанжойн Мохк* (Элистанжинская земля). В чеченской традиции территория тайпа и тукхума имели обозначение не только мохк

(земля), а также чож (ущелье). Для сравнения: объединения такого рода у горцев Восточной Грузии имели обозначение (хеви, хеоба) – ущелье.

Хотя в исторической науке существует мнение, что чеченцы стали поселяться на равнине в XVI веке, а по берегам Терека где-то в начале XVIII века, можно предположить, что выселение их на плоскость происходило после каждого ухода кочевников-завоевателей из предгорий Кавказа.

Элистанжинцы рано начинают освоение и плоскости Чечни вплоть до Терека. Потомки Элсана последовательно заселяли равнину до самых Алдов, собственно образовав такие поселения, как Хаттуни, Тевзана, Нижние Агишты, а также Устрада-эвл (Аргун) и Шали – с другими первопроходцами из Чечни. Имена всех потомков Элсана, ушедших из общества Элистанжи и основавшие некоторые новые поселения, к сожалению, нам пока неизвестны. Исследовательская работа в этом направлении продолжается.

Данные о положении перед Кавказской войной говорят нам о расселении чеченцев вплоть до реки Кума и в прибрежьях Каспия. «Даже генерал Ермолов в своих воспоминаниях подтверждает это тем, что прогнал чеченцев из Прикумья и Прикаспия в самом начале своего прибытия в Чечню. И отнял у них около миллиона мелкого рогатого скота» [1, с. 14].

По преданиям, зафиксированным краеведом А.С. Сулеймановым, историческая территория общества Элистанжи простиралась на юг до Саьрбала, на востоке – до реки Хул-хул, на западе – до реки Басс, захватывая ее левый берег, на Севере выходила на предгорную равнину до Бухан-юрт (Черноречье) [17, с. 262]. Таким образом, Элистанжинская земля была не только обширной, но и удобной для ведения земледелия, скотоводства, садоводства и других полезных занятий, чем элистанжинцы очень активно и занимались. Земли элистанжинцев делились на общественные (леса, пастбища, мечетские земли – вакуф) и частные (пахотные). Прирост населения приводил к частым вырубкам лесных полян под сев зерна (ирзие), к закладкам хуторов и поселений. Таким образом, до выселения чеченцев в 1944 г. вокруг с. Элистанжи было более 70 хуторов, возникших в XIX в. в период Кавказской войны. Не желавшие оставлять свои родовые очаги и земли горцы уходили в лесные чащобы и тайно от царских властей закладывали хутора.

Имя

Элистанжи – исторический центр элистанжинского тайпа. Общим для нескольких вариантов происхождения названия Элистанжи, является термин *эла* (князь). Считается, что легендарным родоначальником элистанжинцев является Орс-Эла. На вершине *Элан-жаран-Корта* (княжеского креста вершина) - на юге Элистанжоя стоял большой деревянный крест, воздвигнутый этим человеком. Согласно одной из легенд в этой местности объединенное войск Элистанжинцев и Садоевцев нанесло поражение сыну Чингис-хана Менгу [10, с. 176].

Но есть еще иной вариант легенды, связанный с названием некогда монотайпового села. Считается, что название Элистанжи произошло в

результате трансформации имени Элсан: Элсан – Элсанчу – Элстанча – Элстанжа (по – русски Элистанжи). По преданию, эпоним элистанжинцев Элсан – выходец из древнего Нашха, который со своим младшим братом Дишни поселились на плоскостях, разделенных невысоким хребтом – Шулук. Дишни поселился на побережье Хул-хулау, а Элсан – на побережье реки Аржи-ахк (Черная речка) в урочище Билта.

Бытует также и другая версия происхождения названия Элистанжи – от калмыцкого Элиста/Элесун (пески). Это мнение профессора И. Ю. Алироева и других авторитетных ученых республики [2, с. 70]. Но такого, по нашему мнению, не может быть вовсе, так как здесь очень зеленая зона. Абсурдно называть песками прекрасный зеленый ландшафт.

Но следует отметить, что Элистанжинское плато с XVI века было занято калмыками. По некоторым данным там находилась ставка Аюк-хана (1642-1724), калмыцкого хана с 1672 г. [13, с. 36] В одной из чеченских легенд «Об изгнании калмыков из Чечни» говорится о том, что калмыки, пришедшие на Северный Кавказ в XVI в., заняли почти всю чеченскую равнину, оттеснив ногайцев. Ставка известного калмыцкого Аюк-хана находилась в современном чеченском селе Элистанжи. В середине XVIII в. чеченцы решили избавиться от калмыков, но, рассчитав свои силы и убедившись в невозможности победить их в бою, пошли на то, что выдали за калмыцкого хана самую красивую девушку, чтобы Аюк-хан со своим кочевым народом ушел в Астраханские степи. Кстати, в конце XVIII века побывавший в Астрахани польский путешественник профессор Потоцкий встречал эту уже пожилую чеченку-калмыцкую княжну будучи в Астрахани. Аюк-хан присягнул на подданство России. Впоследствии его войска использовались при подавлении Астраханского и Булавинского восстаний, а также в Северной войне.

Генеалогия Элистанжи по данным науки и представлениям элистанжинцев

Общепризнано, что Элистанжой – исторически самоуправляемое крупное общество Чечни, которое в древности локализовалось на горе *Элистанжойн Лам (Элистанжинцев гора)*, в местечках *Билта и Эласичо*. Согласно преданиям, сюда они пришли из т.н. прародины, именуемой колыбелью нахов Нашха (район Галайчожа) из местечка Хилах, а по другой версии – из Тийста [6, с. 110-117; 7, с. 79-80; 8, с. 86-95; 9, с. 111-127; 10, с. 162-188; 11, с. 102-111]. В ауле Тийста имеются три полуразрушенные башни, одна из них принадлежала предку Цонтаройцев, вторая была родовым гнездом Дишнинцев, кровных братьев Элистанжинцев. Старожилы называют башни этими именами.

Этнограф И.М. Саидов в своей работе «Мехк кхел (Совет страны)...» пишет, что по преданиям, все ичкерийские тайпы: Бенойцы, Белгатовцы, Дишни, Цонтаройцы, Эрсенойцы, Элистанжинцы и др., от которых произошли и некоторые другие тайпы, являются потомками «родных братьев». «Братство» это, согласно преданиям, зафиксированным и российскими исследователями

досоветского периода, было закреплено ещё в Нашхе в период нахождения там общенахского Совета старейшин страны (Мехк Кхел) [16, с. 200.].

Это подтверждают сами нашхоевцы, а также исследователь Ив. Попов, который пишет, что наибство это (Введенское – Л.Г.) заселяют восемь фамилий (тайпанаш), а именно: Харачоевская, Дишни-Веденская, Эрсеновская, Эхишбатоевская, Гуноевская, Элистанжинская, Чермоевская и Чаберлоевская. Правом превосходства из них по древности рода и правдивости убеждений (с точки зрения ичкеринцев, конечно), пользуются элистанжинцы, дишни-веденцы и эрсеновцы. Далее он отмечает, что два брата, *Элсан* – старший, и *Дишни* – младший, в незапамятные времена были первыми выходцами в Ичкерию, по левую сторону реки Гудермес, из аула Нашахэ (правильно Нашха – Л.Г.) Аргунского округа; они поселились – первый у подошвы горы, при поляне, получившей впоследствии название своё от собственного имени обывателя на ней, Элсана (Элсан-чу, измененное потом в Элистанджи, правильно – Элистанжи – Л.Г.). На этом месте был аул Элистанджи, но в 1865 г. по распоряжению начальства он перенесен в Надтеречное наибство Чеченского округа, как «беспокойный по образу мыслей»; второй – на Вэдэна-равнина (Ведено – Л.Г.). Имея семейства, братья жили дружно и искренне любя друг друга [15, с. 7].

По мнению Ив. Попова, нынешние (1869 г.) элистанжинцы считают себя в 11-м поколении, производя свой род от Элсана. Нисходящая линия идёт в таком порядке: Элсан имел сына Мовка, Мовк – Уока, Уока – Урузбия, Урузбий – Эрсимирзу, Эрсимирза – Исса, Исса – Муссу, Мусса – Бетьша, Бетьш – Даа, Даа – Саада, а это – Есу еще и в настоящее время живого старика. Эта запись им сделана в 1869 г. в крепости Ведено [15, с. 14].

Обществу Элистанжой, представлено четырьмя родовыми селениями, расположенными между реками Басс и Хул-хул: *Элистанжи*, *Хаттуни*, *Тевзана*, *Агишты*. Указанные села основаны элистанжинцами в процессе демографического роста населения. В настоящее время в этих селениях кроме основателей-элистанжинцев проживают в дружбе и согласии представители более 20 тайпов, относящиеся к разным тукхумам и вирдам. Среди них присутствует и очеченившийся инонациональный элемент как татары (*чеч. гезалой*), андийцы (*чеч. андой*), даргинцы (*чеч. цадахарой*), *мелардой*, *шолардой*, *тандой* (аварский элемент), черкесы (*чеч. черкаси*), являющимися, *подчеркиваем*, такими же чеченцами, как все остальные [6, с. 110-117; 7, с. 79-80; 8, с. 86-95; 9, с. 111-127; 10, с. 162-188; 11, с. 102-111].

Элистанжинцы исторически находятся в более выгодном положении, чем многие другие чеченские тайпы. Они испокон веков преимущественно живут в своем родовом селе Элистанжи у подножия своей тайповой горы Элистанжойн Лам, которая указывает на древность возникновения Элистанжи, и по соседству со своими родовыми селами, расположенными на территории Элистанжойн Мохк (Земля Элистанжинцев). Сомнений в коренном их происхождении нет. Так происходит и с некоторыми другими тайпами – Беной, Эрсаной, Цонтарой, Дишни и т.д. Также говорят о том, что на юге Элистанжи жили Садой и Пешхой,

которые были вытеснены сильным племенем, имя которому было Орс-эла, - пишет этнограф А.С. Сулейманов [17, с. 261].

Потомки элистанжинцев разделяются на следующие некие (ответвления): в Элистанжи – *Ашни, Биги, Арсан*, в Тевзана – *Гири, Музи, Эльти, Дарси, Бахад, Манкар, Мустан, Джаватхан*, в Хаттуни – *Ашни, Мовси*. Эти названия означают собственные имена. Обозначение ветвей тайпа в других населенных пунктах, где компактно проживают элистанжинцы (Новые Алды, Черноречье, Гойты, Макане, Дойкур-эвл и др.), не практикуется.

Элистанжи – центр экономической и духовной жизни Элистанжоя

В прошлом Элистанжи считался экономическим, духовным, ремесленным, торговым и политическим центром общества Элистанжой, которое не имело зависимых сословий и располагалось «в междуречье рр. Басс и Хулхулау, на западе водораздельный хребет отделял элистанжинцев от Саьрбала и Нижалоя, на севере находилось общество Эгишбатой, на востоке граница шла с обществом Дишни-Ведено, а южную границу замыкали земли общество Чермой» [5, с. 46.].

Об экономической роли Элистанжи в регионе свидетельствует тот факт, что еженедельно в селе организовывался базар, куда съезжались жители из многих окрестных сел и более далеких мест. Здесь можно было приобрести товары кустарного производства и сельскохозяйственную продукцию. Элистанжинский базар, как вспоминали старожилы, по значимости в регионе уступал только Андийскому. Базар для элистанжинцев, как и для всех горцев, был важным местом не только для торговли, но и общественной жизни.

Жители Элистанжи успешно занимались выращиванием зерновых, картофелеводством, садоводством, пчеловодством, разведением крупного и мелкого рогатого скота, находившим реализацию в Нохчмохке и в других местах. Некоторые Элистанжинцы имели отары овец (до 1-2 тысяч голов). Для их обслуживания нанимали пастухов из Дагестана. Элистанжи являлся в регионе одним из центров ремесла. Женщины Элистанжи славились своими вышивками из золотых и серебряных нитей, ковроткачеством, изготовлением одежды и т.д. Кроме того, элистанжинцы были известны ювелирным искусством, мастерством по изготовлению инструментов, сельскохозяйственных орудий и средств транспортировки. Было развито оружейное и косторезное дело.

На рубеже XIX-XX вв. в Элистанжи функционировало немало мелких предприятий мануфактур и мастерских, заводы по обжигу красного кирпича и черепицы. В селе имелись свои пилорамы, кузни, мельницы, которые функционировали вплоть до 70-80-х гг. XX в. В Элистанжи были магазины, куда доставлялись товары не только из крупных городов России, но и из зарубежья. В селе проживали купцы, в их числе известный купец II гильдии, Эдисолта Битимиров, имевший свои магазины в Элистанжи, Ведено, Шали, Хасавюрте, Тбилиси. За товарами купец выезжал в Закавказье, центральные

губернии Российской империи, даже и в Европу – рассказывали старожилы. Свой магазин по продаже смешанных товаров имели Гарсаевы. В селе имелись и двухэтажные каменные дома, покрытые черепицей, принадлежавшие роду Газиевых.

В начале XX в. Элистанжи был достаточно крупным и современным для своего времени населенным пунктом с ровными улицами, медресе. Интересно отметить, что уже при советской власти здесь была построена Джума-мечеть, причем по инициативе председателем сельсовета Газиева Абдулкъадыра, который вложил львиную долю средств, пошедших на ее строительство вместе с братом Муси (тогда слушатель Всесоюзного Коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина в Москве). Хотя Муси и предрекал этому проекту короткую жизнь: в мечети будет советский клуб, – говорил он. Так и случилось.

Традиционно же мечеть была одновременно местом обучения грамоте богословию и восточным наукам. Учащиеся получали элементарные сведения из естественных наук – географии, астрономии, математики, логики, правоведения, знакомили их с философией и т.д. Тут же нужно добавить, что языком обучения в медресе наравне с арабским был и чеченский. Наиболее одаренные и целеустремленные проходили полные курсы обучения, отсеивались автоматически. Здесь методы обучения были едины как по всей Чечне и Дагестану. П.К. Услар отмечал: «если об образовании народа судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то... горцы в этом отношении опередили даже многие европейские нации. Учение было доступно каждому горскому мальчику» [18, с.3].

Элистанжи считался одним из ведущих религиозных центров региона. Одно из самых известных в регионе Элистанжинское медресе привлекало для учебного процесса лучших арабоязычных преподавателей Чечни и Дагестана. Как отмечают многие авторы, Дагестан снабжал весь Восточный Кавказ знатоками арабского языка, чтецами, муллами, кадиями. Эта гряда голых скал была едва ли не самым грамотным местом на Кавказе. В редкой уважающей себя семье не учили детей, по крайней мере, мальчиков, читать по-арабски [18, с. 3].

В числе этих педагогов был кадий села и единственный в Элистанжи (где все жители – кадирийцы) последователь вирда известного Шейха Сугаип-муллы из Шали богослов Дата-мулла. Это был ученый-арабист, автор ряда работ по философии и логике, знаток медицины и астрономии, священнослужитель, широко известный в Чечне. Элистанжинцы часто произносили и произносят клятву: «Датас а, Элимирзас а дешначу Къорланор» (Клянусь Кораном, прочитанным Дата-муллой и Элимирза-муллой!).

О значении религии в мировоззрении и образе жизни жителей села Элистанжи свидетельствует почитание ими многих священнослужителей в качестве святых шейхов, прославленных алимов, их достойных преемников-мулл и молодых священнослужителей. С большим почетом принимали элистанжинцы Устаз Кунта-Хаджи и близких к нему людей, а также потомков мухаджиров, оказавшихся в Иордании и Турции в XIX – нач. XX вв.

Страницы истории Элистанжи в преданиях и памяти элистанжинцев

Территория, населенная элистанжинцами в археологическом отношении, изучена лишь частично. Наиболее значительны результаты археологических раскопок, проведенных М.Х. Багаевым и Х.М. Мамаевым у села Элистанжи в 1972 году и продолженных в 1979 году. Раскопочные материалы из Элистанжинского раннесредневекового каменно-ящичного могильника показали этническую принадлежность населения, оставившего памятник, также даются обоснования датировки и подробное описание встреченного здесь инвентаря [4, с. 76].

Если верить фольклорным данным и бытующим до сих пор преданиям, современное село Элистанжи берет свое начало с XI века, т.е. примерно 1000 лет назад.

Согласно полевому материалу, в разные времена при определенных внутренних и внешних обстоятельствах, Элистанжи получал статус центра Чечни как и Белгатой, Беной, Центарой, Дарго. Это можно объяснить как размерами села (самого крупного в своем регионе), так и его духовным авторитетом.

В конце XVIII века имперская Россия предприняла попытку завоевания Чечни. Этому воспротивилось в 1785 году массовое народное движение в Чечне во главе с чеченцем Ушурмой из тайпа Элистанжой, впоследствии принявшим имя Шейха Мансура (араб. победоносный), под лозунгом объединения всех горцев – мусульман для защиты независимости. Тогда это движение в отличие от предыдущих восстаний чеченцев, впервые объединило народы Северного Кавказа. Как отмечают исследователи, за короткое время это движение охватило почти все регионы Северного Кавказа и часть Закавказья, Кумыкию, Дагестан, Кабарду, Черкесию (Адыгею), часть Азербайджана, а также Прикаспийскую часть (Мангышлак) Казахстана. В этом движении активное участие принимали, конечно, элистанжинцы, сородичи Имама, постоянно находившиеся с ним до его пленения, к тому же понесшие большие людские потери. Поэтому этот тайп в настоящее время является немногочисленным.

Восставшие во главе с Шейхом Мансуром взяли, ряд крепостей, разбили отряд полковника Пиери у села Алды. Далее Шейх Мансур с преданными ему горцами уходит за Кубань к черкесам. При взятии у турков крепости Анапы генералом Гудовичем его пленили и заключили в Петропавловскую крепость, где он погиб 13 апреля 1794 г.

В результате борьбы горцев под руководством Шейха Мансура был нанесен удар по привилегиям местных горских феодалов, быстрее пошла национальная консолидация чеченских обществ, укрепились традиции военной дружбы и братства народов Северного Кавказа [3, с. 404].

Согласно полевому материалу, в ходе Кавказской войны имам Шамиль хотел избрать Элистанжи столицей своего Имамата. За территорию села и

близлежащих земель он хотел заплатить его жителям два мешка серебра, но Элистанжинцы не согласились совершить эту сделку [14]. Тем не менее, с элистанжинцами и в дальнейшем Шамиль поддерживал тесные контакты. В коннице, бывшей основной ударной силой его войска, было немало всадников (дошлой) из Элистанжи. Перед дальними переходами Шамиль имел обыкновение поить коней из местного родника, находящегося вблизи Элистанжи. Недалеко отсюда также находился и в данное время находится лечебный источник *Хадарги-хи*, водой из которой лечились раненные воины Шамиля. Главной причиной его уважительного отношения к элистанжинцам был его наиб Тахир Элистанжинский, послуживший в Имамате очень короткое время. После его гибели, говорят, имам Шамиль сказал: «Я лишился крыльев».

Согласно местным преданиям, в 1747 году оно было полностью уничтожено сожжением после отказа старейшины села подчиниться воле одного из владетелей Чечни. В сражении с войском Кизлярским старейшина погиб. Второму полному уничтожению село подверглось в 1865 году за участие в вооруженном восстании против царского режима под руководством Тозы Акмурзаева Харачоевского (из хъаьжхан некъи), которого в массовом порядке поддержали Элистанжинцы [12]. Восстание было жестоко подавлено, а Тоza Акмурзаев, по рассказам старожил, укрылся у родственников своей жены в Элистанжи. За отказ выдать его аул очередной раз был сожжен царскими войсками, а жители были переселены на плоскость, в том числе в Притеречье Чечни.

Особое внимание заслуживает следующее предание, до сих пор бытующее среди старожил, и зафиксированное нами в ходе полевой работы.

Согласно ему, в 1874 году царь Александр II, объезжая окраины Юга России, посетил село Сержень-Юрт, где в честь его приезда были организованы торжества. На встречу с царем была направлена делегация во главе с Шабой Агатаевым. Цель делегации – передать царю прошение Элистанжинцев разрешить им вернуться на родную землю. В составе делегации был отличный танцор и статный красавец Бурсигов Солса, который виртуозно станцевал лезгинку и в финале танца встал перед царем на пальцы ног и простоял так до тех пор, пока его Величество не велел одарить Солсу червонцами. С достоинством уклонившись от даров, он попросил у царя разрешения заложить заново свой родовой аул Элистанжи на равнинных землях, на что было дано «Высочайшее согласие». По мнению информаторов, нынешнее село Элистанжи заново заложено в 1874 году на 3 км севернее от прежнего места его нахождения. Ровные и широкие улицы села были спроектированы приглашенным землеустроителем из Грозного. Таким Элистанжи выглядит и сегодня [14].

Село Элистанжи после депортации вайнахов в 1944 г. было заселено андийцами и аварцами из горного Дагестана и переименовано в Тандо. Тандо – село в соседнем Ботлихском районе Дагестана. В 1947 году данный населенный пункт был ликвидирован, а население было переселено в Элистанжи бывшего Веденского района ЧИАССР. После возвращения его жителей из ссылки ему было возвращено историческое название Элистанжи.

Как было отмечено, селение несколько раз уничтожалось дотла. Элистанжинцы изгонялись и переселялись к Тереку и на предгорную равнину. Особенно трагическим для элистанжинцев днем был 7 октября 1999 г. В этот день в результате бомбовых ударов федеральными ВВС РФ было ранено 65 и убито 33 мирных человека, в т.ч. героический участник боев за Малую Землю, полный Кавалер Орденов Славы Рамзан Аппазов, а также учитель местной школы Гехаев Адам Межедович, потомок наиба имама Шамиля легендарного Тахира и его четверо внучатых племянника. А из семьи Дудаевых погибло пять человек.

Элистанжи сегодня

В настоящее время Элистанжи является административным центром Элистанжинского сельского поселения Веденского района. Население села по данным 2010 г. составляло – 2570 чел. Ближайшие населённые пункты: на северо-востоке – сёла Верхатой, Ца-Ведено и Зелимхан-Юрт, на северо-западе – село Хаттуни, на юго-востоке – село Эшилхатой, на западе – села Тевзана и Махкеты.

В с. Элистанжи в настоящее время, кроме самих элистанжинцев, в мире и согласии проживают представители таких тайпов, как ригахой, харачой, хой, макажой (чеченский элемент); сакхкхой, гезалой, андий, туркой (инонациональный элемент).

В последнее время в селе произошли значительные перемены к лучшему. Заасфальтированы главные улицы села. Построены школа на 834 места, амбулатория. Открыт буквально за короткий срок детский сад им. Шемиль-Хаджи Магомаева. Осуществлен капитальный ремонт местной мечети. Впервые за всю историю села произведена его газификация, что позволяет сохранить ценные буковые леса и сделать более комфортным быт наших сельчан.

История Элистанжинского общества (Элстанжойн мохк/латта), одного из крупных Веденского района, богата и разнообразна и вбирает в себя всю сложную историю формирования и развития чеченского народа с древнейших времен до наших дней.

Как отмечают исследователи, этническая история представляет собой одну из самых сложных проблем. Ее решение зависит от степени заинтересованности ученых смежных наук – археологов, этнографов, антропологов, лингвистов, фольклористов и др.

Долгожданное и актуальное историко-этнографическое исследование общества Элистанжой в этой статье только намечено. Каждый из поднятых вопросов может быть отдельно углубленно рассмотрен. В статью не вошли многие сведения, характеризующие данное общество, к тому же могут быть и дискуссионные моменты. Думаем, исследователи этому уделят должное внимание в будущем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алироев И.Ю., Сайдуллаев М.М.* Чеченцы! Кто они? – М.: ООО АГЕНТ, 1999. – 168 с.
2. *Алироев И.Ю., Осмаев М.К.* История и культура вайнахов. – М.: Academia, 2003. – 384 с.
3. *Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века: Пособие для изучающих историю родного края. – М.: Мир дому твоему, 2001. – 424 с.
4. *Багаев М.Х.* Элистанжинский раннесредневековый могильник // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа: Сборник научных трудов / Чеч.-Инг. гос. ун-т им. Л.Н. Толстого; Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: ЧИГУ, 1979. – 181 с.
5. *Гапуров Ш.А., Умхаев Х.С.* Беной в истории и культуре чеченского народа. (Историко-этнографические очерки). – Грозный: АО Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. – 592 с.
6. *Гарсаев Л.М.* Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. (история, предания и наименования). – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2010. – 289 с.
7. *Гарсаев Л.М.* Элистанжи (Элистанжой) // Рефлексия (Назрань). – 2013. – № 1. – С. 79-80.
8. *Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М.* Этническое общество Элистанжой // Генеалогия народов Кавказа. Сборник статей. Вып. № 5. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013. – С. 86-95.
9. *Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М.* Этническое общество Элистанжой // Известия СОИГСИ – 2014. – № 12. – С. 111-127.
10. *Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С.* Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. – Саратов: Издательство «Наука», 2014. – 444 с.
11. *Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С.* Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX веков (история, предания, наименования). – Саратов: «Наука», 2009. – 250 с.
12. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Том. 1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века / Отв. ред. Ибрагимов Мовсур М. – Грозный: ООО «Книжное издательство». 2006. – 828 с.
13. *Осмаев М.К.* Чеченцы: Обычай, традиции, обряды. – М.: Парнас, 2015. – 214 с.
14. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района ЧР. 1995 г.
15. *Попов И.М.* Ичкерия. Историко-топографический очерк // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Ч. 1. – Тифлис: Типография Главного Управления наместника кавказского, 1870. – С. 1-23.
16. *Саидов И.М.* Мехк кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. – Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1968. – С. 199-206.
17. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечни. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1997. – 506 с.
18. *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Ч. 4. – Тифлис: Типография Главного Управления наместника кавказского, 1870. – С. 1-30.

**ЭЛИСТАНЖОЙ:
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ****Л.М. ГАРСАЕВ**

*Академия наук Чеченской Республики
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН
Чеченский государственный университет
364024, Чеченская Республика, г. Грозный, проспект им. М. Эсамбаева, 13
E-mail: garsaev52@mail.ru*

А.М. ГАРАСАЕВ

*Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
E-mail: a.garsy@mail.ru*

М.М. ГАРСАЕВА

*Чеченский государственный педагогический университет
364031, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33
E-mail: Lora086@mail.ru*

Л.Х. АХМАТХАНОВА

*Академия наук Чеченской Республики
364024, Чеченская Республика, г. Грозный, проспект им. М. Эсамбаева, 13
E-mail: Lora086@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья относится к серии «Тайпы в истории и культуре чеченского народа» и «Генеалогия чеченского народа» согласно проекту Главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова. Первый опыт состоялся в 2016 году, когда вышли в свет историко-этнографические очерки «Беной», привлёкшие большое внимание научной общественности. Данная статья посвящена историко-этнографическому описанию крупного в юго-восточной части Чечни этнического общества Элистанжой (Элистанжойн мохк), история которого насчитывает примерно 10 веков и написана преимущественно на основе полевого материала. Рассмотрены варианты версий, связанных с этимологией названия села Элистанжи. Согласно богатому полемому материалу и доступным письменным источникам установлено, что села Хаттуни, Тевзана, Агишты (нижние) основаны этническим обществом Элистанжой. В статье освещены тайповый состав родовых сел этнического общества элистанжой, а также ответвления (чеч. некъе и гары) тайпа элистанжой, кроме того, трагические страницы и роль известных людей с. Элистанжи. В исследовании некоторые моменты носят полемичный характер, содержат критико-этнографические справки, сопоставление альтернативных мнений и попытки решения дискуссионных положений и ситуаций.

Ключевые слова: Чечня; Элистанжи; тайп; Устаз Кунта-Хаджи; предания; ущелье.

**ELISTANZHOUY:
HISTORICAL AND ETHNOGRAPHICAL SKETCH**

L.M. GARSAEV

*Academy of Sciences of the Chechen Republic
Multipurpose Research Institute of Russian Academy of Sciences named after KH.I. Ibragimov
Chechen State University
364024, CHR, Grozny, M. Esambaev avenue, 13
E-mail: garsaev52@mail.ru*

A.M. GARSAEV

*The Institute of Asian and African Countries at Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
125009, Moscow, Mohovaya street, 11, building 1
E-mail: a.garsy@mail.ru*

M.M. GARSAEVA

*Chechen State Pedagogical University
364031, CHR, Grozny, Kievskaya street, 33
E-mail: Lora086@mail.ru*

L.KH. AKHMATKHANOVA

*Academy of Sciences of the Chechen Republic
364024, CHR, Grozny, M. Esambaev avenue, 13
E-mail: Lora086@mail.ru*

Abstract. This article refers to the series «The Taipes in the History and Culture of the Chechen People» and «The Genealogy of the Chechen People» according to the project of the Head of the Chechen Republic, Hero of Russia R.A. Kadyrov. The first experience took place in 2016, when the historical and ethnographic essays «Benoy» were published, attracting much attention of the scientific community. This article is devoted to the historical and ethnographic description of the ethnic society of Elistanzhoy (Elistanzhoyn Mokhk), large ethnic society in the southeastern part of Chechnya, whose history is about 10 centuries old and written mainly on the basis of field material. The variants of the versions connected with the etymology of the name of the village of Elistanzhi are considered. According to the rich field material and accessible written sources, it is established that the villages of Khattuni, Tevzana, Agishta (lower) are founded by the ethnic society of Elistanzhoy. The article describes the taip composition of the ancestral villages of the ethnic Elistanzhoy society, as well as the offshoots (Chech, Nekye, and Gary) of the Elistanzhoy taip, as well as tragic pages and the role of famous persons of Elistanzhi village. In the study, some points are polemical in nature, they contain critical-ethnographic references, a comparison of alternative opinions and attempts to resolve discussion points and situations.

Key words: Chechnya; Elistanzhi; taip; Ustaz Kunta-Haji; traditions; ravine.

КАРТИНА МИРА ЧЕРКЕССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XIX В.: МЕТОДОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

**А.А. Коновалов
З.Х. Кумахова**

Постановка проблемы

В современном научном мире стали обыденными явлениями исследования, написанные в междисциплинарном русле с использованием не только методов, являющихся характерными именно для данной науки, но и смежных, а иногда и далеких друг от друга дисциплин. В современной науке происходит обновление содержательного пространства, переосмысление научной проблематики, смещение фокуса исторических исследований. Историки значительно расширили предметно-методологическую область своих исследований, вышли за рамки изучения исключительно политических, идеологических и экономических процессов. Более того, на постнеклассическом этапе развития гуманитарного знания именно субъективность «обычного» человека, свидетеля и участника исторического процесса, вызывает наибольший интерес. Внимание теперь концентрируется не только на внешних сторонах деятельности людей прошлого. На первое место выходят ранее считавшимися несущественными категории: картина мира, повседневность, ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки.

Одним из направлений, по которым развиваются отмеченные тенденции стали гендерные исследования. В течение длительного времени историческая наука в центр своих интересов помещала мужчину, создавая «мужскую» историю, история женщин оставалась на периферии исследовательских интересов. Однако в последние десятилетия в науке возникают новые тенденции. Гендерная история, являясь одной из молодых и бурно формирующихся субдисциплин исторической науки, не просто актуализирует изучение «женской истории», она приближает к более полному видению социальной и культурной реальности прошлых обществ.

Эти тенденции нашли свое выражение и в исторической науке Северного Кавказа. В частности у историков, этнографов, культурологов пробудился интерес к переосмыслению места и роли женщины в традиционном обществе, изучению ее как субъекта социальной практики и – шире – как самостоятельного исторического субъекта. Труды, написанные о женщинах и об их месте в мире, перестали считаться редкостью. История женщин оказалась включенной в исторический канон [8, с. 220; 19, с. 205]. Появилось множество объединений и организаций, которые проводят конференции и семинары, посвященные данной проблематике.

Однако пока «женская история» в северокавказском гуманитарном знании делает первые шаги. На сегодняшний день остаются малоисследованными многие сюжеты, существуют пробелы в научном знании,

которые еще предстоит восполнить. В свете происходящих изменений стала явной недостаточность изучения только внешних характеристик жизни женщины в традиционном северокавказском обществе. Заявляет о себе необходимость исследования ее внутреннего мира, ее взгляда на окружающий мир и себя. Актуальной научной задачей теперь становится воссоздание целостного образа «женщины-горянки», включающего в себя как объективную, внешнюю реальность, так и ее субъективное отношение к этой реальности.

Настоящая статья посвящена рассмотрению проблем и путей решения обозначенных выше вопросов на примере изучения картины мира черкешенки XIX – начала XX вв. Реконструкция картины мира позволяет построить не просто отражение каких-либо внешних, явных структур прошлого, но «выявляет характерные для изучаемого человеческого сообщества совокупности образов, представления, ценности, которыми руководствовались в своем поведении члены той или иной социальной группы» [25]. Воспроизведение картины мира предстает перед нами как необходимый компонент исторического исследования. Такая реконструкция чрезвычайно продуктивна для изучения внутреннего мира черкешенки тем, что позволяет разрушить стереотипы, сложившиеся о ней, и воспринимать ее не только как объект действия социально-политических сил, но и как субъект смыслопорождения.

Методология исследования

Любой исследователь, описывая и интерпретируя исторические явления, так или иначе руководствуется актуальной для него системой ценностей, мировоззренческими установками и представлениями своей исторической эпохи. Чтобы проникнуть в жизненный мир людей прошлых эпох, аутентично выразить в исследовании их идеологические и духовные приоритеты, историку необходим особый метод исследования исторических и историографических источников, позволяющий перебросить мост в прошлое [7, с. 111].

Появившись относительно недавно, понятия «картина мира» и «ментальность» широко используются в научных кругах как методологическое средство, позволяющее проникнуть во внутренний мир людей прошлых эпох. Вслед за представителями школы Анналов, которые описали важнейшие элементы ментальности, мы полагаем продуктивным выделение основополагающих категорий картины мира черкешенки и структур повседневности, в которых она пребывала.

Однако представляется необходимым обозначить и более глубокий философско-мировоззренческий фундамент, на котором базируется понятие «ментальность». На наш взгляд таким фундаментом является историческая феноменология. Понятие «феноменология» появляется уже в XVIII-XIX в. в произведениях Канта, Гегеля, а затем и в естественных науках [9]. Как развитая философская система и метод анализа феноменология предстает в трудах Эдмунда Гуссерля, написанных в самом начале XX в. Вместо предметов, ценностей и целей, Э. Гуссерль рассматривает субъективный опыт, в котором

они «являются». Эти «явления», полагает философ, суть феномены, которые по своей природе должны быть «сознанием-о» их объектах, независимо от того, реальны ли сами объекты или нет. Таким образом, понять, что такое вещи, можно лишь через описание «феноменов», т.е. явлений, «которые предстают сознанию после осуществления «эпохе», т.е. после заключения в скобки наших философских воззрений и убеждений, связанных с нашей естественной установкой, которая навязывает нам веру в существование мира вещей» [20]. При этом мир не перестает существовать для познающего субъекта – он обретает существование для нас, но в качестве феномена сознания [5, с. 348].

Феноменологический подход отличается акцентуацией внимания исследователя на таких элементах, как интуиция, образ, метафора, рефлексия, фантазия и т.д. Эти элементы представляют собой явления глубинного, не всегда осознаваемого пласта психики, но с точки зрения феноменологии являются реалиями человеческого сознания и в качестве таковых входят в актуальный или «визуальный мир» человеческой культуры. Именно такие феномены, полагает О.В. Первушина, в большой степени характеризуют понятие «картина мира», которое является результатом не только рационального постижения мира, но и интуитивного предположения и предвидения, предчувствия и озарения, рефлексии и фантазии [22].

Феноменология, изучая каждое явление как отдельный феномен, дает нам возможность реконструировать картину мира черкесской женщины, то есть увидеть мир ее глазами. Внешние атрибуты жизни черкешенки, особенно такие важные, как семья, Бог, смерть и т.д., становятся для историка факторами ее внутреннего бытования. Исследователь изучает эти проявления ее повседневной жизни не сами по себе, его задача глубже: прояснить, что данные категории значили для самой черкесской женщины. Предмет его исследования – сама черкешенка как социокультурное и антропологическое явление.

Проблема источников

Одной из серьезных трудностей, с которой сталкиваются исследователи гендерной истории на Северном Кавказе, стало отсутствие, еще в относительно недавнем прошлом, письменности у народов, проживающих на данной территории. Исследователям женского мира Европы и России обширный материал предоставляет переписка или личные дневники. Тем, кто изучает кавказский материал, труднее. Письменность у северокавказских народов появилась только в XX веке. Поэтому в качестве источников личного характера исследователи могут использовать лишь материалы фольклора и вещественные источники. Дальнейшее изложение в основном опирается на фольклорные источники.

Важными источниками, несущими психологические установки и отпечаток эмоций черкешенки, являются народные песни и пословицы. Через изучение народных песен выявляются идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы наглядно иллюстрируют бытовые, повседневные ситуации.

Адыгский просветитель XIX века Адыль-Гирей Кешев утверждал, что из всех произведений народного творчества песня служит наиболее полным и верным выражением отличительных свойств народного характера. Вот почему при изучении бытовых особенностей какого-либо народа исследователи обращаются к песням как к одному из главнейших пособий, сохранившихся в его памяти. Песня, утверждал просветитель, приобретает значение исторического документа даже в таких странах, где письменные памятники сохранились с древнейших времен. Понятно, что она должна быть рядом «с изустными преданиями, единственным достоверным источником при исследовании прошлой жизни всякого народа, не имевшего никогда письменности, каковы, например, кавказские туземцы» [11, с. 326].

Конечно, далеко не всегда сюжет фольклорного произведения в точности воспроизводит реальные события, и не всегда содержащиеся в песне или преданиях оценки объективны и исходят из подлинного положения вещей. Но в любом случае в народном творчестве выражаются мировосприятие и интерпретация конкретных событий, свойственные огромной массе простых людей [1, с. 5].

Для выявления феноменов сознания черкешенки XIX – начала XX века весьма продуктивным источником являются пословицы. Пословица – это синтезированная, закодированная в специфическую форму и структуру информация, содержащая выводы и закономерности, касающиеся разнообразных сторон бытия; это, как отмечалось в литературе, мировоззрение, нравственная, этическая, наконец, эстетическая система, свойственная данной этнокультурной традиции [15, с. 5].

Следует подчеркнуть, что в кабардино-черкесском языке пословицы и поговорки говорят в основном о женщине вообще, но выделены и небольшие группы пословиц и поговорок, характеризующих жену, вдову, дочь, мать [30, с. 151].

К группе пословиц с положительной характеристикой можно отнести следующие: «Ныбжьэгъум ягъэпуда лыр фызыфым кыдехыж» (Престиж мужа, подорванный друзьями, восстанавливает жена), «Уи фыз ламэ, уи щыльэныкъуэ гуэхуащ» (Скончалась жена – не стало половины тебя), «Фыз зимыла щалэрэ шхуэ зыпщэ хэмьлы шырэ» (Мужчина без жены, что конь без уздечки) и т.д. [30, с. 152].

Весомость жанра пословицы, поговорки, как впрочем и других паремий, в культуре бесписьменного в прошлом народа несоизмеримо выше, нежели у народов, обладающих письменностью, ибо именно на эти лапидарные, емкие, обладающие мощным смысловым потенциалом формы ложится общая для всего фольклора функция коммуникации, трансформации культурной традиции [15, с. 5].

Исследование фольклорных источников позволяет выстроить картину мира черкешенки и выделить наиболее яркие категории ее мышления, феномены, формировавшие ее сознание. Воспоминания человека, прошедшие через его сознание, отражают его «видение» событий, не обязательно совпадающее с «видением» других людей или с реальностью. В то же время

субъективность может быть достоинством устных источников, предоставляя широкое поле для исследований в области формирования и трансформации исторического сознания, а также ментальности народа [31, с. 105].

Различные формы фольклора и категории сознания черкешенки развивались коэволюционно, взаимно влияли друг на друга. Фольклор как неотъемлемая часть жизни адыгского общества в серьезной степени формировал личность черкешенки с самого раннего возраста и на протяжении всей жизни. Черкешенка же в свою очередь оказывала воздействие на фольклор как посредством его применения в повседневной жизни, так и принимая участие в его формировании.

Черкешенка в социальном пространстве традиционного общества

Задача осмысления внутреннего мира черкешенки предполагает исследование прежде всего субъективных сторон ее бытования. Однако для ее решения историку все таки необходимо осветить мир объективный, то есть реалии и условия в которых она проживала. Необходимо представить себе кем была женщина для окружающего ее мира: полноценной личностью с мнением заслуживающем внимания, или приложением к мужу и детям. Такой сферой требующей пристального изучения является правовое и имущественное положение черкешенки в XIX веке.

Отсутствие у женщин прав основывалось на принципе, что юридически они не существуют отдельно от своих мужей/отцов. Замужняя женщина не могла возбудить дело против кого-либо, против нее не могли возбудить дело, она не имела права подписывать контракты, составлять завещания, зарабатывать себе на жизнь, осуществлять контроль над своей собственностью. По общему правилу женщины не могли быть свидетельницами. В тех случаях, когда их привлекали в качестве таковых, их показания должны были подтверждаться братьями или мужьями [28, с. 8].

По правовым нормам адата женщина являлась недееспособной и приравнивалась в этом отношении к несовершеннолетнему ребенку. Однако, это не значило, что с женщиной вовсе не считались. Целью опекунов над женщиной не было её так называемое «порабощение», муссировавшееся в советской историографии. Это было связано с особенностями социального устройства и общественной жизни горцев, находящихся в тот период в состоянии непрекращающихся войн, где женщина, как и ребенок – более слабые существа физически нуждались в защите и опеке, что нашло свое отражение в адате.

Как пишет Х.М. Думанов, «в дележе наследственного имущества участвовали только мужчины» [6, с. 90]. Это была общекавказская обычно-правовая норма. Предполагалось, что невестки должны довольствоваться своим приданым, мать же и дочери переходили на обеспечение отца, а чаще одного из братьев, которым в данном случае давалось что-нибудь из общесемейного имущества. Норма эта была настолько непреложна, что даже в отсутствии прямых наследников-мужчин женщины не наследовали. На всем Северном

Кавказе по адатам по пресечении мужского колена в одной из линий какой-либо фамилии недвижимое имущество, не переходя в женское колено, возвращалось в мужское поколение другой линии [6, с. 90]. Но во второй половине XIX в. этого правила придерживались только в тех случаях, где было нежелательно дробление земли.

Что касается личных прав женщины, то у исследователей складывается впечатление, что «жена подчинена мужу, как своему законному господину. Она должна работать на него, сносить безропотно наказания и во всем своем поведении оказывать ему раболепное уважение холопа к вольному» [16, с. 240]. Такое положение вещей Ф.И. Леонтович объясняет обычаем выплаты калыма за жену: «Так как жена приобретается покупкой, а потому она есть, так сказать, раба мужа и во всем должна повиноваться, быть покорной ему, как своему господину, и быть верной ему до смерти» [16, с. 240]. Однако выплату калыма за невесту и покупку раба не следует отождествлять. Адаты и нормы мусульманского права трактовали калым по-разному: адаты – как выкуп родителям невесты, шариат – как дар самой жене.

Таким образом, выплата калыма не давала права мужу относиться к жене как к рабе. Более того, судя по адатам «муж ни в коем случае не может своей жены ни продать, ни лишить жизни, даже в том случае, если она окажет неверность», «каждый муж считает для себя высшим оскорблением слышать дурной отзыв о своей жене. Скорее он перенесет наносимую брань его отцу и матери и даже самому себе, чем дозволит оскорбить свою жену» [16, с. 240]. Хотя у народов Кавказа считалось постыдным поднять руку на женщину, серьезные поступки составляли исключение из этого правила. По обычному праву адыгов, кумыков и многих других народов Северного Кавказа, за нарушение супружеской верности мужу не возбранялось убить или покалечить свою жену, хотя возможность мести со стороны родственников жены делала такие поступки нечастыми [16, с. 240].

Существовало несколько точек зрения на правовое и имущественное положение черкесской женщины XIX – начала XX в. в традиционном патриархальном обществе. Первая точка зрения получила распространение в рамках марксистской идеологии, проповедовавшей активную эмансипацию женщин и заключала в себе утверждение о том, что кавказские женщины находились в угнетенном почти рабском положении, и подтверждали свои выводы примерами «купли/продажи» женщины, имея в виду распространенный на Кавказе калым.

Но современные исследователи придерживаются несколько иной точки зрения. Они полагают, что женщины Кавказа и в особой степени черкешенки не находились в столь приниженном положении. Главный аргумент исследователей калым они не склонны рассматривать в унижающей женскую половину ключе. Размеры калыма, и он сам по себе, по их мнению, являются доказательством заботы о женщине и о ее будущем в новой семье, семье ее мужа. Ведь калым призван был в первую очередь показать насколько высоко оценивается эта девушка и как непросто ее добиться.

Все описания быта адыгов первой половины XIX в. подчеркивали отличие положения черкешенки от положения восточной женщины. «Женщины у черкесов не так ограничены, как у других азиатов» – сообщал Г.-Ю. Клапрот [12, с. 265]. По словам И.Ф. Бларамберга, «у черкесов женщины не находятся в таком заточении как у других азиатских народов» [4, с. 361]. К. Кох утверждал, что «Женщины у черкесов не отделены так от мужчин, как это принято на Востоке, и они принимают участие во всех празднествах и прочих увеселениях» [13, с. 59]. Лишь во второй половине XIX в. в Кабарде положение стало меняться под влиянием активной деятельности мусульманского духовенства. Так, народный кадий Нальчикского округа провел на сходе крестьянских представителей постановление о «воспрещении всем от 10-летнего возраста женщинам появляться на улицах, а также на танцах с обнаженными головами, т.е. без платков, а также воспрещении девушкам во время танца брать мужчин за ладонь рук» [23, с. 102].

Женская половина дома была также недоступна мужчинам, как мужская женщинам, выйти на улицу с наступлением темноты можно было только с разрешения старших и в сопровождении кого-нибудь из родственников, не поощрялось и совместное пребывание мужчин и женщин. Покрывала в крестьянском быту были не в ходу, но под влиянием шариата женщина при старших или при посторонних мужчинах теперь чаще прикрывала концом головного убора нижнюю часть лица.

Социально-политическая активность предполагает представительство во властных органах, принятие обязательных для других решений, признание обществом формального авторитета тех, кто обладает способностью доступа к институтам политического доминирования. В подавляющем большинстве культур женщины с давних пор были отстранены от всех публичных властных структур, включающих социально-политическую, правовую и экономическую сферы деятельности. Но бесспорно влияние женщин на действия и решения мужчин, занимающих доминирующие позиции в патриархальном обществе. Женщины могли усилить позиции семьи, устраивая политически или экономически выгодные браки, способны были психологически воздействовать на принятие решений близкими им мужчинами, могли влиять на происходящие события и судьбы отдельных людей, оказывая им покровительство. Это неформальное, иногда скрытое влияние играет значительную роль в социально-политической истории, и некоторые примеры подтверждают важность гендерного фактора в изучении вопросов, с одной стороны, обладания легитимной публичной властью и, с другой стороны – способностью воздействовать на внешние обстоятельства политического характера из частной, домашней сферы. Бытование на Кавказе обычаев почитания женщин стало общим местом в этнографической литературе: «Они пользуются важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа; мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» [4, с. 385].

«Чужеземец, становящийся под покровительство женщины и допущенный коснуться ее груди концом своих губ, получает защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей...» [21, с. 221].

Женщина не имея возможности участвовать в политической социальной жизни общества, тем не менее, имела свои пути и механизмы для воздействия на решения общины. Своей мудростью, иным подходом к очевидным вещам, ей удавалось воздействовать через своих близких мужчин, мужа, сыновей, братьев на жизнь общества в целом.

Категориальная структура ментальности черкешенки: опыт реконструкции

Локализация черкешенки в социальном пространстве, ее статус в обществе и приписываемые ей социальные роли служили точкой отсчета и задавали систему координат ее картины мира. Категории сознания черкешенки можно разделить на следующие виды: экзистенциальные (Бог, смерть, потусторонний мир); социальные (детство, старость, богатство, бедность); категории психологические (любовь, гордость, честь, зависть).

Глубинные основания картины мира в любой культуре, у каждой социальной группы или индивида формируют пространственно-временные представления. Пространственные представления во многом определяли внутренний мир черкешенки. Для более яркого и конкретного представления черкешенкой пространства, в котором она проживала, на наш взгляд, целесообразным является его разделение на три уровня. Первый уровень пространства – это микропространство, то есть та территория, которая являлась для черкешенки хорошо изученной, те места повседневной жизни, где проходило почти все ее бытие. Прежде всего, это дом, в котором она жила, и двор, в котором находился этот дом. Следующий уровень пространства – это мезопространство, к которому относится село, в котором жила черкешенка, соседние села, где проживали ее родственники, или места, знакомые ей по рассказам мужчин семьи, бывавших там в походах (зеклуэ). Последний уровень пространства – это макропространство. Речь идет о далеких по ее представлениям странах: Турции, Персии, России.

Изучение восприятия пространства черкешенкой предоставляет большое поле деятельности для историка. В этой связи ему предстоит осветить множество вопросов. Как черкешенка воспринимала пространство само по себе, что она вкладывала в понятия «далеко» и «близко», как она воспринимала те села, которые служили целью походов мужчин ее семьи? Необходимо понять, какое место в ее мире занимали окружающие страны, оставались ли они далекими, не затрагивающими ее сознание объектами, были ли они для нее враждебны или воспринимались как, например, источник благ и предметов роскоши.

Черкешенка не могла не иметь некоторых темпоральных представлений. Являлось ли время предметом осмысления либо представляло собой категорию, о которой черкешенка не задумывалась?

Планировала ли она свою жизнь или жила сегодняшним днем? Была ли быстротечность времени предметом сожаления или для нее оно текло медленной полноводной рекой? Что для нее было прошлым и как далеко простиралась ее историческая память?

Изучая пространство, которое окружало черкешенку, и время, в котором проходила ее жизнь, нельзя не задуматься о том, какое место занимал в ее сознании Бог. Предстоит выяснить, мыслился ли он тем, кто отстраненно наблюдает за ее жизнью, не вмешиваясь в ее течение, либо тем, кто ежесекундно находится рядом с ней, управляя ее повседневностью.

Говоря о Боге и его ответственности за смерть, нельзя не затронуть тему самой смерти как одной из важнейших составляющих мира каждого человека, в данном случае черкешенки. Что такое смерть в обыденном мире черкесской женщины, как она воспринималась ею и зависело ли это восприятие от того, кто именно умер и при каких обстоятельствах? Что если смерть унесла с собой мужа, сражавшегося с врагами-гяурами, нужно ли оплакивать его смерть или воспринимать ее как честь и гордиться им? Историк должен попытаться найти и ответ на вопрос, считала ли черкешенка, что Бог является тем, кто виноват в смерти ее близких, и следует ли вообще кого-то винить. Существует ли загробная жизнь и не является ли она лучшим местом, чем жизнь земная? Какие формы в мире черкешенки принимал культ предков?

Вера в Бога, размышления о смерти неизбежно влекут за собой экспликацию представлений о добре, о зле и об их носителях, таких как добрые или злые духи. Существовал ли в системе представлений об окружающем мире черкешенки мир сверхъестественный, как он, по ее мнению, себя проявлял, какими были его представители: несущими ужас и страх или теми, кто помогал и оберегал? Особый интерес у исследователя должен вызвать тот факт, что злые духи и демоны у адыгов почти повсеместно представлены женским полом [10, с. 284].

Существует немало работ, написанных исследователями адыгского этикета, о почитании и уважении старости и о практическом выражении в повседневной жизни этого требования этикета [2, с. 160; 3, с. 10; 13, с. 15; 17, с. 11]. Но мы предполагаем, что выяснится еще множество неизведанных граней преломления данной социальной нормы в категориях картины мира черкесской женщины. Перед исследователями предстанут вопросы: что есть старость для черкешенки – время заката жизни с ее немощностью, когда надо ожидать скорой смерти или время всеобщего уважения и почитания; следует ли ее опасаться или, наоборот, ждать того момента, когда из молодой снохи женщина превратится в хозяйку дома?

Затронув вопрос о старости и старшинстве в семье, невозможно не раскрыть такую важную, составляющую основу жизни черкешенки категорию, как семья. И здесь перед исследователем предстанет огромное поле деятельности. Казалось бы, о семейных отношениях адыгов написано немало [26, с. 178], и есть даже отдельные работы, посвященные именно женщине и ее статусу в семье [28, с. 76; 15, с. 234]. Но, как уже отмечалось выше, реконструкция картины мира для историка тем и интересна, что позволяет

взглянуть по-новому на уже давно изученные вопросы. Акцент при изучении категории «семья» должен переместиться с внешних конструкций адыгской семьи на отношение самой черкешенки к этой семье. Историк должен поставить ранее не задаваемые исследователями вопросы: что вообще она думала о своей семье, как она относилась к членам своей семьи и согласна ли она с заведенными порядками? Действительно ли она почитает своих свекра и свекровь или это только внешнее проявление безразличия?

Исследование данной категории, на наш взгляд, следует начать с отношений между незамужними девушками и потенциальными женихами. Необходимо понять, что для черкешенки было главным в будущем муже, какие качества она хотела в нем видеть: храбрость, смелость, безрассудство, осторожность или мудрость и сдержанность?

Одним из важнейших феноменов в картине мира адыгской женщины следует считать мужчину. С детства ее готовили к замужеству, напевая ей колыбельные, песни первого шага. В девочку закладывали качества идеальной жены, снохи, матери и, что занимало немаловажное место в жизни адыгов, прививались представления о стандартах красоты черкешенки.

Основная тематика адыгских колыбельных песен – это радость родителей, их мечты о прекрасном будущем для ребенка. Создателями и исполнителями колыбельных песен являются женщины, в основном матери и бабушки. Понятно, что содержание песен связано с их миром переживаний.

Спи, спи моя лохматая куколка
Моя лохматенькая, малюсенькая,
Чьи глаза карие,
Чье лицо – бледное луна,
Чье лицо блестит как солнце [18, с. 112].

В последующей жизни тема красоты и благонравия, скромности и достоинства получает продолжение в виде поздравительных песен – тостов невесте:

Чтобы всегда красивой была,
Чтобы всегда счастливой была
Мы желаем невесте
Чтобы немало рожала детей
Чтобы рожала одних сыновей
Мы желаем невесте [24, с. 56].

В песне «Гыбзэ об убитых в битве с русскими при селении Идарей» [1, с. 169] прослеживается идеальный образ мужчины, который ловко владел шашкой, участвовал в набегах, и проявлял храбрость в битвах.

В рамках этого феномена прослеживается отношение черкешенки к таким чертам характера, как гордость и честь, смекалка, остроумие и т.д., причем имеется в виду не только их присутствие в мужчинах, но и в самой женщине, девушке.

Особой категорией сознания черкесской женщины была война и отношение к ней. Через нее прослеживаются феномены смерти, мужества, ценности жизни. Кавказская война оказала огромное влияние на жизнь и сознание черкешенки XIX века. Фольклорными источниками, в наибольшей степени позволяющими изучить это влияние, являются песни-плачи (гъыбзэ). Призванные оплакивать погибших участников войны – адыгов, они при внимательном и детальном анализе предоставляют исследователю обширный материал. Это качества, ожидаемые от мужчин-воинов, многочисленные сюжеты где описываются совершенные ими подвиги, за которые их увековечили в народной памяти.

Песни-плачи позволяют проследить изменение отношения к привычным, обыденным вещам под влиянием разрушительной войны. В этой связи заслуживает внимания изменение отношения к детству в колыбельных песнях. Эти песни становятся не просто способом укачать ребенка, постепенно они начинают оказывать целенаправленное влияние на характер будущего воина. В сына теперь закладываются не просто качества достойного адыга, его растят как воина-мстителя гяурам, убившим его отца.

Умер отец твой, а я осталась.
Хоть и не стала бы смерти бояться,
Буду теперь героя растить,
Бесстрашного богатыря,
Кабарде моей защитника [1, с. 177].

Другая песня повествует о плененном царскими войсками горце и о горе, испытываемом его возлюбленной, которой не милы стали все украшения и золото, если жизнь возлюбленного в опасности.

Черная гармошка в руках Нуры.
Кабаны жиреют на тучной земле.
Взяли милого друга Даута.
Дорогой снимаю перстень,
Бросаю в подол я перстень [1, с. 176].

Песня очень ясно передает настроение, испытываемое героиней. Такие метафоры, как «черная гармошка», «кабаны жиреют на тучной земле» выражают ее скорбь, гнев и ненависть к захватчикам.

В «Песне-плаче о жителях Лабы» повествование ведется от имени женщины. Отношение к изображаемому событию в ней выражено через восприятие женщин, вынужденных принимать непосредственное участие в сражении и переносящих все ужасы плена. В песне последовательно раскрываются злодейства солдат, их бессердечие, жестокое обращение с населением.

Река уносила детские трупы:
Ханний, жена брата моего мужа.
На вид чернявая, тоненькая.
Шелковистые ее две большие косы

Служат уздечкой для гяуров.
Когда посмотрим в конец аула,
То река несет детские трупы [1, с. 341].

Перечисленные направления исследования не исчерпывают всю полноту открывающихся перед историком перспектив. В совокупности реализация описанных направлений научного поиска позволит приблизиться к идеалу, описанному Ф. Броделем: тотальной истории, системно и разносторонне, с наиболее возможной полнотой описывающей и анализирующей изучаемое явление, в данном случае картину мира черкешенки XIX – начала XX века.

Заключение

1. Феноменологический подход является наиболее продуктивным при реконструкции картины мира и горизонта повседневности черкешенки XIX – начала XX в. Его применение позволяет изучить не только внешние характеристики жизни черкешенки, но и понять ее внутренний мир.

2. Источниками позволяющими раскрыть картину мира и несущими в себе отпечаток эмоций черкешенки являются народные песни, и пословицы. Через изучение народных песен, мы выявляем идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы наглядно иллюстрируют бытовые, повседневные ситуации.

3. В картине мира черкесской женщины выявляется ряд категорий формирующих ее сознание. Эти категории можно типологизировать следующим образом: экзистенциальные (Бог, смерть, потусторонний мир); социальные (детство, старость, богатство, бедность); категории психологические (любовь, гордость, честь, зависть).

4. Социокультурной константой мира черкесской женщины являлся феномен мужчины: отца, мужа, брата, сына. Представления о мужественности основывались на таких категориях как: храбрость, доблесть, справедливость, мудрость и т.д.

5. Семейный быт, повседневная жизнь черкесской женщины, круг ее обязанностей напрямую зависел от того положения, которое она занимала в аристократическом обществе, и от статуса, который у нее был внутри семьи. Женщина, принадлежавшая к дворянскому сословию, не занималась тяжелым физическим трудам, в ее обязанности выходило лишь управление домом, и швейное мастерство, если же это была женщина из крестьянской семьи, то она вынуждена была заниматься практически всеми видами хозяйственных работ.

6. Существовала коллизия в положении женщины в обществе и внутри семьи: черкешенка, не обладая формальным влиянием в обществе, но используя социальные практики такие как воспитание, уход, беседы и т.д. оказывала косвенное влияния на мужчину и реализовывала свои представления о мужественности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 237 с.
2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика как соционормативная система // Мир культуры адыгов. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – С. 160-177.
3. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 232 с.
4. *Бларамберг И.В.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 353-435.
5. *Гуссерль Э.* Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
6. *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX начало XX века). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 139 с.
7. *Журтова А.А.* Принципы исторической феноменологии и возможности их применения в историографическом исследовании по проблемам кавказоведения // Проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: материалы III Международной научно-практической конференции. – Нальчик-Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. – С. 111-118.
8. *Заболотная Л.П.* Екатерина черкешенка – жена господаря Василия Лупу. Судьба одной женщины в истории Молдовы // Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 220-237.
9. *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля // Любитель культуры: сайт. URL: <https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-33> (дата обращения: 03.08.2017).
10. *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис, 2013. – 408 с.
11. *Кешев (Каламбий) Адиль-Гирей.* Характер адыгских песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX в. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – С. 326-342.
12. *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-281.
13. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. – М.: Изд. вост. лит. АН СССР, 1961. – 260 с.
14. *Кох. К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-629.
15. *Кудаева З.Ж.* Адыгские пословицы и поговорки. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 45 с.
16. *Леонтович Ф.И.* Алаты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и восточного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – Вып. 2. – 310 с.
17. *Мафедзев С.Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
18. *Мижгаев М.И.* Детский песенный фольклор адыгов // Сборник статей КЧНИИ. – 1973. – Вып. VII. – С. 107-120.
19. *Морозова Л.Е.* Мария Темрюковна – вторая жена Ивана Грозного // Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 205-219.
20. *Незванов А.* Эдмунд Гуссерль в контексте философии Нового Времени // Интернет библиотека: сайт. URL: http://www.xliby.ru/filosofija/yedmund_gusserl_v_kontekste_filosofii_novogo_vremeni/index.php (дата обращения: 10.08.2017).
21. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214-225.

22. *Первушина О.В.* Картина мира: возможность феноменологического подхода // Идеи и идеалы. 2009. №2: сайт. URL: <http://ideaidealy.ru/philosophy/kartina-mira-vozmozhnost-fenomenologicheskogo-podxoda/print> (дата обращения: 10.08.2017).

23. *Перишц А.И., Смирнова Я.С.* Положение Кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату // Государство и право. – 1997. – №9. – С. 102-107.

24. *Песни живших до нас: из народной лирики кабардинцев и балкарцев.* – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1966. – 190 с.

25. *Ретина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Библиотека Гумер – гуманитарные науки: сайт. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/odiss/21.php (дата обращения: 12.08.2017).

26. *Студенецкая Е.Н.* О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. – 1950. – № 2. – С. 176-181.

27. *Текуева М.А.* Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества: дисс. ... д.и.н. – Нальчик, 2006. – 371 с.

28. *Текуева М.А.* Повседневная хозяйственная деятельность женщины в традиционном адыгском обществе // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии наук. – 2006. – № 3 (24). – С. 76-80.

29. *Текуева М.А.* Статус женщины в адыгской семье: интерпретации этнографического материала // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: материалы Международной научной конференции. – Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2007. – С. 234-236.

30. *Темирчиева Р.С.* К вопросу «женщина-мать» и «женщина-жена» в пословицах русского и кабардино-черкесского языков // Перспектива-2008: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2008. – Т. 1. – С. 152-156.

31. *Цикушева С.Я.* Устные источники в работах Ш. Ногмова и Хан-Гирея // Вопросы теории и методологии истории. – 2007. – Вып. 6. – С. 105-127.

УДК 930.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-140-154

КАРТИНА МИРА ЧЕРКЕССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XIX В.: МЕТОДОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.А. КОНОВАЛОВ
З.Х. КУМАХОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru, kzaira@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме реконструкции внутреннего мира черкешенки XIX в. и выявлению категорий ее сознания. Для освещения данного вопроса весьма эффективным является применение феноменологического подхода, который позволяет изучить не только внешние характеристики жизни черкешенки, но и понять ее внутренний мир. В условиях отсутствия в обозначенный период у черкесов письменности, источниками, позволяющими раскрыть картину мира и несущими в себе отпечаток эмоций черкесской женщины, являются народные песни и пословицы. Задача воссоздания картины мира черкесской женщины предполагает исследование прежде всего субъективных сторон ее бытования. Однако для решения этой проблемы историку необходимо осветить и мир объективный, то есть реалии и

условия, в которых она проживала. Повседневная жизнь черкесской женщины и круг ее обязанностей напрямую зависел от того положения, которое она занимала в аристократическом обществе, и от статуса, который у нее был внутри семьи.

Ключевые слова: феноменология; гендер; ментальность; картина мира; междисциплинарность; черкешенка; фольклор; повседневность; феномены сознания.

XIXth CENTURY CIRCASSIAN WOMAN'S WORLD-PICTURE: METHODOLOGY AND LINES OF RESEARCH

**A.A. KONOVALOV
Z.KH. KUMAKHOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru, kzaira@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of reconstruction of the internal world of a nineteenth century Circassian woman and revealing the categories of her consciousness. To illuminate this issue, it is very effective to use the phenomenological approach, which allows us to study not only the external characteristics of the Circassian woman's life, but also to understand her inner world. In the conditions of absence of writing in Circassian's life during specified period, national songs and proverbs are the sources which allow to disclose a world-picture and bear the impress of emotions of the Circassian woman. The task of reconstructing the world-picture of the Circassian woman presupposes primarily an investigation of the subjective aspects of her everyday life. However, in order to solve this problem, the historian must also cover the objective world, that is, the realities and conditions in which she lived. The daily life of a Circassian woman and the range of her duties directly depended on the position she occupied in the aristocratic society, and on the status she had within the family.

Key words: phenomenology; gender; mentality; world view; interdisciplinarity; Circassian woman; folklore; everyday life; phenomena of consciousness.

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
В СУДЬБАХ АBAЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:
МИКАЭЛЬ ЧИКАТУЕВ, МИРА ТЛЯБИЧЕВА, КЕРИМ МХЦЕ****П.К. Чекалов**

Изучение биографии творческого лица является самостоятельной и самодостаточной литературоведческой проблемой. Особое внимание в этом плане заслуживают периоды интенсивного формирования творческой личности, как правило, выпадающие на время учебы, обретения основных профессиональных навыков. Для многих абазинских авторов такой школой выступил Литературный институт имени М. Горького, «крупнейшее в России и одно из самых значительных в мире литературных учебных заведений» [5]. Статья посвящена изучению истории обучения в этом учебном заведении и его роли в процессе личностного и творческого становления трех писателей, внесших значительный вклад в развитие абазинской литературы второй половины XX века.

Микаэль Хаджиевич Чикатуев

5 июня 2006 г. по просьбе Карачаево-Черкесского республиканского музея М.Х. Чикатуев (1938-2014) подготовил творческую автобиографию, которая впоследствии была воспроизведена в сборнике избранных переводных произведений «Поющее сердце» (Москва, 2010). Автор выделил и описал наиболее важные, узловые моменты своей жизни.

По воспоминаниям поэта, в марте 1956 г., будучи студентом первого курса Ставропольского педагогического института, он с помощью Владимира Гнеушева, руководителя литобъединения при газете «Молодой ленинец», и Игоря Романова, студента-старшекурсника, подготовил подстрочные переводы своих стихотворений и отправил на творческий конкурс в Литературный институт. Дальнейшие события в автобиографии описываются так:

«Прошли месяцы. Мы окончили первый курс. И нас, студентов-второкурсников, уже послали (сразу после сдачи экзаменов!) на уборку сена в совхоз «Темижбекский» <...>. Помню хорошо: 20 июня мы уже были в совхозе, уже убрали сено, скошенное конными косилками. Ровное, большое поле. Я сижу на пружинистом сиденье конных грабель и весело убираю сено, кладу его ровными, параллельными рядами-валками. <...> И я на этих конных граблях поработал ровно месяц – до 20 июля. А 20 июля, – кажется, около 10 часов, – ко мне с криками подбежали мои однокурсники – мои друзья Саша Лагунов и Владик Останкович. Лица у них были очень радостные – значит, принесли хорошую весть! Остановил я коней своих и весело спрыгнул с пружинистого сиденья моих грабель!

– Миша! Миша! – кричали они оба разом. – Тебе надо ехать в Ставрополь, в деканат. Ты прошёл творческий конкурс в Литинституте и 27 июля тебе надо быть в Москве!» [8, с. 477].

В тот же день, не теряя ни минуты, Микаэль добрался до Ставрополя, а оттуда – в родной аул Инжич-Чукун, поделился радостной вестью с мамой. Та выслушала известие, продала телку, вручила сыну двести рублей и напутствовала в дорогу.

27 июля, как и было велено, Чикатуев уже сидел в одной из аудиторий Литинститута перед поэтом Александром Коваленковым, проводившим собеседование. Собеседование – обязательная форма испытания для поступающих, своеобразный второй тур после творческого конкурса, на котором определяется уровень образованности абитуриента, наличие в нем литературных способностей. После беседы преподаватель (А.А. Коваленков являлся одним из руководителей семинара поэзии в Литинституте) свое мнение передавал на кафедру творчества в письменной форме. Как впоследствии установил Чикатуев, впечатление Коваленкова о нем уместилось в несколько строк: «Серьёзный, вдумчивый горец; сразу видно: светится в нём искра поэзии; любит Кавказ Пушкина и Лермонтова. Прочитал даже самого Льва Толстого! Интересно говорил о «Хаджи Мурате». Думаю, будет толк» [8, с. 480].

Там же, на кафедре творчества, Чикатуев познакомился и с положительными отзывами на присланные им на творческий конкурс стихами. Их авторами были поэты Василий Журавлев и Степан Щипачев. Второй эксперт завершил свою рецензию категорической рекомендацией: «Принять Микаэля Чикатуева в Литинститут непременно!»

«И эту фразу Степан Петрович подчеркнул красным карандашом дважды...», – отмечал поэт в воспоминаниях [8, с. 480].

После собеседования шли уже традиционные вступительные экзамены, с которыми абитуриент справился, и он был зачислен на первый курс.

Немаловажной представляется такая подробность: в тот год свои произведения на творческий конкурс подали 3000 человек, из них его прошли лишь 116, а после экзаменов отсеялись еще 86 и осталось всего 30. **«30 человек – это постоянное число студентов, которые зачисляются в Литинститут в год. Всего 30 со всего Советского Союза!** И мне, юноше из абазинского горного селенья, посчастливилось попасть в это маленькое заветное число – **и первым в истории Карачаево-Черкесии!** Я, конечно, был горд и счастлив! И старался, очень старался, чтобы не отстать от остальных 29, учиться хорошо. Ведь я был посланцем не только моего маленького абазинского народа, но и всей Карачаево-Черкесии!» [8, с. 481].

Здесь прервем конспектирование автобиографии Чикатуева и обратимся к документам личного и учебного дела, хранящегося в архиве Литературного института. Изучение содержания этой папки позволяет более детально осветить историю прохождения начинающего абазинского стихотворца в один из самых престижных вузов страны, расширить и дополнить сведения о нем, поэтапно проследить переход из Ставропольского пединститута в Литературный институт. Нужно отметить, что этому предшествовала непростая процедура.

Во-первых, Чикатуеву нужно было обратиться с заявлением в бюро литературного объединения Черкесии для получения рекомендации, и он это

сделал в начале весны 1956 года. 21 марта состоялось заседание бюро с участием Х.Х. Гашокова, Ф.А. Абдулжалилова, И.А. Атмакина, А.Н. Охтова, К.С.-Г. Джегутанова, на котором было рассмотрено заявление и вынесено постановление:

«Просить Ставропольское Краевое отделение Союза Советских писателей войти с ходатайством в секретариат Союза Советских писателей СССР о рекомендации в Литературный институт им. Горького при Союзе Советских писателей СССР абазинского начинающего поэта тов. Чикатуева Михаила¹ Хаджиевича, 1938 года рождения, абазина, члена ВЛКСМ с 1949 года, образования 10 кл., члена литературной группы при редакции областной газеты «Социалистическа Черкесия», работающего в области поэзии с 1951 года, имеющего около 50 стихотворений.

Обязать руководителя литературной группы при редакции областной газеты «Социалистическа Черкесия», члена бюро литобъединения т. Джегутанова К. дать т. Чикатуеву рекомендацию для поступления в Литературный институт им. Горького при Союзе Советских писателей СССР» [1, л. 8].

Под протоколом стояла подпись руководителя литобъединения Х.Х. Гашокова.

В личном деле студента Чикатуева наличествует и рекомендация К. Джегутанова, написанная от имени литературной группы при абазинской национальной газете:

«Михаил Чикатуев с 1952 года является активным членом данной литературной группы. За это время на страницах областной газеты, а также в коллективных абазинских сборниках, выпускаемых Черкесским книжным издательством, напечатано около 50 стихотворений.

В своих стихотворениях М. Чикатуев стремится раскрывать сущность жизненных явлений художественными средствами. В его еще не установившемся творческом почерке чувствуется самобытность, своеобразие таланта молодого поэта. Несомненно, что т. Чикатуев обладает необходимыми данными для того, чтобы стать настоящим литератором.

М. Чикатуев постоянно повышает свои знания – учится, повышает свое поэтическое мастерство. В настоящее время он является студентом первого курса Ставропольского педагогического института.

Литературная группа считает, что М. Чикатуеву необходимо продолжить учебу в стенах института им. Горького, так как свое жизненное призвание он находит в литературе.

Литературная группа единодушно рекомендует М. Чикатуева в Литературный институт им. Горького» [1, л. 7].

Дата в документе не проставлена, но можно предположить, что он был подготовлен в ближайшие после проведения заседания бюро литературного объединения дни, т. е. в 20-х числах марта 1956 г.

¹ Во всех документах личного и учебного дела Чикатуева, включая студенческий билет, зачетную книжку и диплом об окончании института, имя его воспроизводится как Михаил. По этому поводу во время беседы 12.01.93 г. поэт сказал, что в паспорте имя его обозначено было как Михаил.

В сопроводительном письме на имя директора Литинститута, подписанном ответственным секретарем краевого отделения ССП В.И. Туренской, сообщалось:

«Направляем Вам заявление Чикатуева Михаила Хаджиевича, молодого абазинского поэта, его стихи, переводы и подстрочники его стихов.

Просим допустить его к творческому конкурсу.

Чикатуев очень много и упорно работает, по рекомендации Черкесского литературного объединения является способным и обещающим поэтом, активно участвует Чикатуев и в литературной группе краевой молодежной газеты «Молодой ленинец».

В молодой абазинской литературе нет ни одного автора, окончившего Литературный институт.

Прием Чикатуева в институт поможет абазинским литераторам в целом» [1, л. 6].

Письмо было составлено 2 апреля. Таким образом, не в марте, как об этом сообщается в автобиографии, а в начале апреля 1956 г. документы Чикатуева были отправлены в Литературный институт.

Определенный интерес в плане стилистики представляет текст заявления абитуриента:

«Прошу Вас иметь в виду, что я имею большое желание учиться на основном отделении (подчеркнуто М. Чикатуевым. – П.Ч.) Вашего института.

Я окончил первый курс. Жду Вашего положительного извещения.

Еще посылаю Вам добавление уже присланных стихов. Прошу тоже иметь в виду» [1, л. 2].

Заявление в приемную комиссию датировано 30 июня и, по всей вероятности, досылалось к тому пакету документов, который был отправлен в Москву ранее. Еще не известен был результат творческого конкурса, но, тем не менее, уже твердо заявлялось и даже подчеркивалось намерение учиться именно на основном отделении: сама манера письма как бы не допускала иного варианта. Помимо того, напористость характера заявителя, его наставительный тон прорывалось в дважды использованной фразе «прошу иметь в виду». Показательно и то, что абитуриент ждал только «положительного извещения»...

25 июля, уже находясь в Москве, Чикатуев написал заявление на имя директора с просьбой о приеме его в институт. К нему прилагались фотографии размером 3x4, свидетельство о рождении, справка о состоянии здоровья, автобиография, аттестат о среднем образовании, сведения об успеваемости в пединституте (зачетная книжка), характеристика с места учебы. В последнем документе, напечатанном на фирменном бланке Ставропольского пединститута, подписанном ректором Чебоксаровым и деканом историко-филологического факультета Поздняевой, скупно сообщалось, что «к учебе тов. Чикатуев М.Х. относится серьезно, учится хорошо, дисциплинирован, принимает активное участие в общественной жизни института» [1, л. 9].

Кстати сказать, за один только год в стенах пединститута Микаэль Хаджиевич сдал 10 экзаменов (на «хорошо» и «отлично») и 10 зачетов [1, л. 10].

Автобиография была написана на четырех тетрадных страницах, и в самом начале указывалась дата рождения: **7 марта** 1938 года. Она же была зафиксирована и в «Личной карточке студента». Значительно позднее день рождения Чикатуева по неизвестным причинам была изменена на **3 мая** 1938 г.

Для представления стилевой манеры стихотворца воспроизведем фрагмент из автобиографии:

«Я опознал себя в 1943 году, после освобождения родного края от фашистов.

В мае 1944 года мой отец, Чикатуев Хаджи Исхакович, после трехлетней болезни скончался 79-летним стариком.

В 1945 году я поступил в первый класс.

Шли тяжелые послевоенные годы...

Мы жили впроголодь. Люди за дешевые [продукты] продавали свое имущество, а у нас ничего не было. Чтобы заработать себе и семье кусок хлеба, я наполовину учился, наполовину работал – пас овец в заготконторе.

«Если бросить камень, то он попадет на обездоленного мальчугана – так их много», – говорили у нас в народе о таких, как я.

Хотя мы не видели тяжелых капиталистических дней царизма, но и нам досталась грязь, брошенная рукою подлого Гитлера на весь человеческий мир.

Отгремели черные дни...

Снова над нашими родными горами встало Советское Коммунистическое Солнце, одетое в новое платье <...>. Снова я услышал любимые песни: «Широка страна моя родная», «Одинокая гармонь», «Сулико», «Цвети Черкесия родная» и многие другие.

1949 год... Этот год особенно светел моему сердцу – будучи учеником 4 класса, я вступил в ряды ленинского комсомола.

Перед моими глазами очень рано, зримо и ощутимо проходят легендарные герои нашей славной ленинской молодежи: бесстрашные молодогвардейцы Краснодона, юная Зоя-партизанка, легендарный Александр Матросов, славная дочь черкесского народа, партизанка-комсомолка Зурят Тлисова и многие-многие другие...» [1, л. 4-5].

Текст страдает излишней пафосностью, не характерной для жанра автобиографии, сочетанием разностилевой лексики, использованием стершихся литературно-публицистических штампов, желанием выразиться выпендренно там, где в этом никакой необходимости не было... Эти недочеты объяснялись, как мы можем предположить, не высоким еще уровнем речевой культуры молодого абазина, недостаточной развитостью эстетического вкуса, превратным представлением о красоте и изысканности слога. И Литературный институт явился для Чикатуева прекрасной школой обретения многих навыков и умений, необходимых для творческой работы.

Вступительные экзамены проходили в начале августа: сочинение – 1-го, русский язык (устно) – 3-го, русская литература (устно) – 3-го, история СССР –

8-го, география – 10-го. Четыре из пяти экзаменов абитуриент-абазин сдал на «хорошо», а сочинение – на «удовлетворительно» [1, л. 12]. С такими оценками он прошел конкурс и стал студентом уникального в своем роде института. Приказ о зачислении вышел 24 августа:

«В соответствии с результатами творческого конкурса и приемных экзаменов ЗАЧИСЛИТЬ на 1-й курс основного отделения Литературного института имени А.М. Горького:

г/ семинар поэзии

12. ЧИКАТУЕВА Михаила Хаджиевича» [1, л. 13].

13 сентября ему выдали студенческий билет № 56026, тем же днем и под тем же номером ему оформили зачетную книжку, и началась студенческая жизнь.

Так как у Литературного института тогда не было своего общежития, Литфонд СССР арендовал у московских писателей их дачи в Подмосковье (Переделкино) и поселял туда студентов. Когда же они завершали учебный год и разъезжались на каникулы и практику, писатели занимали свои дачи на летние месяцы.

Первые два года Чикатуев вместе с абхазами Алексеем Гогуа и Володей Анкваб жили на даче Панфёрова. По утрам студентов увозили в Москву на занятия двумя большими автобусами, а после занятий привозили обратно. А когда по четвергам устраивались встречи с известными писателями, композиторами, художниками, артистами, автобусы дожидались их до окончания мероприятия.

«Встречи были очень интересны, – вспоминал Микаэль Хаджиевич. – Даже студенты, по каким-то причинам пропустившие в этот день занятия, обязательно приходили на эти встречи! Интересно же было послушать Шолохова, Твардовского, Эренбурга, Всеволода Иванова, Паустовского, Бориса Чиркова, Семёна Липкина и многих-многих других! Беседы эти – чисто творческие, откровенные, очень доверительные – много давали студенту Литинститута, я бы сказал, зажигали и пробуждали в нём какой-то особенный внутренний свет на всю жизнь!» [8, с. 482].

Потом, когда в мае 1958 года Литфонд построил семиэтажное общежитие по улице Добролюбова в Москве, студентов перевели туда и по одному расселили в комнатах площадью 18 кв. м. «Таких условий не было даже у студентов МГУ», – подчеркивал Чикатуев [8, с. 482].

О творческой атмосфере, царившей здесь, поэт вспоминал так: «От зари до зари здание общежития напоминало – в буквальном смысле! – растревоженный улей. Из всех открытых окон сыпались поэтические слова, строки, стихи. А что творилось во всех семи длинных коридорах?! Тут же писались стихи, читались стихи, отвергались и принимались стихи – также шумно, открыто, воинственно, невзирая на лица! Единственный авторитет в Литинституте – хорошие, талантливые стихи!..» [8, с. 483].

Отдельно поэт останавливался и на своеобразии лекционных курсов: «В институте, помимо тех предметов, которые читаются на филфаках вузов, мы изучали такие предметы как *теория стиха, теория прозы, теория драмы;*

история всемирной музыки, история всемирной живописи, история всемирного театра; зачёты и экзамены мы сдавали, например, в Консерватории им. П.И. Чайковского, в Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в Театральном музее им. Бахрушина. А Московский драматический театр им. Пушкина мы, студенты Литинститута, считали своим: мы ходили в этот театр <...> по студенческим билетам...» [8, с. 483].

Первую зимнюю сессию в декабре 1956 г. (6 зачетов и 3 экзамена) Чикатуев сдал не только хорошо, но и досрочно, за что ему был разрешен отпуск с 27 декабря по 25 января [1, л. 11]. И в дальнейшем он неоднократно брал творческие отпуска для работы над стихотворными произведениями: с 7 по 22 февраля 1958 г. [1, л. 17], с 17 по 21 ноября 1958 г. [1, л. 22], с 6 по 25 октября 1959 г. [1, л. 27], с 8 по 25 февраля 1960 г. [1, л. 29].

После первого курса два месяца (июль – август) Чикатуев проходил практику на строительстве жилого дома в Москве в качестве разнорабочего [1, л. 15]. Прохождение творческо-производственной практики в конце второго курса планировалось при многотиражной газете завода швейных машин города Подольска [1, л. 18], но по ходатайству абазинской литературной секции Карачаево-Черкесского областного отделения Союза писателей приказ был изменен, и Микаэль получил возможность практиковаться при редакции абазинской газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма») в Черкесске [1, л. 20]. На третьем курсе Чикатуев был направлен в газету «Комсомолец Кузбасса» города Кемерово [1, л. 23], а на четвертом прошел аж три практики: с 15 по 20 октября 1959 года в Воронеже [1, л. 25], с 22 по 31 января 1960 года в Ленинграде [1, л. 28], а уже летом того же 1960 года – снова в газете «Коммунизм алашара» (г. Черкесск) [1, л. 32].

Чикатуев был на хорошем счету у руководства института, о чем свидетельствует приказ № 206-а от 29 октября 1958 г., объявлявший ему благодарность за хорошую комсомольскую и общественную работу с занесением в личное дело [1, л. 21]. Сохранилась также характеристика от 6 апреля 1960 г., подготовленная для подписи директором института, секретарем партбюро и председателем профкома:

«Тов. Чикатуев Михаил Хаджиевич <...> учится в Литературном институте имени А.М. Горького с сентября 1956 по настоящее время на отделении поэзии.

Учится удовлетворительно. Творчески активен. Его произведения опубликованы в периодической печати в Карачаево-Черкесской автономной области.

Принимает активное участие в общественной работе. Был членом комитета ВЛКСМ и членом студкомитета общежития. За общественную активность отмечен благодарностью в приказе.

Рекомендуется для заграничной поездки в Эфиопию» [1, л. 30].

За время многочисленных встреч и бесед с Микаэлем Хаджиевичем он ни разу не упомянул о поездке в Эфиопию. Вероятно, администрация предполагала направить его в заграничную командировку, готовила документы, но по неизвестным причинам она не состоялась. По всей видимости, характеристика оказалась не востребовавшей и осталась не подписанной.

Всего за пять лет обучения в Литинституте Чикатуев сдал 58 зачетов и 31 экзамен. Из них 8 предметов – на «удовлетворительную» оценку, 19 – на «хорошо» и 3 – на «отлично». Помимо того, он выполнил и 9 марта 1961 г. защитил дипломную работу под названием «Мелодии Инжича» с оценкой «отлично», 6 июня выдержал государственный экзамен по русской и советской литературе на «хорошо», 20 июня – госэкзамен по диалектическому и историческому диалектизму – тоже на «хорошо». В тот же день решением государственной экзаменационной комиссии ему была присвоена квалификация литературного работника, а через 3 дня – 23 июня 1961 года вручен диплом № 514906 об окончании Литературного института.

1961 год оказался богат на события в личной и творческой жизни Микаэля Хаджиевича: вышел второй его сборник стихотворений «Мелодии Инжича», приступил к работе в Карачаево-Черкесском педагогическом институте, женился, родился первенец – сын Азамат... «Таким образом, 1961 год я считаю одним из самых счастливых в своей жизни», – подытоживал поэт повествование о своей студенческой жизни [4].

Мира Сахат-Гериевна Тлябичева

Тем же летом 1961 г., когда М.Х. Чикатуев оканчивал Литературный институт, туда же поступала М.С.-Г. Тлябичева (1942-2011). Символическая переключка: один абазин покидал престижный московский вуз, а другая представительница этого же народа переступала его порог...

Вообще привлекает внимание то обстоятельство, что Мира Сахат-Гериевна во многом повторила предысторию прохождения Чикатуева в институт им. Горького: как и он, после завершения учебы в аульской семилетней школе она перешла в областную школу-интернат в Черкесске (1957), получив аттестат о среднем образовании, определилась на филологический факультет Карачаево-Черкесского педагогического института (1960), а после первого курса (1961) поступила и продолжила обучение в Литературном институте...

И тут, как и в случае с Микаэлем Хаджиевичем, все оказалось не просто: для положительного решения вопроса понадобилось собрать несколько объективов и рекомендаций. Первая «школьная» характеристика, написанная красивым каллиграфическим почерком, представляла Миру-ученицу: что училась она на «4» и «5» и за хорошую успеваемость получала от педагогического коллектива благодарности и ценные подарки; увлекалась химией, принимала активное участие в работе исторического и литературного кружков, обладала скромным, трудолюбивым характером, показала себя надежным товарищем [2, л. 10].

Вторая «производственная» характеристика, выданная правлением колхоза, акцентировала внимание на работе Миры в ученической бригаде, где проявилась ее любовь и привязанность к сельскохозяйственному труду, честное и добросовестное отношение к работе, в результате чего звено добилось высоких производственных показателей: 100 центнеров кукурузы с одного

гектара. Отмечалась также дисциплинированность, требовательность Миры к себе и товарищам, активное участие в общественной жизни школы, чем снискала уважительное отношение к себе как членов ученической бригады, так и всех учащихся [2, л. 11].

«Комсомольская» характеристика из Карачаево-Черкесского педагогического института аттестовала Миру как активную комсомолку, участницу всех проводимых комитетом ВЛКСМ мероприятий. «Среди студентов-комсомольцев нашего института тов. ТЛЯБИЧЕВА отличается скромностью и исключительной вежливостью. Тов. ТЛЯБИЧЕВА постоянно занимается политическим самообразованием, учится отлично, пользуется заслуженным авторитетом и уважением товарищей, комсомольских взысканий не имеет» [2, л. 9].

Четвертый отзыв являлся наиболее содержательным и раскрывал личность стихотворца в творческом аспекте:

«Тлябичева Мира – одна из талантливых творцов молодой литературы, первая девушка-абазинка, которая пробует свои силы в области поэзии и прозы.

Еще ученицей восьмого класса областной национальной школы-интерната Мира принесла в редакцию областной газеты «Коммунизм алашара» свои короткие стихи. Они были посвящены Родине, родной школе, труду ученических бригад. Своеобразный детский юмор, детская искренность, простота – все сочеталось в коротеньких стихах. Но в них не хватало одного – мастерства. Литераторы указали недостатки в ее стихах, помогли разобраться в них. Девочка быстро улавливала все, что говорили старшие. С каждым приходом в редакцию она приносила более отточенные <...> стихи. Лучшие из них были опубликованы в газете. Так началось ее первое знакомство с читателями.

Стихи ее вошли в литературно-художественные сборники «Цветение весны» – 1958 год, «Пламя гор» – 1959 год, «Абазашта» – 1960 год.

Стихи Тлябичевой Миры своеобразны. Она имеет свой почерк, может уловить тонкости природы, свежесть событий, всегда подчеркивать и возвышать красоту человека, его труд и ум. <...> В последнее время писательница пробует свои силы и в области прозы. Ее короткие рассказы «Тарелка», «Индюк», «Подруга у доски» и другие глубоко раскрывают психологию детей, их жизнь, их мир. Автор неустанно ищет и находит новые образы, сравнения, удачно использует народную мудрость в своих произведениях.

Мира Тлябичева и по своему возрасту и по жизненному опыту очень молода, но, читая ее произведения, чувствуешь талант, обещающий много хорошего для абазинской литературы» [2, л. 5-6].

Отметим, что рецензия была написана руководителем абазинской секции областного отделения Союза писателей Б. Тхайцуховым, тоже молодым поэтом.

Среди документов подобного рода особняком стоит обращение областного комитета партии к секретарю правления Союза писателей СССР К.А. Федину и директору Литературного института Ю.Г. Лаптеву:

«Карачаево-Черкесский обком КПСС просит Вас поддержать рекомендуемую нами кандидатуру в Литературный институт им. А.М. Горького девушку-горянку ТЛЯБИЧЕВУ Миру Сахат-Гериевну. Она единственная горянка-абазинка, которая после окончания средней школы стала выступать на страницах областных газет и в сборниках со своими лирическими стихами и детскими рассказами в 1957 году.

В настоящее время Мира Тлябичева учится в Карачаево-Черкесском пединституте на втором курсе¹. Имея большое желание посвятить свою жизнь литературному творчеству, желает поступить в Литературный институт им. А.М. Горького.

Учитывая, что многонациональная Карачаево-Черкесская область еще не имеет ни одной студентки из девушек-горянок в Литинституте, просим Вас принять ее на учебу в Литературный институт вне конкурса при очередном наборе слушателей в 1961 году» [2, л. 8].

Письмо подписал второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС Ш. Гошоков.

Изучая эти характеристики и рекомендации, невольно обращаешь внимание на то, сколько организаций было задействовано в том, чтобы всего один человек сумел перейти из одного вуза в другой! Удивляет готовность людей разных профилей отозваться, поддержать, оказать посильное содействие в подготовке профессиональных кадров для национальной литературы. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, какое пристальное внимание уделяло советское общество вопросу развития региональных литератур. В современных условиях о такой заботе остается только мечтать.

Среди архивных материалов личного и учебного дела Тлябичевой хранится «Справка о произведениях писателя», куда рукой самой поэтессы вписаны первые ее публикации с 1957 по 60-е годы: всего 23 стихотворения и 2 рассказа [2, л. 7].

Экзаменационный лист позволяет восстановить, какие экзамены, в какие дни и на какие оценки были сданы: сочинение (письменно) – 4 августа: «удовлетворительно»; русский язык (устно) – 7 августа: «хорошо»; русская литература (устно) – 7 августа: «отлично»; история народов СССР (устно) – 9 августа: «отлично»; иностранный язык (устно) – 11 августа: «хорошо» [2, л. 13].

Приказ о зачислении в институт был издан 22 августа и гласил:

«На основании результатов творческого конкурса и вступительных экзаменов, ЗАЧИСЛИТЬ с 1 сентября с.г. на 1-й курс основного отделения следующих товарищей:

Поэзия

14. ТЛЯБИЧЕВУ М.С.-Г.» [2, л. 14].

За время обучения в Литературном институте студентке-абазинке была объявлена благодарность за активное участие в работе на Владыкинской плодовоовощной базе [2, л. 17], разрешен творческий отпуск с 30 марта по 3

¹ Ошибка: в мае 1961 г., когда готовилось данное обращение, М.С.-Г. Тлябичева училась на *первом* курсе КЧГПИ.

апреля 1964 г. [2, л. 18] и отпуск для санаторного лечения с 10 октября по 2 ноября 1964 г. [2, л. 20]. С 7 февраля по 1 июля (фактически – до конца июля) 1965 г. она проходила практику при Союзе писателей Карачаево-Черкесской автономной области [2, л. 21], после чего ей была выдана характеристика, подписанная редактором абазинской газеты Х. Жировым и зав. отделом культуры и быта Б. Тхайцуховым:

«Студентка Литературного института имени А.М. Горького Тлябичева Мира Сахатовна проходила практику при редакции областной газеты «Коммунизм алашара» с февраля по август месяц 1965 года. Молодая поэтесса в течение шести месяцев широко ознакомилась с журналистской работой и показала себя творчески способной, инициативной журналисткой.

Практику тов. Тлябичева проходила в отделе культуры и быта на должности литературной сотрудницы. За время практики Мира Тлябичева написала много статей, корреспонденций и очерков. Особое внимание заслуживают ее очерки «Молодость Старой Куввы», «На Зеленом острове», «Эльбурган». Эти очерки прошли под рубрикой «Аул и время» и были посвящены новому облику горских аулов. Автор собрал богатый материал о прошлом аулов Старо-Кувинска, Эльбургана, Инжич-Чукуна, города Черкесска и умело показал все то новое, что дала Советская власть горцам. Очерки получили одобрение в кругу журналистов, а редакция получила много теплых читательских откликов на них.

За время практики Мира Тлябичева научилась работать с рабселькоровскими письмами, самостоятельно оформлять газету. Ею были написаны три обзора на стихи молодых начинающих поэтов.

Практикантка показала себя дисциплинированной, исполнительской и пользовалась всеобщим уважением коллектива. За интересный репортаж «Домик в горах» приказом редактора газеты Мира Тлябичева получила благодарность» [2, л. 23].

Судя по зачетной книжке, училась Мира Сахат-Гериевна очень неровно. Так, зимнюю сессию первого курса она закрыла на «отлично», в летнюю из пяти дисциплин три она освоила на «хорошо», два – на «отлично». Первые два экзамена зимней сессии второго курса она прошла с хорошими отметками, а третий – посредственно. По всей вероятности, ей не хватило времени на подготовку, так как предыдущий экзамен она сдала 18 января 1963 г., а последний – на следующий день, 19 января.

Сходная картина повторилась и в летнюю сессию: показав хорошие знания на первом экзамене и отличные на втором и третьем, на четвертом она получила «удовлетворительную» оценку. Зачетная книжка позволяет установить, что последние два экзамена Мира сдавала в один и тот же день – 15 мая 1963 г., следовательно, времени на подготовку к самому последнему из них у нее не было вообще.

Самые низкие учебные показатели Тлябичева дала в летнюю сессию третьего курса (из пяти предметов четыре – на «удовлетворительно» и один – на «хорошо») и зимнюю сессию четвертого курса (из четырех предметов три – на «удовлетворительно» и один – на «хорошо»). Вероятно, это объясняется

неожиданным психологическим ударом: в 1964 г. скончался отец, и ей нужно было присутствовать и принимать участие в ритуале похорон, поминок и т.д. Именно этой ситуацией объясняется вынужденный творческий отпуск с 30 марта по 3 апреля, и санаторное лечение с 10 октября по 2 ноября 1964 г., о которых мы упоминали выше. Весь следующий семестр с 7 февраля по 31 июля 1965 г. она провела на практике при абазинской газете, в институт вернулась лишь к сентябрю, когда душевное равновесие восстановилось. В результате зимнюю сессию пятого курса Мира прошла с отличными знаниями, затем 31 марта 1966 г. защитила дипломную работу по теме «Белые облака» с оценкой «отлично», 4 июня выдержала государственный экзамен по русской и советской литературе («хорошо»), 21 июня – госэкзамен по марксистско-ленинской философии («отлично») и, таким образом, завершила полный курс обучения. Всего за студенческие годы ею было сдано 43 зачета и 32 экзамена: из них по 10-ти предметам были выставлены отличные оценки, по 12-ти – хорошие, еще по 10-ти – посредственные.

24 июня 1966 года вышел приказ, констатирующий факт окончания М.С.-Г. Тлябичевой Литературного института с присвоением квалификации «литературный работник» и выдачей диплома соответствующего образца [2, л. 24].

Мира Сахат-Гериевна вернулась на родину, поступила на работу в Карачаево-Черкесское книжное издательство старшим редактором и всю жизнь до выхода на пенсию трудилась в этом учреждении.

Керим Леонидович Мхце

Керим Леонидович (1949-2001) окончил школу-интернат в 1967 г., после неудачной попытки поступления в Карачаево-Черкесский педагогический институт несколько месяцев проработал на заводе Резиново-технических изделий в г. Черкесске, а затем был призван в ряды Вооруженных Сил.

Службу свою нес достойно, свидетельством чему являются присвоение звание сержанта, должности заместителя командира взвода, секретаря комсомольской организации роты, члена комитета комсомола воинской части. В апреле 1970 года был награжден медалью «За воинскую доблесть».

Приблизительно в это же время Керим решил и направился в приемную комиссию Литературного института. Сам поэт об этом вспоминал так:

«Мне повезло в одном: я служил в Московском военном округе, а на второй год меня перевели в часть, расположенную в самой Москве. И вот я чувствовал, что где-то здесь находится Литературный институт, в который я стремился всей душой. И то обстоятельство, что можно выйти из части, сесть в троллейбус или вагон метро и доехать до института, подбадривало и воодушевляло меня. И вот к концу службы я взял увольнительную и отнес свои стихи с подстрочным переводом на творческий конкурс Литинститута. Там такая система: прежде, чем сдавать вступительные экзамены, ты должен пройти творческий конкурс, состоящий из трех туров. В комиссии, как правило, сидят известные поэты, писатели, литературоведы. И только те, кто прошел этот

конкурс, допускаются к экзаменам. В год, когда я поступал, на одно место было подано свыше 200 заявлений. После первого тура мне сказали, чтобы я готовился к экзаменам. Прошел и следующие два тура. И вот через какое-то время в часть, где я служил, пришло извещение о том, что я прошел творческий конкурс. Теперь нужно было сдавать вступительные экзамены, и командование, благодаря тому, что я был не на плохом счету, пошло мне навстречу и разрешило принимать в них участие. Командир роты оставлял мне ключи от канцелярии, и ночью, после отбоя, я заново изучал нужный мне учебный материал. Через три года после школы, конечно, многое забывается. Тогда мы сдавали пять экзаменов: сочинение, русский язык, литературу, историю, иностранный язык. Я готовился добросовестно, и первые четыре сдал на «отлично». Я прямо в военной форме и ходил на экзамены. Остался последний – немецкий. Я начал повторять школьный курс, и тут меня взяло сомнение: одолею ли? До экзамена оставалось два – три дня, а я практически ничего не помню. Но вот и день последнего испытания настал. Я вошел. Мне дали текст для перевода. Смотрю на него – и ничего не смыслю. Мне дали словарь, сижу, листаю его... Ну не сидеть же целый день. Вызвали меня. Сел я и стал отвечать из рук вон плохо.

Экзамен принимали мужчина и женщина. Когда я закончил, мужчина взглянул на женщину и произнес: «Фир». Я забыл, что «фир» по-немецки «четыре», почему-то подумал «два» и побледнел. Женщина в ответ согласно кивнула: «Я, я» и стала заполнять экзаменационный лист. Я затаил дыхание и слежу за ее ручкой. Смотрю, она выводит «4». Я не мог поверить: как во сне... Встал и неуверенно пошел к двери...

Потом я понял: это были люди неравнодушные, участливые к чужой судьбе, и если они были в состоянии оказать кому-то помощь, они такой возможности не упускали. Так вот мне посчастливилось» [6, с. 70-71].

Таким образом, еще не сменив военную форму на гражданскую, Керим оказался студентом Литературного института им. А.М. Горького. Приказ о зачислении в институт вышел позднее: «На основании результатов творческого конкурса и вступительных экзаменов ЗАЧИСЛИТЬ с 1 сентября 1970 года на I курс дневного отделения следующих товарищей:

Поэзия

10. Мхце Керима Леонидовича.

ОСНОВАНИЕ: Решение Приемной комиссии Литературного института от 11 августа 1970 г.» [3, л. 1].

Окончание сдачи вступительных экзаменов совпало с увольнением в запас, и Керим с легким сердцем поехал домой, остаток лета провел в ауле и к началу учебного года вернулся в Москву уже в качестве студента.

Он был определен на семинар поэзии, которым руководил известный литературовед А.А. Михайлов, автор крупных монографий по творчеству В. Маяковского, он же преподавал ему литературное мастерство. Античную литературу вела профессор А.А. Тахо-Годи, зарубежную литературу 17 – 18 веков – профессор С.Д. Артамонов. Они тогда являлись авторами учебников, по которым обучались студенты филологических специальностей в вузах всей

страны. Советскую литературу преподавал проректор института по учебной и научной работе А.М. Галанов, основы театрального искусства – ректор В. Пименов, зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения – В.А. Дынник, специализировавшаяся на провансальской лирике. На лекциях она читала стихи на французском языке и тут же приводила собственные переводы. Это не просто впечатляло, – восхищало!

Воздействовала и сама демократическая атмосфера, царившая в стенах института. «Сопоставлять интеллектуальный и культурный уровень преподавателей с нашим – смешно. Между нами была огромная разница, и при этом они обращались к нам, как к равным, уважительно, как бы советуясь. Для меня это имело большое значение, и потому я признателен им душой и сердцем до конца своих дней» [6, с. 72].

О руководителе поэтического семинара, Александре Алексеевиче Михайлове, Керим отзывался так: «Был человеком большой культуры. Семинары его были удивительны. Он очень много дал мне. Он, как из пластилина, вылепил из меня то, что я сейчас собой представляю. При всей эрудиции Александр Алексеевич был очень скромно. С 17 лет принимал участие в Отечественной войне, обе стороны груди были увешаны орденами и медалями. А мы ничего не знали, только на выпускном вечере и увидели. До сих пор интересуется нами, следит за своими питомцами. Когда меня приняли в Союз писателей, специально позвонил по телефону, чтобы поздравить, а я-то про него совсем забыл...» [6, с. 73].

Первую зимнюю сессию Керим сдал довольно слабо: две «четверки» (новая и новейшая история, древнерусская литература) и две «тройки» (античная литература, введение в языкознание). Следующую, летнюю, – значительно лучше: введение в литературоведение, русскую литературу 18 века, зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения – на «отлично», а историю СССР и современный русский язык – на «хорошо». И далее экзаменационные отметки держались на этом же уровне, хотя изредка в зачетную книжку пробирались и «удовлетворительные» оценки.

В феврале 1971-го исполнился год, как Керим еще в армии стал кандидатом в члены КПСС. И вот по истечении испытательного срока в стенах Литинститута он был принят в партию. Уже со второго курса он входил в состав партбюро института, являлся секретарем студпрофкома [3, л. 6].

К концу первого курса Кериму была дана письменная характеристика, подписанная партгором, профгором и старостой группы: «Мхце К.Л., член КПСС, за время учебы в институте зарекомендовал себя серьезным, добросовестным студентом, к учебному процессу относится ответственно, активно участвует в работе семинаров и практических занятий. Много читает, аналитически следит за событиями в жизни страны, интересуется жизнью трудящихся зарубежных стран. Активно участвует в жизни коллектива, является членом Стипендиальной комиссии, членом народной дружины. В быту скромно, морально устойчив. 12.5.71» [3, л. 4].

Тогда же отзыв на своего студента написал руководитель семинара А.А. Михайлов: «Несмотря на свою молодость (ему 22 года) Керим Мхце издал

две небольших книжечки стихов на абазинском языке. К поэзии относится серьезно. Его недостаток в том, что он рано «помудрел», очень хочет казаться старше своих лет, боится выразить себя молодого, страстного, сегодняшнего. К этому я и призываю Керима. А все остальное у него есть. Доверие к себе и к темам современности может вывести его на большую дорогу поэзии. Заслуживает перевода на 2-й курс. 20.05.71» [3, л. 5].

Такой же отзыв Михайлов дал Кериму и после окончания им второго курса: «Серьезный студент. Кажется даже несколько замкнутый в себе, редко выступает на семинарских занятиях, только – по поручению. По сравнению с прошлым годом заметно некоторое движение по преодолению традиционности, локальности, образной и тематической ограниченности. Шаги в этом направлении сделаны еще робкие, но обдуманые. Пытается переводить на русский язык свои стихи и стихи товарищей. Речь идет о художественных переводах. Пока оценивать их воздержусь. Заслуживает перевода на 3 курс. 11.05.72» [3, л. 7].

На третьем году обучения Керим написал курсовую работу по теме «Традиция и современность в творчестве абазинского поэта Микаэля Чикатуева». Рецензируя ее, проректор по учебной и научной работе А.М. Галанов писал: «Это очень добросовестная и искренняя работа, содержащая немало серьезной информации относительно проблем, какие стоят перед абазинской литературой да и, видимо, перед литературами других малых народов. К. Мхце откровенно пишет о своих тревогах насчет судеб родного языка и судеб своей литературы, которая возникла лишь в советское время и которой, как он пишет, надо совершить почти невероятное – за кратчайший срок догнать литературы других народов. В рассуждениях автора немало спорного или же прямолинейного, и все же его тревоги и опасения, видимо, основательны, и о том ему было подробно сказано, когда была беседа о достоинствах и недостатках этой его работы. Приятно отметить хорошие, уверенные знания автором русского языка: он допускает совсем немного не только орфографических, но и стилистических ошибок и огрехов» [3, л. 14].

Заслуживает внимания и тот факт, что в следующем году темой курсовой работы Керим избрал для себя стих раннего Маяковского. Выбор удивляет тем, что пролетарский поэт никогда не числился среди его любимых авторов, и в своих творческих исканиях он на него не ориентировался, хотя нужно признать наличие некоторых переключек лирического героя Мхце с героем Маяковского [7, с. 15]. Значит, Керима что-то в нем все же привлекало, чем-то Маяковский ему был дорог и интересен.

Работу проверил доцент Бирюков, и 26 декабря 1973 г. им был выставлен зачет. Отзыв его, правда, оказался довольно сухим и лаконичным: «К теме подходит правильно. В работе много материала. Излагает логично. Умеет рассуждать, доказывать свои положения» [3, л. 19].

Отметим и следующие вехи в студенческой жизни Мхце:

с 20 по 23 ноября 1972 г. проходил производственную практику в г. Тула, где вместе с другими сокурсниками принимал участие в литературных встречах с трудящимися предприятий и жителями города [3, л. 11];

немногим ранее он вместе со студентом С.А. Луцким побывал в Германской демократической республике в составе делегации Литинститута [3, л. 12]. Возглавлял группу Юрий Бондарев, автор известных романов «Горячий снег» и «Берег»;

с 5 апреля по 30 июня 1974 г. прошел преддипломную учебно-производственную практику в отделе культуры абазинской газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма») [3, л. 21];

13 марта 1975 г. под руководством доцента А.А. Михайлова выполнил и с оценкой «отлично» защитил дипломную работу по творчеству на тему «Когда проснутся белые акации» [3, л. 46];

3 июня того же года сдал государственный экзамен по марксистско-ленинской философии с оценкой «хорошо», а через неделю – второй госэкзамен по русской и советской литературе (тоже на «хорошо») [3, л. 45];

и уже 20 июня вышел приказ по Литературному институту, подводивший итог пятилетнему сроку обучения: «Считать окончившими Литературный институт им. А.М. Горького СП СССР с присвоением квалификации «литературный работник» и выдачей обычных дипломов следующих студентов:

21. Мхце Абдул-Керима Леонидовича» [3, л. 32].

За годы обучения в Литинституте Керим изучал историю СССР, новую и новейшую историю зарубежных стран, историю КПСС, политэкономия, основы научного коммунизма. Была пройдена вся зарубежная литература, начиная с античной и заканчивая современной, вся русская литература от фольклора и древнерусской до второй половины 20 века. Важное значение имели теоретические курсы: введение в литературоведение, теория и практика стихосложения, драмы, художественной прозы и перевода. В программе свое прочное место занимали языковедческие курсы: история русского литературного языка, введение в языкознание, современный русский язык, практическая стилистика, теория и практика редактирования. Большую роль в расширении культурного кругозора играли также дисциплины по основам музыкального, изобразительного, театрального искусств, кинодраматургии и киноискусства. Всего было освоено 45 дисциплин, из них только 4 были сданы на «удовлетворительно», 2 из них – языковедческого направления. Судя по приложению к диплому, Мхце получил зачеты по 21 предмету, спецкурсу и семинару, 11 «хороших», и 9 «отличных» оценок [3, л. 26]. Помимо того, им были сданы государственные экзамены по марксистско-ленинской философии, русской и советской литературе, защищена дипломная работа по творчеству.

На вопрос о значении института в его судьбе поэт ответил буквально следующее: «Мой интеллект и общий уровень культуры до поступления в Литературный институт, можно сказать, были равны нулю. Когда я окончил, может быть, не столь глубоко, но, тем не менее, какое-то представление о мировой культуре у меня сложилось. Для пишущего человека это имеет огромное значение. Если я абазинский писатель, это никак не означает, что я должен ограничиваться традициями только своей литературы, что я не должен иметь иных культурных корней, иных ориентиров. Так я ничего не создам, и

литература наша и шага не ступит вперед, если все мы начнем придерживаться такого мнения. В этом отношении трудно переоценить то, что дал мне Литературный институт: это бездонный кладезь» [6, с. 82].

* * *

Микаэль Чикатуев, Мира Тлябичева, Керим Мхце были первыми из абазин, получившими профессиональное образование в Литературном институте. Немного позже этот же вуз окончила Фатима Апсова (1976). В 1960-70-е годы двухгодичные Высшие литературные курсы при этом же институте прошли Кали Джегутанов, Пасарби Цеков, Бемурза Тхайцухов, Джемудалин Лагучев. Таким образом, в достижения абазинской национальной литературы второй половины XX века Литературный институт имени М. Горького внес неоценимый вклад.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное и учебное дело. Чикатуев Михаил Хаджиевич. 511 ук. о/отд. 58 л.
2. Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное и учебное дело. Тлябичева Мира Сахат-Гериевна. 742 ук. о/отд. 45 л.
3. Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело. Керим Леонидович Мхце. 49 л.
4. Запись беседы с поэтом М.Х. Чикатуевым 12.01.1993 г. – Архив П.К. Чекалова.
5. Литературный институт имени А.М. Горького // Википедия – Wikipedia – общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Литературный институт имени А. М. Горького](https://ru.wikipedia.org/wiki/Литературный_институт_имени_А._М._Горького) (дата обращения: 27.07.2017).
6. Чекалов П.К. «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...». Страницы творческой биографии К.Л. Мхце. – М.: У Никитских ворот, 2017. – 376 с.
7. Чекалов П.К. Маяковский и абазинская поэзия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1991. – 18 с.
8. Чикатуев М. Творческая автобиография // Чикатуев М. Поющее сердце. – Москва, 2010. – 496 с.

УДК 821.352.1.09

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-155-172

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В СУДЬБАХ АБАЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: МИКАЭЛЬ ЧИКАТУЕВ, МИРА ТЛЯБИЧЕВА, КЕРИМ МХЦЕ

П.К. ЧЕКАЛОВ

*Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования
355007, г. Ставрополь, ул. Трунова, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru*

Аннотация. На основе архивных материалов, автобиографий, воспоминаний восстанавливается история поступления и обучения в Литературном институте имени М. Горького трех абазинских поэтов: Микаэля Чикатуева, Миры Тлябичевой, Керима Мхце. Исследованию, в первую очередь, подвергаются личные и учебные дела студентов, содержащие рекомендательные письма и характеристики, экзаменационные листы с датами вступительных экзаменов и оценками, зачетные книжки и учебные карточки с результатами зачетных и экзаменационных испытаний, выпускных государственных экзаменов, дипломных работ с указанием тем, дат, баллов; выписки из приказов о приеме, переводе с курса на курс, прохождении производственных практик, окончании института. Систематизация, анализ и описание архивных материалов позволили вскрыть и воспроизвести многие неизвестные ранее биографические детали студенческой поры, образовательный и профессиональный уровень людей, сыгравших важную роль в истории развития абазинской национальной литературы во второй половине XX века.

Ключевые слова: литературный институт; абазинская литература; XX век; Чикатуев; Тлябичева; Мхце; биография; профессиональное становление.

**THE INSTITUTE OF LITERATURE
IN THE DESTINIES OF THE ABAZA WRITERS:
MIKAEL CHIKATUEV, MIRA TLABICHEVA, KERIM MHTSE**

P.K. CHEKALOV

*Stavropol Regional Institute of Education Development, Professional Development and
Retraining of Educators
355007, Stavropol, Trunov street, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru*

Abstract. On the basis of archival materials, autobiographies, memories history of admission and training at the Institute of Literature named after M. Gorky three of Abaza poets: Mikael Chikatuev, Mira Tlabicheva, Kerim Mhtse is restored. The study, in the first place, is based on the personal and academic student files containing letters of recommendation and features of exam sheets with the dates of entrance examinations and exam points, record books and educational cards with the results of the test and exams, graduation state exams, diploma works with the topics, dates, points; extracts from orders on admission, transfer from course to course, the passage of practical training, graduation. Systematization, analysis and description of archival materials allowed to reveal and to reproduce many previously unknown biographical details of their student times, educational and professional level of people that played an important role in the history of Abaza national literature in the second half of the twentieth century.

Key words: Institute of Literature; Abaza literature; XXth century; Chikatuev; Tlabicheva; Mhtse; biography; professional training.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА
(на примере Кабардино-Балкарии)****Р.Г. Ошроев****Общий контекст проблемы**

Предварительным условием серьезного анализа любой проблемы, в том числе и заявленной, следует считать необходимость хотя бы краткой характеристики общественных условий и тенденций их изменения в тот период, которому принадлежит объект исследования. По сравнению с условиями информационной и социальной изоляции советского времени, на современном этапе и перед суверенными государствами, и перед отдельными индивидами, и перед местными обществами открылись новые возможности идеологического, политического и культурного выбора. Равным образом, у внешних сил появилось гораздо больше возможностей влиять на культурно-идеологические и политические процессы в России в целом, и на Северном Кавказе, в частности [11, с. 18]. Вполне понятно, почему на сегодняшний день проблема экстремизма наряду с коррупцией относится к числу самых обсуждаемых тем на всех уровнях: международном, российском, региональном, муниципальном. Непосредственным образом актуальность темы исследования объясняется тем, что Россия объявила борьбу с экстремизмом и терроризмом приоритетным направлением и важной частью стратегии национальной безопасности страны [23]. Согласно сложившимся в научных кругах и общественном сознании установкам вопрос полноценной ее реализации представляется особенно актуальным «в самом взрывоопасном регионе» российского геополитического пространства – на Северном Кавказе*. Достижение здесь стабильности считается важнейшей задачей обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России. Не в последнюю очередь полноценному претворению в жизнь отмеченной стратегии на региональном уровне призвана способствовать Государственная программа Кабардино-Балкарии «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2013–2020 годы» [18]. В отличие от предшествовавших ей

* В задачи настоящей статьи не входит подтверждение, либо опровержение такого представления о Северном Кавказе. Важно, что такая точка зрения существует, и ее необходимо учитывать при оценке качества и полноты претворения в жизнь соответствующих разделов различных программ по профилактике и противодействию экстремизму в Кабардино-Балкарской Республике.

подобных программ, этот документ одновременно направлен на профилактику и противодействие экстремизму, терроризму, коррупции.

Вообще, экстремизм в поведении человека и социальных групп – явление свойственное каждой исторической эпохе. Осуществить его исчерпывающее изучение и добиться в ограниченные сроки его полного искоренения практически невозможно. Это должен быть перманентный процесс, позволяющий учесть накопленный позитивный и негативный опыт и отразить меняющиеся условия.

В моменты значительных потрясений и переломов, периодически возникающих в процессе развития любого общества и связанных с существенными деформациями условий и образа жизни людей, внезапно образующимся вакуумом ценностей, изменением материальных показателей, неясностью жизненных перспектив и неизбежным обострением противоречий, экстремизм и терроризм становятся одной из наиболее опасных негативных характеристик социально-политической динамики.

Следует отметить, что распространение молодежного экстремизма – одна из острейших проблем не только Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа, но и России в целом. По данным МВД РФ в 2009 г. в стране действовали около 150 экстремистских молодежных группировок. В их деятельность были вовлечены почти 10 тысяч человек. Причем, наибольшее количество молодых людей, связанных с организациями и группами экстремистской направленности фиксировалось в Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской, Воронежской, Самарской, Мурманской, Нижегородской областях [28, с. 7]. Тогда же, выступая в Госдуме, генеральный прокурор России Ю. Чайка заявлял: «Ни политический, ни религиозный, никакой другой экстремизм не возникает сам по себе. Он – следствие состояния общества. Оценивая глубинные причины экстремистских настроений, мы соглашаемся со специалистами, считающими, что в их основе лежат, прежде всего, социально-экономические причины: социальное неравенство, бедность, отсутствие социальных перспектив, особенно для молодых граждан страны» [28, с. 8].

Оценки факторов распространения экстремизма

Выше отмечалось, что эти проблемы невозможно преодолеть за короткий срок, и спустя восемь лет после упомянутого выступления генерального прокурора не приходится говорить о кардинальном улучшении положения и о снижении интереса к заявленной теме. Опыт решения проблем современного общества показывает, что не существует отдельно взятых проблем политического, экономического, социального и культурного содержания вне их тесного переплетения между собой. Следовательно, и эффективность их решения будет зависеть от установки на получение синергетического эффекта, а не на достижение определенных показателей в конкретном сегменте.

Современное общественное сознание относит деятельность по профилактике и противодействию экстремизму главным образом к сфере

компетенции правоохранительных органов. Нельзя сказать, что они не реагируют на рост экстремизма. Однако многие мероприятия по борьбе с этим явлением не приносят ощутимых результатов. В общественном сознании все больше укореняется мнение, что лишь ужесточением наказания экстремизм не искоренить, необходимо бороться не столько с его следствиями, сколько с причинами его возникновения. Если же говорить о перспективах искоренения этой проблемы, то в экспертном сообществе по данному вопросу преобладают пессимистические взгляды. К примеру, по мнению директора Центра Кавказских исследований МГИМО, профессора В.В. Дегоева условия неуклонного нарастания разрыва между властью и обществом, порождают два естественных для такой ситуации явления – социальную апатию и социальную агрессию. Первая плодит армию дезориентированных политически пассивных маргиналов (наркоманы, алкоголики, бездомные, мелкие преступники и т.д.). Вторая представляет собой непосредственную основу возникновения активного отторжения официального общества с четко выраженным экстремистским акцентом. Иными словами, это и есть социальная база, откуда можно рекрутировать исполнителей преступных (в первую очередь террористических) акций [6, с. 14].

Относительно опыта развития Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа последних десятилетий существует мнение, согласно которому идущие здесь «процессы определялись до настоящего времени формами стихийного приспособления местного населения к условиям государственного распада и экономического кризиса и активностью внешних сил в большей степени, чем целенаправленной и долгосрочной политикой российского государства» [4]. Наиболее зримо эти процессы отразились на молодом поколении. Резко обострилась проблема занятости, ухудшилось материально-бытовое положение, и усложнился доступ к образованию; произошла кардинальная трансформация духовных и нравственных ценностей; своего рода нормой стала криминализация; наблюдаются проявления личностной деградации.

Согласно переписи населения 2010 г. численность молодежи Кабардино-Балкарии в возрасте от 15 до 29 лет составляла 227898 чел. Из общего количества около 161 тыс. чел. молодых людей в трудоспособном возрасте (20-29 лет) лишь около 91 тыс. чел. были заняты трудовой деятельностью, в т. ч. по совместительству [14, с. 8]. Связано это с тем, что «предложение на легальном рынке труда десятикратно превысило спрос. Небывалые масштабы приняла трудовая миграция и безработица, прямым результатом которой стали психологическая депрессия и отчаяние. Данная ситуация неизбежно создает мощную социальную базу и для криминогенных процессов, и для реальной, хорошо структурированной преступности с самыми изощренными видами специализации» [6, с. 16]. Фактор безработицы не ведет напрямую к эскалации радикальных настроений в обществе, но он создает благоприятные условия для тех, внешних и внутренних сил, которые стремятся манипулировать сознанием молодых людей и вовлекать их в социально-деструктивные формы активности.

Социализация и личностное формирование подрастающих поколений Кабардино-Балкарской Республики 1990-х гг. прошли в основном в условиях

негативной социально-экономической и политической ситуации, что создало соответствующие предпосылки для маргинализации значительной части молодежи, девиации ее поведения, включая экстремизм. Этому способствовали: сложная межэтническая, этнополитическая и конфессиональная ситуация; отсутствие официальной, цементирующей поликультурное пространство идеологии; кризис идентичности; кризис института семьи; потеря образовательной системой своих былых воспитательных функций; влияние внешних факторов; неконтролируемая миграция; экономический кризис в условиях массовой безработицы и трудоизбыточности региона и т.д. В экспертном сообществе утвердилось мнение, что к середине первого десятилетия XXI в. распространение экстремизма в Кабардино-Балкарии стало одной из насущных и злободневных проблем. Вопреки сложившимся у части экспертов, наблюдающих ситуацию «со стороны», эта проблема не несла этнического наполнения и не была выражением межэтнической напряженности. Доля тех, кто ощущал высокую степень конфликтности в отношениях национальных групп оставалась на уровне около 10% по разным опросам. Еще в 2002 г. в Е.Х. Апажева в своей работе «Молодежь как фактор стабилизации или нормализации межэтнических отношений на Северном Кавказе», указывая на тенденции сохранения «межэтнической напряженности», писала о расползании терроризма, как явления политического и религиозного экстремизма, противодействующего позитивным тенденциям развития институтов гражданского общества в регионе, общим демократическим тенденциям [1, с. 34-36].

Достаточно категоричными представляются взгляды известного кавказоведа А.А. Ярлыкапова относительно факторов экстремизма и терроризма на Северном Кавказе. В своей работе «Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России» он пишет, что «Молодые люди на своих плечах испытывают практически все пороки общества, особенно чудовищную по масштабам коррупцию. Завершение обучения в школе и сдача экзаменов сопровождается взятками, которые затем сопровождают молодого человека в годы обучения в вузе: немалые деньги нужны при поступлении в вуз, а затем каждый зачет и экзамен также имеют свою цену. Окончание обучения и последующее поступление на работу также требуют денег. Молодой человек, даже поступив на работу, понимает, что, во-первых, если кто-то даст взятку больше, чем он, его пребывание на этом месте может закончиться увольнением, а во-вторых, сынки богатых и влиятельных людей уже заняли все более-менее престижные ниши. Ему, даже если он талантлив и потрясающе работоспособен, крайне трудно выбиться в люди». Аналогичный взгляд на проблему позволил О.М. Цветкову сформулировать тезис о том, что «нерешенность актуальных социальных проблем – коррупция, безработица, слабые социальные гарантии и др. – вновь и вновь будут воспроизводить локальные варианты мусульманского «диссидентства», стремящегося уйти из-под жесткой опеки «официального» традиционного ислама» [27, с. 110]. О.В. Бобровников отмечает необходимость принимать в расчет

криминализацию общества и учитывать то, что политика просто надоела обывателям (в том числе и мусульманам) [3].

Вывод представляется очевидным: поскольку активизация экстремизма представляет серьезную опасность для современного общества, он должен быть глубоко и всесторонне изучен, в том числе средствами социологического исследования, как явление, требующее научного, а в равной степени общественного, политико-правового, социально-экономического, административно-управленческого, социокультурного и идеологического противодействия. Если говорить об опыте проведения социологических исследований по рассматриваемой проблеме, то согласно оценкам отечественных социологов, потенциал экстремизма в молодежной среде коренится в экстремальной сущности сознания молодежи, которое приобретает крайние формы под влиянием социальной неопределенности, характерной для современного российского общества [2; 13; 22; 25;].

Что же касается Кабардино-Балкарской Республики, то в современной научной литературе вопросы экстремизма и терроризма не получили должного освещения. Имеющиеся результаты исследований данной проблемы либо только фрагментарно доступны научному сообществу, либо вовсе не обнародованы и остаются документами для служебного пользования. Результаты же обнародованных социологических замеров по вопросам общественного восприятия проблем экстремизма и терроризма не могут претендовать на основательность по той простой причине, что не содержат достаточной информации, дающей полноценную возможность рассмотреть их с точки зрения репрезентативности. Словом, проблема научного анализа экстремизма и терроризма в КБР в настоящее время не разрешена с методическим применением соответствующего исследовательского инструментария.

Принципы и методы разработки программ действия

В мировой практике разработку любых государственных программ, направленных на решение злободневных проблем современности, принято начинать с комплексного анализа соответствующих проблем, в т.ч. с определения используемых ключевых терминов. В общероссийских и региональных нормативно-правовых документах определения по вопросу о том, что следует понимать под термином «экстремизм» нуждаются в устранении определенных недочетов и расхождений. В РФ правовое определение вопроса, – какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [24].

Не вызывает сомнений, что в региональной нормотворческой практике соответствующим образом должны быть отражены принципиально важные структурообразующие элементы федеральных законов, указов, постановлений, программ с учетом местной специфики и не должны допускаться противоречия и расхождения с ними [17]. В первую очередь это касается вопросов, связанных

с основными терминами, используемыми в законах и программах федерального и регионального масштабов, которые должны отвечать принципу релевантности. Если говорить о Кабардино-Балкарии, то здесь в 2008 г. была принята Республиканская целевая программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике на 2008–2010 годы». Она была разработана в соответствии с Федеральными законами от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Указами Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму», от 13 сентября 2004 г. № 1167 «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом» [21]. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом документе, как и в последующей редакции, продлевающей его действие на 2011–2014 годы [16], не нашлось места для изложения того, что следует понимать под словом «экстремизм».

На сегодняшний день, как было уже отмечено, действующим документом, регламентирующим вопросы профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в Кабардино-Балкарской Республике является Постановление Правительства КБР от 02.09.2013 N 240-ПП «О Государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2013–2020 годы» [18]. Контент-анализ этого документа показал, что термин «экстремизм», упоминается в программе 98 раз. Но, как и в предшествовавших документах, он и здесь не представлен с соответствующим определением [18].

Отсутствие системного научного анализа не позволяет реально оценить значение некоторого снижения числа преступлений экстремистской направленности: что это, конъюнктурные колебания динамики преступности или структурно обусловленная тенденция? Разумеется, острота проблем общеуголовной преступности не позволяет сосредоточиться на проблеме только экстремизма. 25 июля 2014 г. на расширенном заседании постоянно действующего координационного совета по обеспечению правопорядка в КБР Глава Республики отмечал, что за предшествующие 5 лет нераскрытыми осталось 16277 преступлений, в их числе 164 убийства, 275 разбоев, 117 тяжких телесных повреждений, 1439 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, более 600 фактов изготовления и сбыта фальшивых денег. Без имущества остались 688 владельцев автотранспорта, полторы тысячи собственников квартир и домов. 700 сельских жителей и фермеров безвозмездно утратили свою живность [8].

На этом фоне проблема экстремизма и терроризма в Кабардино-Балкарии не стала объектом и предметом для проведения надлежащего социологического мониторинга, как того требовала Республиканская целевая программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике на 2008–2010 годы». Оставляет желать лучшего качество

организации тендеров на соответствующие исследования, а вопрос о важности проведения межреспубликанских сравнительных социологических исследований для выявления общего и особенного в профилактике и противодействии экстремизму вообще никем и не ставится.

Между тем вопрос о необходимости проведения научно-практического мониторинга проблем, связанных с противодействием экстремизму в отдельно взятой Кабардино-Балкарской Республике ставился на достаточно высоком уровне. 20 декабря 2013 г. на парламентских слушаниях на тему: «Об исполнении органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органами местного самоуправления законодательства Российской Федерации в сфере профилактики терроризма и экстремизма, а также в минимизации и ликвидации их последствий и мерах по совершенствованию такой работы» Представитель Главы Республики и Правительства КБР в Парламенте М. Дышекова говорила о необходимости глубокого основательного анализа и выработки научно-обоснованных рекомендаций для работы с молодежью, и для решения вопросов, касающихся профилактики экстремизма и терроризма. На этом же мероприятии заместитель председателя парламента КБР Р. Жанимов обращал внимание на то, что профилактика экстремизма и терроризма – это не только задача государства, но и в немалой степени, задача представителей гражданского общества [5].

В итоговый документ была включена рекомендация: «Организовывать проведение на основе мониторинга ситуации, складывающейся в Северокавказском федеральном округе и Кабардино-Балкарской Республике, комплексных научно-практических исследований по изучению причин и условий, способствующих распространению экстремистских идей, их общественного восприятия, уровня толерантности к их проявлениям с выработкой механизмов по совершенствованию деятельности государственных органов в сфере противодействия терроризму и экстремизму» [20].

Эти рекомендации, за исключением единичных не связанных друг с другом исследований, так и остались без должного внимания [7]. Показательно, что в одном из проведенных социологических исследований на вопрос о мерах, которые воспринимаются респондентами в качестве необходимых для создания препятствий экстремизму и ксенофобии в молодежной среде только 2,4 % отметили разработку и реализацию Республиканской целевой программы по профилактике экстремизма и терроризма [10].

Возвращаясь к проблеме мониторинга, отметим, что главным образом «социологический образ» проблем экстремизма в Кабардино-Балкарии формируется «взглядом со стороны», спорадическими исследованиями социологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова на-Дону. Но и он в значительной степени остается неведомым как местным ученым, так и властям республики. О постоянных замерах, способных дать системные представления относительно проблем и перспектив противодействия экстремизму и говорить не приходится. Глубокое понимание того, что наскоками решить эту проблему не представляется возможным, было продемонстрировано Главой КБР Ю.А. Коковым на прошедшем 7 октября 2014 г. расширенном заседании

антитеррористической комиссии. В постоянном внимании, подчеркнул он, нуждаются процессы, происходящие в молодежной среде, сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. В республике проводится целенаправленная работа по профилактике экстремизма, но практика показывает, что вовлечение, «рекрутирование» молодых людей в противоправную деятельность еще не остановлены. Особое внимание привлекли его слова о том, что «проводимые социологические опросы, мониторинги общественного мнения пока не отражают истинного положения дел о степени распространенности радикальных идей» [12]. Можно добавить, что по многим вопросам они вообще ничего и не отражают просто ввиду их отсутствия.

Проблема качества и эффективности действующих программ профилактики и противодействия экстремизму

Анализ нормативно-правового сопровождения профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в Кабардино-Балкарии показывает, что оно требует основательной экспертизы с привлечением представителей гуманитарной науки и гражданского общества, других специалистов на предмет: а) их полноты соответствия международным и общероссийским документам по ключевым аспектам; б) выявления степени и качества их реализации*.

Опыт реализации антиэкстремистских и антитеррористических нормативно-правовых документов показывает, что задачи различных программ по профилактике экстремизма и терроризма не носят строго обязательного

* В частности, объектом такой работы должны стать следующие пункты Государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2013-2020 годы»: 2.4. Проведение ежегодных комплексных научно-практических исследований (социологических опросов) по изучению причин и условий, способствующих распространению террористических и экстремистских идей, их общественному восприятию, других вопросов противодействия терроризму и экстремизму; 2.2.4. Проведение научных исследований на темы: «Роль религии в жизни граждан, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике»; «Миграционная ситуация и проблемы толерантности; традиции толерантного поведения в культуре народов Кабардино-Балкарской Республики»; 2.28. Организация и проведение этносоциологического исследования «Религиозный аспект молодежной идентичности в Кабардино-Балкарской Республике». Публикация монографии по материалам этносоциологического исследования «Религиозный аспект молодежной идентичности в Кабардино-Балкарской Республике»; 2.30. Подготовка и обеспечение издания научной, научно-популярной интернет-библиотеки, научно-образовательной литературы по вопросам толерантности, миролюбия и веротерпимости на материалах истории и современной общественной практики Кабардино-Балкарской Республики. Создание научной интернет-библиотеки подобных изданий; 2.31. Издание сборников материалов по: правовым аспектам террористической и экстремистской деятельности; психолого-педагогическим аспектам профилактики террористической и экстремистской деятельности.

характера^{*}, а потому во многом и не выполняются. В частности, на одном из парламентских слушаний представитель прокуратуры КБР отмечал, что «формализм, непрофессиональный подход и декларативность явились основными факторами в снижении предупредительной функции, а практически полное отсутствие ответственности уполномоченных должностных лиц в условиях неэффективного контроля исполнения мероприятий, сводят на нет существующую систему профилактики [5].

До сих пор не составлен социальный портрет ни экстремистов, ни террористов, ни объектов их посягательств. Это свидетельствует об отсутствии надлежащего спроса/заказа на подготовку фундаментальных исследований, направленных на полноценное решение проблем экстремизма и терроризма. Между тем, за полтора десятилетия так или иначе был выявлен персональный состав реальных и потенциальных (по оценке административных и правоохранительных органов) участников экстремистских и террористических групп. Если учесть, что для выявления определенных закономерностей требуется от 300 измеряемых единиц, то социологический массив, дающий полноценную возможность для глубокого исследования уже налично. Результаты такого исследования оказались бы на перспективу гораздо более ценными с точки зрения выработки эффективных мер профилактики и противодействия экстремизму, чем практиковавшиеся одно время меры индивидуального давления на отдельных представителей этой категории.

Такое положение дел не является случайным, хотя бы потому, что в республике нет практикующих социологов профессионалов, без которых не может идти и речи о проведении каких-либо серьезных социологических исследований. Освещение вопросов экстремизма и терроризма по большому счету оказывается делом непрофессионалов и зачастую не выходит за рамки «медийного дискурса». Так же не случайно, а то и закономерно, что при этом более или менее полную информацию по этим проблемам, главным образом, можно почерпнуть из внешних источников, зачастую ангажированных различного рода геополитическими, идеологическими и другими интересами. Еще в 2010 году на это обращал внимание директор экономико-правового института КБГУ М.Х. Гукешоков, указав на необходимость создания научного фонда: «Нужен социальный заказ. Иначе получится то, что произошло на конференции в КБГУ, где уважаемый профессор московского университета анализирует ситуацию на Северном Кавказе на основе данных министерств обороны США и Великобритании» [15]. Время показало, что рекомендации эксперта оказались невостребованными.

Анализ опыта реализации специальных государственных программ по профилактике и противодействию экстремизму и терроризму в Кабардино-Балкарии, обнаруживает некоторые факторы их недостаточной эффективности.

^{*} В частности, в качестве оснований для такого суждения можно привести факты отсутствия привлеченных к ответственности лиц, от которых, так или иначе, зависела перечень нереализованных на сегодняшний день мер антиэкстремистской направленности.

Организационные проблемы. Во-первых, не в полной мере используется потенциал научных организаций и учреждений высшего образования республики, прежде всего, в части комплексного изучения проблем экстремизма и терроризма; проведения социологического мониторинга общественного восприятия истоков, условий, причин и факторов экстремизма и терроризма; экспертизы сайтов антиэкстремистской и антитеррористической направленности и т.п. Проводимые с участием этих учреждений разовые мероприятия воспитательного характера важны и необходимы, но они не могут заменить вклад научных организаций и вузов, соответствующий их основной деятельности: исследованиям по проблематике экстремизма и терроризма и разработке научно-обоснованных рекомендаций для органов власти, институтов гражданского общества, системе образования республики. Во-вторых, не до конца решены вопросы мониторинга, корректного измерения и открытого экспертного обсуждения результативности как отдельных мероприятий и направлений, так и программ профилактики и противодействия экстремизму в целом. С этим связана проблема достаточности, стабильности и эффективности использования финансов, выделяемых на осуществление программ. Не случайно, что во вводной части республиканской целевой программы по профилактике экстремизма и терроризма в Кабардино-Балкарской Республике на 2008–2010 годы было отмечено, что «коренного перелома в решении вопросов профилактики терроризма и экстремизма можно добиться только путем комплексного подхода, подкрепленного соответствующими финансовыми и материально-техническими средствами» [9]. Это относится и к другим государственным целевым программам. То, что программы профилактики коррупции и правонарушений в КБР недофинансируются, в свое время было отмечено прокуратурой республики [19].

Содержательные проблемы. Главной проблемой является само качество постановки задач в программах. Так, Государственная программа Кабардино-Балкарской Республики «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2013–2020 годы» содержала в себе ряд некорректно сформулированных задач, заранее придававших им недостижимый характер. Яркий пример – первая из обозначенных задач – «недопущение совершения на территории Кабардино-Балкарской Республики террористических актов и экстремистских проявлений» [18]. Вместо слова «недопущение» следовало бы написать «комплексное противодействие».

На расширенном заседании постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в КБР, состоявшемся по инициативе главы республики Ю.А. Кокова 25 июля 2014 г. было отмечено, что «из практики планирования мероприятий не изжит формализм и их декларативность», «планируемые к реализации мероприятия не обеспечены финансовыми ресурсами», что «для людей важен результат, и они должны его видеть» [8]. Тем самым подтверждалась актуальность ранее поставленных задач «своевременного осуществления мониторинга по вопросам

эффективности принимаемых мер антитеррористической направленности» [18]. Вместе с тем, из рекомендаций Главы Республики можно сделать вывод о том, что без ориентира на доведение до широкой общественности результатов такой работы, вопрос качества останется открытым.

Далее, есть проблема комплексности планируемых и осуществляемых мер. Представители экспертного сообщества единодушны в том мнении, что проблема экстремизма и терроризма требует системного подхода к ее преодолению. В частности, он предполагает одновременное решение вопросов антикоррупционной направленности. О том, что «вопросы противодействия коррупции в республике стоят в одном ряду с профилактикой терроризма и экстремизма» говорили и представители властных структур на вышеотмеченном расширенном заседании постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в КБР [8]. Согласно сравнительным международным оценкам, данным и заявлениям отечественных ученых и общественных деятелей Российская Федерация в целом относится к числу наиболее коррумпированных государств. А внутри страны наибольшая коррумпированность приписывается Северо-Кавказскому региону. Это достаточно спорное положение, но даже независимо от его корректности, оно становится реальным фактором общественных практик в силу устойчивого присутствия в массовых представлениях граждан региона.

Влияние социокультурных факторов. Удовлетворительное решение проблемы комплексности затрудняется стереотипами как массового, так и экспертного сознания. Одни всю ответственность по профилактике экстремизма и терроризма перекладывают на плечи семьи, другие на школу, третьи на институты гражданского общества. Во-первых, если говорить о семье и школе, сильно преувеличена сила их общего воздействия на сознание молодежи по формированию нетерпимого отношения к экстремизму и терроризму. В частности, об этом свидетельствует очевидная разница в степени выраженности проявлений экстремизма и терроризма в различных районах Республики. Предполагать, что это вызвано существенной разницей в семейном или школьном воспитании и образовании в этих районах нет оснований. Во-вторых, если говорить об институтах гражданского общества, то их слабая вовлеченность в решение проблем профилактики и противодействия экстремизму и терроризму отражает общее состояние местных этно-социумов [27, с. 110]. Социолог сталкивается с пассивностью и стремлением отгородиться от общественных проблем уже в ходе проведения опросов: достаточно большая доля опрашиваемых отказывается давать интервью по какому-либо злободневному вопросу. По некоторым вопросам, связанным с обсуждаемой проблемой типичными оказывались ответы: «не хотелось бы лезть», «не знаю, и знать не хочу». Результаты же исследований показывают распространенность в общественном сознании убеждения, что состояние общества определяется действиями властей, несущих ответственность за все происходящее в республике. У многих респондентов еще не сформирована идея гражданского участия: лишь 18% признают свою ответственность за происходящее в регионе. Подавляющее большинство опрошенных (87%)

полагают, что в системе управления обществом от них самих ничего не зависит, и они не могут повлиять на положение дел в КБР [26, с. 115].

Рассмотренный в статье материал, как представляется «говорит сам за себя» и не требует развернутого подведения итогов. Экстремизм и терроризм, как явления современного мира, российского и регионального общества не являются четко определенными самостоятельными предметами изучения. В системных фундаментальных и прикладных исследованиях нуждается современное общество Кабардино-Балкарии в целом с точки зрения его социальной структуры, социальной культуры, социальных практик и социальной динамики. В этом контексте возможно будет определить взаимодействие общего и особенного, внешнего и внутреннего, социально-экономического и социально-психологического в экстремистских и террористических проявлениях на местной почве и строить научно-обоснованную программную работу по их профилактике и предупреждению. Такая целенаправленная профилактическая работа сама должна быть предметом постоянной научной рефлексии и ревизии, измерения результативности и гибкой перенастройки в соответствии с меняющимися условиями. И это научное сопровождение общественной жизни должно развиваться независимо от конъюнктурных колебаний тех или иных ее параметров, будь то экономика или экстремистские проявления. Оно является необходимой функцией для общества, которое хочет успешно развиваться в современном сложном, динамичном, открытом, конкурентном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апажеева Е.Х.* Молодежь как фактор стабилизации или нормализации межэтнических отношений на Северном Кавказе. – Владикавказ: ИСПИ РАН, 2002. – 35 с.
2. *Беликов С.* Антифа. Молодежный экстремизм в России. – М.: Алгоритм, 2012. – 58 с.
3. *Бобровников О.В.* Этнография ислама на Кавказе // Этнографическое обозрение. – 2006. – №2. – С. 3-9.
4. *Боров А.Х.* Национальная стратегия многонациональной России: северокавказский срез (В кн.: Северный Кавказ в национальной стратегии России / под. ред. В.А. Тишкова. М., 2008) // Валерий Тишков – личный сайт. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1180.pdf> (дата обращения: 11.02.2009).
5. В борьбу с экстремистской идеологией должно включиться все общество // BezFormata.Ru – новости Нальчика и КБР: сайт. URL: <http://nalchik.bezformata.ru/listnews/ekstremistskoj-ideologiej-dolzno/16605102> (дата обращения: 06.07.2014).
6. *Дегоев В.В., Ибрагимов Р.Ю.* Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или повестка дня на вчера. – М.: Издательский дом «Империум – XXI век», 2006. – 81 с.
7. *Денисова Г.С.* Молодежь Кабардино-Балкарии о причинах и факторах терроризма // КиберЛенинка – Научная электронная библиотека: сайт. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kabardino-balkarii-o-prichinah-i-faktorah-terrorizma> (дата обращения: 15.01.2015).
8. Жители Кабардино-Балкарии вправе ожидать от правоохранительных органов более эффективной работы. // Глава Кабардино-Балкарской Республики: сайт. URL: <http://president-kbr.ru/kbr-events/news/meeting/10052-2014-07-25-16-28-29.html> (дата обращения: 09.11.2015).

9. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 12 мая 2008 г. N 22-РЗ "О республиканской целевой программе «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике на 2008–2010 годы» // Финансово-правовое агентство. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/kabardino-balkariya/zakon-kabardino-balkarskoy-respubliki-ot-12-maya-2008-g-n-22-rz-o-respublikanskoy-tselevoy-programme-profilaktika-terrorizma-i-ekstremizma-v-kabardino-balkarskoy-respublike-na-2008-2010-godi/> (дата обращения: 14.08.2015).

10. Истоки, причины, факторы и условия экстремизма и терроризма в Кабардино-Балкарии в зеркале общественного мнения (результаты социологического исследования) // Кабардино-Балкарский региональный правозащитный центр: сайт. URL: http://www.zpravakbr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=463:-q-q&catid=5:analinic&Itemid=7 (дата обращения: 15.01.2016).

11. Карамурзов Б.С., Боров А.Х. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – №1. – 2017. – С. 12-40. URL статьи: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

12. Коков Ю.А.: Все хорошее и плохое идет из семьи // Глава Кабардино-Балкарской Республики: сайт. URL: <http://glava.kbr.ru/kbr-events/news/meeting/10167-2014-10-07-17-47-08.html> (дата обращения: 15.10.2014).

13. Молодежный экстремизм / Под ред. А.А. Козлова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 87 с.

14. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 1. Население КБР. Численность и состав населения. Официальное издание. – Нальчик: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по КБР, 2012. – 73 с.

15. Нужен социальный заказ // Газета Юга. URL: <http://www.gazetayuga.ru/archive/2010/20.htm> (дата обращения: 03.09.2014).

16. О республиканской целевой программе «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республики» на 2011-2014 годы // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/907002785> (дата обращения: 07.08.2014).

17. Ошроев Р.Г. К вопросу о коллизиях нормативно-правового противодействия экстремизму в современной Кабардино-Балкарии // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – №3. – С. 277-284.

18. Постановление Правительства КБР от 02.09.2013 № 240-ПП (ред. от 18.03.2014) «О Государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2013–2020 годы» (вместе с «Перечнем основных мероприятий Государственной программы «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2013–2020 годы») // Региональное законодательство. URL: <http://www.allregionz.ru/index.php?id=138512> (дата обращения: 07.08.2014).

19. [Программы профилактики коррупции и правонарушений в КБР недофинансируются, заявляет прокуратура](http://www.memo.ru/d/56423.html) // Мемориал – Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество: сайт. URL: <http://www.memo.ru/d/56423.html> (дата обращения: 14.08.2015).

20. Рекомендации парламентских слушаний на тему: «Об исполнении органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и органами местного самоуправления законодательства Российской Федерации в сфере профилактики терроризма и экстремизма, а также в минимизации и ликвидации их последствий и мерах по совершенствованию такой работы» // Парламент КБР: сайт. URL: <http://parlament-kbr.ru/files/files/slush20-12-2013.doc> (дата обращения: 15.01.2015).

21. Республиканская целевая программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике на 2008–2010 годы» // Совет по экономической и

общественной безопасности КБР: сайт. URL: http://sovbez-kbr.ru/materialj/napravlenia/bezopas/bezopas_5.htm (дата обращения: 10.05.2011).

22. Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции а Академии управления МВД России. 16 июня 2006. – М.: Академия управления МВД России, 2006. – 502 с.

23. Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Консультант Плюс - законодательство РФ кодексы и законы в последней редакции: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=165072&rnd=290511.907518631> (дата обращения: 03.08.2017).

24. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – № 138–139, 30.07.2002.

25. Феномен экстремизма / Под. Ред. А.А. Козлова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 85 с.

26. Хамдохова Ж.М. Социальный профиль Кабардино-Балкарской Республики в контексте проблем устойчивого развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – №4. – С. 106-117.

27. Цветков О.М. Распространение политического ислама на Северном Кавказе и пути стабильности // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. – М., 2008. – С. 101-110.

28. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. – М.: Academia, 2009. – 320 с.

УДК 316

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-173-187

**ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА
(на примере Кабардино-Балкарии)**

Р.Г. ОШРОЕВ

*ФГБУН Институт гуманитарных исследований
Филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru*

Аннотация. Расхождение между официальной риторикой профилактики и противодействия экстремизму с реальной практикой послужило поводом к написанию настоящей статьи. Несмотря на то, что проблема профилактики и противодействия экстремизму в современном обществе находится под пристальным вниманием самых различных направлений социогуманитарной науки, вопрос о научном анализе качества реализации соответствующих государственных программ неоправданно находится на периферии исследовательских интересов научного сообщества. Цель исследования – обоснование необходимости полноценного использования научных ресурсов в разработке и реализации различных государственных программ, направленных на профилактику и противодействие экстремизму в современном обществе. В статье анализируется состояние реализуемых мер по профилактике и противодействию экстремизму на примере Кабардино-Балкарии. С

использованием индикаторов, закладываемых в региональных программах, оценивается эффективность решения поставленных в них задач. Анализ показывает, что к настоящему времени отсутствует необходимое предварительное условие достижения устойчивых результатов – запрос на подготовку фундаментальных научных трудов по обсуждаемой проблеме. Таким образом, проблема профилактики и противодействия экстремизму остается не до конца решенной не только в практической, но и в теоретической плоскости.

Ключевые слова: Россия; Кабардино-Балкария; современное общество; экстремизм; профилактика; противодействие; государственная программа.

**PREVENTION AND COUNTERACTION TO EXTREMISM
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY
AS A SCIENTIFIC PROBLEM
(the case of Kabardino-Balkaria)**

R.G. OSHROEV

*FSBIS Institute of Humanitarian Researches
branch of the Federal state budgetary scientific establishment
«Federal scientific center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18
E-mail: kbigi@mail.ru*

Abstract. The divergence between official rhetoric of prevention and counteraction to extremism with real practice was the cause of writing of the present article. In spite of the fact that the problem of prevention and counteraction to extremism in modern society is under a close attention of the most various directions of socio-humanistic science, the question of the scientific analysis of quality of implementation of the appropriate state programs is unfairly on the periphery of research interests of the scientific community. A research objective is the justification of need of full use of scientific resources for development and implementation of various state programs directed to prevention and counteraction to extremism in modern society. In this article the state of the realized measures for prevention and counteraction to extremism on the example of Kabardino-Balkaria is analyzed. The efficiency of the solution of the tasks set in them is estimated with the use of the indicators set in regional programs. The analysis shows that so far the necessary preliminary condition of achievement of steady results – request for preparation of fundamental scientific works on the discussed problem is absent. Thus, the problem of prevention and counteraction to extremism remains incompletely solved not only in practical, but also in the theoretical plane.

Key words: Russia; Kabardino-Balkaria; modern society; extremism; prevention; counteraction; state program.

ПЕРСОНАЛИИ**И.В. БЕНТКОВСКИЙ – СЕКРЕТАРЬ СТАВРОПОЛЬСКОГО
СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА****М.Е. Колесникова**

*История покорения Кавказа – дело потомства,
подбор материалов для этой истории – дело современников
И.В. Бентковский*

С именем Иосифа Викентьевича Бентковского (1812-1890) связана целая эпоха в научной и культурной жизни Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист, он стоял у истоков северокавказского краеведения, являясь одним из организаторов научных исследований, положивших начало становлению местной провинциальной историографии.

Губернские статистические комитеты (ГСК), создание которых относится к 30-м годам XIX в., являлись правительственными учреждениями, созданными для сбора и обработки административно-хозяйственных данных. Однако со временем они превратились в научно-исследовательские организации, став своеобразными издательскими и краеведческими центрами провинции. Объединявшие вокруг себя любителей истории, археологии и этнографии в русской провинции, они явились во второй половине XIX в. «своеобразным ключом механизма русской провинциальной историографии» [8, с. 12]. Во многом этому способствовала реформа статистической службы России 1860 г., после которой в деятельности губернских статкомитетов появились «обязательные» и «необязательные» работы. К «необязательным» работам были отнесены разносторонние исследования губерний в историческом, географическом, этнографическом отношениях. Комитеты должны были «по мере возможности и средств... а) составлять и от времени до времени исправлять, подновлять и пополнять, возможно, отчетливые описания губерний, частей губерний, городов и особенно замечательных по чему-либо местностей, в отношении не только статистическом, но и топографическом, историческом, археологическом этнографическом, сельскохозяйственном, промышленном и торговом; б) с этой целью снаряжать особые экспедиции из своих членов или посторонних благонадежных лиц для ученого исследования разных местностей губерний... Одним словом, труды губернских статистических комитетов следует направлять к точному и всестороннему изучению губерний и областей, дабы комитеты могли иметь всегда в готовности, необходимые для правительства и для науки, верные и систематически обработанные данные о современном состоянии края, на который простирается их деятельность» [38, л. 47].

Статистику в XIX в. понимали как науку об обществе в целом, изучающую большой круг проблем. Такое широкое толкование позволяло относить в разряд статистических работ и исследования по истории, этнографии, археологии, географии. Привлечение губернских статкомитетов к организации и проведению историко-краеведческих изысканий было вызвано острой необходимостью в систематических и всесторонних исследованиях губерний. Статистика была необходима правительству для совершенствования управления огромной империей, проведения преобразований, осуществлявшихся во второй половине XIX в. Учреждение статкомитетов явилось попыткой создания своеобразной, единой, унифицированной по структуре государственной службы.

Старейшим на Северном Кавказе является Ставропольский губернский статистический комитет, образованный в 1858 г. по инициативе гражданского губернатора генерал-лейтенанта А.А. Волоцкого [14, л. 63 об.]. Устройство статистической части в Кубанской и Терской областях, в виду сложной военно-политической обстановки на Кавказе, было признано возможным лишь в 1866 г. Образованы они были еще позже (Терский статкомитет в 1872 г., Кубанский – в 1879 г.) [36, л. 19; 39, л. 183, 192, 291, 299, 303]. Работы у Ставропольского комитета было много, так как Ставропольская губерния не была «...изучена еще серьезно ни с какой стороны..., не изучены в подробности ни история, ни статистика, ни естественные богатства и средства к извлечению их».

Изучением губернии занимались действительные члены Ставропольского статкомитета. Это были специалисты в отдельных отраслях науки, известные своими трудами по истории, археологии, этнографии губернии, ее природным богатствам. Среди них В.А. Бетаки, Г.К. Властов, Б.С. Цытович, А.Н. Мицулов, Д.М. Седаковский, А.Н. Лопатин, А.Д. Тимченко, Г.В. Раевский-Буданов и др. Чаще всего тематика и проблематика исследований избиралась самостоятельно членами комитета и во многом зависела от личности исследователя, его интересов. Определенную роль оказывала специфика исторического развития края. Срабатывал и «краеведческий принцип», что заинтересовало, попало на глаза – о том и писали.

Научно-историческая деятельность Ставропольского статкомитета развивалась по нескольким взаимосвязанным направлениям: историко-краеведческое, археологическое, этнографическое, охрана памятников древности, просветительское и издательское. В отличие от других комитетов и научных обществ того времени, основной формой работы Ставропольского комитета было не проведение регулярных заседаний и обсуждение докладов, хотя такие тоже проводились, а индивидуальная научно-исследовательская и экспедиционная деятельность.

Как совершенно справедливо замечают современные исследователи провинциальной историографии в значительной мере эффективность работы статкомитетов зависела от опыта, заинтересованности, установки на научные исследования и организаторских способностей секретарей губернских статкомитетов. Именно научные интересы, пристрастия, творческая энергия,

активная деятельность секретарей во многом и определяли характер и направления научных исследований комитетов.

Такой яркой, талантливой личностью и был секретарь Ставропольского губернского статистического комитета Иосиф Викентьевич Бентковский, с именем которого связан 20-летний период – «время расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и, так сказать, время сознательного и целесообразного существования его» [33, с. 18].

Поляк по происхождению, он оказался на Кавказе после известных событий в Польше 1830 г. Точных указаний о непосредственной причастности семьи Бентковских к Польскому восстанию 1830-1831 гг. нет, однако сам Иосиф Бентковский об этой странице своей жизни всегда говорил сдержанно и осторожно. О своем происхождении он писал «... по рождению я поляк. Среднее образование я получил сначала в Влоцлавске, а потом в Плоцке, но высшего не дала мне даже начать революция 1830 года и бросила на Кавказ» [11, с. 12]. Кавказ стал для него второй родиной. Двадцать пять лет военной службы на Кавказе позволили И.В. Бентковскому не только побывать в разных уголках этого края, познакомиться с нравами и обычаями проживающих там народов, с памятниками истории, но и понять, полюбить этот удивительный уголок России.

Сведения о И.В. Бентковском немногочисленны. Пожалуй, и сегодня единственными работами, посвященными ему, остаются очерк о жизни деятельности И.В. Бентковского, написанный в начале XX века его последователем на ниве краеведения Г.Н. Прозрителевым [33] и работы В.В. Госданкера, вышедшие во второй половине XX в. [27; 28]. Высоко оценивал деятельность И.В. Бентковского в области изучения Северного Кавказа известный библиограф конца XIX – начала XX в. Б.М. Городецкий [26]. Имя И.В. Бентковского, вместе с библиографией его трудов упоминается в известном биографическом словаре русских писателей и ученых С.А. Венгерова [11]. После смерти ученого его жизненный и творческий путь отразили ряд некрологов [1; 7; 29]. Отдельные заметки и публикации, приуроченные к юбилейным датам «неутомимого местного историка», выходили в периодической печати [2; 12; 32; 46]. Библиография трудов И.В. Бентковского впервые была опубликована в 1881 г. на страницах «Ставропольских губернских ведомостей», а в 1910 г. в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии [9; 10]. Позже дополненная, она выходила вместе с небольшими заметками, посвященными 180-летию и 185-летию со дня рождения И.В. Бентковского в ежегодных справочно-библиографических пособиях Ставропольской государственной краевой универсальной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова - «Ставропольский хронограф» [6; 45].

Несомненный интерес представляют архивные материалы о жизни и деятельности И.В. Бентковского, рассредоточенные по разным архивам, фондам, делам. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) хранит документы его личного фонда, содержащие биографические справки и дела, относящиеся к его деятельности в Главном управлении государственного коннозаводства по Кавказскому краю [25]. Подробно рассмотреть научно-

историческую деятельность И.В. Бентковского позволяют архивные документы, сгруппированные в фонде Ставропольского губернского статистического комитета и отчасти в фонде Ставропольской ученой архивной комиссии [13; 24]. Интересные материалы, позволяющие всесторонне исследовать многие грани таланта провинциального исследователя, хранятся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГКМ) [42; 43]. Помимо местных архивохранилищ, документы, содержащие сведения о И.В. Бентковском, находятся в ряде центральных архивов. Так, в РГАДА, в личном фонде барона М.А. фон-дер Остен-Сакена, были обнаружены документы, относящиеся к 1880г. о представлении И.В. Бентковского к награждению участком земли в 1000 десятин за заслуги в работе на посту секретаря Ставропольского статистического комитета [34, л. 1-2]. Его имя стоит в списке других чиновников, представленных к награждению по Ставропольской губернии. Но эту награду, он, как известно, так и не получил. Не менее интересный документ был найден и в РГИА, в фонде Центрального статистического комитета МВД. Это Формулярный послужной список И.В. Бентковского за 1889 год, приложенный к прошению-ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе к господину Министру внутренних дел о представлении И.В. Бентковскому права на пенсию из Государственного казначейства [39, л. 469-480]. Этот список, дающий возможность проследить весь жизненный путь, плодотворную научную и общественную деятельность И.В. Бентковского, публикуется в приложении к данной статье.

Из имеющихся сведений о И.В. Бентковском, крайне мало о раннем периоде его жизни. Известно, что родился он 19 марта 1812 г. в семье знатных, но небогатых дворян Брескульского уезда герцогства Варшавского. Отца звали Викентий Бентковский, мать – Жозефина Бентковская (Рудницкая). Получил хорошее среднее образование, окончив «гимназический курс наук царства Польского». В 1832 г. молодой И. Бентковский, дворянин по происхождению, зачисляется рядовым солдатом в Депо Плоцкого воеводства, в 1833 г. становится унтер-офицером Навагинского пехотного полка, затем в 1834г. переводится в первый Кавказский линейный батальон. Этот факт, как и последующие резкие изменения в жизни и судьбе И.В. Бентковского, косвенно указывает на причастность молодого шляхтича к событиям в Польше в 1830-1831 гг.

После подавления польского восстания многие участники движения подверглись репрессиям, часть из них была отправлена на Кавказ в действующую армию. Региональным центром польской ссылки Северный Кавказ становится еще в 1813 г., когда сюда были направлены первые военнопленные поляки бывшей армии Наполеона. Спустя 18 лет, после «усмирения польского мятежа в 1831 году остатки хорошо организованных полков польских войск были сосланы в отдельный Кавказский корпус и по его полкам распределены» [47, с. 222]. В «серой шинели опального солдата» И.В. Бентковский навсегда покинул родину и отправился на поселение в далекий и неизвестный Кавказский край. На марше он занимался изучением русского

языка, как он позже напишет «с таким успехом, что по прибытии в Ставрополь 4 февраля 1834 года меня, после отличной рекомендации партионного офицера, которому я в походе помогал в переписке, оставили в штабе Командующего войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани для распределения и рассылки множества документов на польском и литовском языках (метрик) в разные части войск, где служили поляки» [11, с. 12].

Военная служба И.В. Бентковского в общей сложности продолжалась 25 лет, до 1857 г., когда он был уволен «от службы за выслугой лет». Во время ее прохождения от рядового до казачьего сотника он побывал урядником, зауряд-хорунжим, хорунжим Ставропольского казачьего полка, в должности заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска, начальника Михайловской станицы. «По прибытии в штаб Ставропольского казачьего полка в станицу Михайловскую, в 9 верстах от Ставрополя, – напишет он позже, – полковой командир поручил мне полковую школу – короче, сделал педагогом. В том же году я женился на дочери казачьего офицера и открыл пансион. В учениках у меня недостатка не было, я учил всему, что сам знал, не руководствуясь какой бы то ни было программой. В 1837 г. 18 октября Император Николай I в Ставрополе открыл гимназию. Вслед затем в станицу Михайловскую прибыл вновь назначенный наказной атаман генерал-майор С.С.Николаев. Не смотря, что в Ставрополе была уже гимназия, моя педагогическая деятельность шла в гору и, правда сказать, в славу. Наказной атаман пригласил меня преподавателем единственному сыну Петру, которого я приготовил с полным успехом к поступлению в пажеский корпус (он был крестник Государя Александра II). Из моих учеников, многие дослужились до штаб-офицерских чинов...». Эти годы стали для него не только великолепной школой жизни, но и временем познания его новой родины. За годы службы он имел возможность побывать в различных уголках Кавказского края, познакомиться с историей, обычаями и нравами живущих там людей, прежде всего горцев. Он много читал, занимался литературной деятельностью, собирал и изучал архивные документы, библиографию, которые позже легли в основу его многочисленных публикаций по истории Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Но служба «отнимала» слишком много времени и всецело посвятить себя историко-краеведческой деятельности он смог лишь после выхода в отставку в 1857 г.

Литературные и научные труды И.В. Бентковского были по достоинству оценены научной общественностью Ставропольской губернии. В 1860 г. он избирается членом-корреспондентом Ставропольского губернского статистического комитета, с 1866 г. – действительным членом, а в 1871 г. – единогласно секретарем Ставропольского статистического комитета. Он навсегда переезжает в г. Ставрополь и «посвящает себя литературной и ученой деятельности».

В деятельности Ставропольского статкомитета уже сами современники выделяли два периода: I период (1858-1868) – «период добрых, но бесплодных начинаний, благодаря времени, историческим судьбам нашего края и тогдашнему состоянию отечественной статистики, как науки»; II период (1869-

1883) – когда начинается издание трудов комитета и Ставропольская губерния «благодаря трудам комитета, была почата уже историческими и статистическими исследованиями». На второй период и приходится время работы в комитете И.В. Бентковского. Он становится настоящим лидером; объединяет вокруг себя талантливых людей, тянувшихся к науке, занимающихся изучением родного края; выступает инициатором изучения многих тем и проблем, положив начало становлению историографии Ставрополя и Северного Кавказа. Он становится организатором широких научных исследований губернии, способствовавших с одной стороны консолидации деятельности местных историков-любителей, а с другой стороны – созданию прочной источниковой базы местного краеведения.

Чтобы развернуть и «поднять» такую работу секретарь статкомитета должен был быть не просто образованным человеком, он должен был знать прошлое и настоящее края, любить и понимать его. В большей степени научная деятельность секретаря, по сути, была организаторской и инициаторской. Помимо статистических исследований, являющихся обязательными занятиями комитета, он занимался решительно всем: разбором старых архивов, сохранением письменных источников, редакционной и издательской деятельностью, составлением обзоров и описаний, проведением этнографических исследований, поддержанием широких научных контактов по стране и региону, формированием библиотеки и музея.

Разносторонней и многоплановой была и исследовательская деятельность И.В. Бентковского. «Не было ни одного вопроса нашей хозяйственной и общественно-исторической жизни, которой он не коснулся бы в своих исследованиях» – писал известный северокавказский исследователь Г.Н. Прозрителев. Тематика его трудов действительно широка – география, история, этнография, статистика, архивное дело, метеорология, земледелие, садоводство, виноделие, шелководство, скотоводство, коневодство, ветеринария, рыболовство, торговля, промышленность, железнодорожное дело, соляной вопрос, лесоводство... Такая «разбросанность» и диапазон интересов объясняется, прежде всего, не разработанностью историко-краеведческой тематики, слабой изученностью губернии. С другой стороны, это был чисто краеведческий подход, типичный для провинциальных исследователей того времени. Это было время, когда краеведение, или как его определяли в тот период «родиноведение», превращалось в форму социокультурной деятельности российской провинции.

В середине и второй половине XIX столетия на местах складывается широкий круг образованных людей, занимающихся краеведческими исследованиями, формируется поколение историков-краеведов. Обращение местных исследователей к изучению истории «народной жизни» привело к формированию в провинции устойчивого интереса к истории, археологии, этнографии местного края, образованию провинциальных научных обществ, краеведческих, по сути и характеру своей деятельности. Краеведение превратилось в общественно-полезную практику, направленную на изучение

родных мест, своеобразную функцию воздействия на интеллектуальное сознание провинции, на воспитание любви и уважения к своей малой родине.

Краеведческой тематике посвящены около 200 научных работ, которые оставил нам И.В. Бентковский. По своему научному уровню ряд из них, особенно посвященные проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступали научным работам профессиональных столичных ученых: «Экономическое состояние городов Европейской России» (1865 г.), «Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 год» (1876 г.), «Несколько слов о климате в г. Ставрополе по метеорологическим наблюдениям с 1871 г. по 1878 г.» (1879 г.), «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881 г.), «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты» (1883 г.) и др. За составление и издание в 1874 г. «Статистической карты Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме» И.В. Бентковский получил от Великого князя Наместника Кавказского золотую табакерку, ценою в 275 руб. (карта хранится в картографическом фонде Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. № 27) [39, л. 471].

Его научные работы по статистике и экономике коневодства были оценены правительством и в 1878 г. его назначают корреспондентом Главного управления Государственного коннозаводства по Кавказскому краю. Из-под его пера выходят научно обоснованные обзоры состояния коневодства на Северном Кавказе: «Обзор коневодства на северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии» (1878 г.), «Коневодство Северного Кавказа и ставропольская скачка» (1880 г.), «Обзор конского хозяйства в бывшей Черномории и правительственных мероприятий для улучшения и развития коневодства на Северном Кавказе» (1883 г.) и др.

Большинство его работ представляли собой краеведческие описания, наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Им был присущ междисциплинарный подход и комплексность, одновременное наличие различных сведений: исторических, археологических, этнографических, статистических, географических. Превосходное знание местной жизни, крестьянского и казачьего быта, обычаев и нравов местных народов способствовали превращению И.В. Бентковского в настоящего краеведа. Его первой научной работой стал краеведческий очерк, посвященный истории с. Безопасного, в котором исследователь поселился, выйдя в отставку [3, с. 31]. Очерк положил начало обширному циклу работ по истории заселения и освоения Северного Кавказа. В нем И.В. Бентковский представил программу действия для местных исследователей, краеведов, определив задачи и направления научно-исследовательской деятельности: «...материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии, в особенности, все, еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?». Разработка архивных источников становится одним из основных направлений деятельности И.В. Бентковского и Ставропольского статкомитета.

Археографическая работа была свойственна во второй половине XIX в. большинству статистических комитетов. В этот период в России разворачивается работа по сохранению архивов, спасению от гибели и уничтожения исторических документов. Эпоха великих реформ сопровождалась упразднением различных учреждений и гибелью, в конечном счете, их архивов. Процесс уничтожения «старых архивных бумаг» в провинции принял необратимый характер. Известный архивист Д.Я. Самоквасов, оценивая этот период отечественного архивного дела, в 1902 г. писал: «В некоторых старейших городах наших губерний, еще недавно обладавших богатыми и драгоценными архивами древних актов, в настоящее время наблюдается полное отсутствие государственных архивных материалов старше сорокалетней давности» [41, с. 128]. Не была исключением и Ставропольская губерния. Единственным административным органом, занимавшимся сохранением ценных в историческом отношении архивных документов, вплоть до учреждения в 1906 г. Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, являлся Ставропольский статкомитет. Члены комитета занимались разбором старых архивов упраздняемых учреждений. Роль своеобразного эксперта была возложена на секретаря комитета И.В. Бентковского. Первоочередной задачей, стоящей перед исследователями края, И.В. Бентковский считал создание и разработку письменной источниковой базы, в силу чего немало внимания уделял работе по выявлению, собиранию и описанию архивных источников.

Археографическое направление в деятельности комитетов было закреплено в 1867 г. Циркуляром МВД на имя директора Центрального статистического комитета и губернаторов, в котором предлагалось поручить секретарю или членам статкомитета «принять участие при разборе архивов упраздняемых мест, в том предположении, что из архивов этих могут быть извлечены интересные дела и документы, относящиеся до истории, археологии, статистики» [37, л. 5]. В силу этого члены комитета активно участвовали в разборе архивов упраздняемых учреждений, ежегодно просматривали дела губернских правлений, полицейских управ, судебных мест, подлежащих уничтожению.

В этом направлении тесно работало с комитетами и Московское археологическое общество (МАО). Его запросы о местных архивах шли через губернские статкомитеты. Осознавая всю важность сохранения письменных исторических источников, в 1897 г. МАО создало свою специальную археографическую комиссию, которая постоянно обращалась к научным учреждениям и частным лицам с просьбой присылать сведения о местных архивах и результатах работ с архивным материалом. Так было и в 1897-1899 гг., когда, проводя сбор сведений обо всех имеющихся в стране архивах, начиная от центральных и заканчивая частными архивами и архивами различных обществ, МАО обратилось за помощью к губернским комитетам [35, л. 1-8, 11-14].

Несмотря на то, что работа эта не носила системного характера, не обеспечивала должного хранения документов, да и уровень специальных

архивоведческих знаний провинциальных исследователей и любителей был невысок, Ставропольский губернский статкомитет помог спасти многие ценные материалы. Был накоплен и определенный опыт, который в дальнейшем использовала Ставропольская ученая архивная комиссия, когда формировала губернский исторический архив. Ценность собранных архивных документов состоит в том, что брали их в основном из личных архивов, архивов мелких учреждений, которые зачастую выпадали из поля зрения действующей с 1864 г. Кавказской Археографической комиссии. Трудами и заботой членов статкомитета были собраны уникальные исторические источники, ставшие основой современного ГАСК.

С именем И.В. Бентковского связаны и первые попытки создания Ставропольской ученой архивной комиссии. В 1886 г. он ходатайствует о ее организации, указывая на то, что с момента заселения Ставропольская губерния и Северный Кавказ имеют богатейшие архивы, в которых хранятся ценные исторические источники, «положение которых оставляет желать лучшего». К сожалению, его ходатайство не было удовлетворено [43, л. 8-9].

Сбор архивных материалов, посвященных истории губернии не только способствовал концентрации ценнейших и уникальных исторических источников на месте, но и их разработке. Доступные для членов статкомитета источники местных ведомственных архивов, в определенной мере и предопределили тематику исследований. Они сосредоточили свое внимание на местной истории, культуре, быте народов. Отличительной чертой их работ было внимание к отдельному историческому факту, архивному документу, «исторической мелочи», из которых пытались воссоздать историю Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Последнее особенно характерно для трудов И.В. Бентковского. Его очерки и статьи по истории колонизации края, образованию Кавказского линейного казачьего войска, «ставропольской старине» отличаются полнотой, широтой и точностью используемых документов, тщательный анализ, научная критика источников.

В распоряжении секретаря статкомитета находились архив Ставропольского губернского правления, Ставропольской казенной палаты, Ставропольской городской управы, Окружного суда, Контрольной палаты, Мужской гимназии, Акцизного управления, Губернской чертежной комиссии, Ставропольской духовной Консистории, штаба Кавказского военного округа на территории военных действий, Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, Войскового управления, штаба Кубанского казачьего войска, штаба Терского казачьего войска, Кавказской археографической комиссии.

Сосредоточенный в них материал лег в основу научных трудов И.В. Бентковского, среди которых «Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и Северном Кавказе» (1869 г.), «Историко-статистические сведения о гор. Моздоке: На столетний юбилей города Моздока» (1871 г.), «Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово-промышленном и экономическом отношениях: Монографический очерк» (1875 г.), «Вторичное открытие Кавказской губернии: Материалы для колонизации края» (1876 г.), «Дела наши

на Северном Кавказе от основания крепости в урочище Кизляр до построения укрепления Моздок с 1735 по 1765 г.» (1876 г.), «Обозрение XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры» (1877 г.) (работа за которую И.В.Бентковский получил бриллиантовый перстень от императрицы), «О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении» (1879 г.), «Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии» (1879 г.), «Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска» (1882 г.), «Материалы для истории колонизации Северного Кавказа: Заселение бывшего линейного казачьего войска; Заселение Кавказской области» (1882 г.), «Происхождение казачества, его развитие и идеи» (1882 г.), «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта» (1883 г.), «Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии» (1884 г.), «Гребенцы: Историческое исследование» (1889 г.), «Бывшее Кавказское линейное казачье войско и его наказные атаманы (1832-1860)» (1891 г.), «Хронологический указатель событий, извлеченных из неизданных материалов сенатора и академика П.Г. Буткова для новой истории Северного Кавказа» (1910 г.) и др. Перу И.В. Бентковского принадлежит и первый исторический очерк создания и деятельности Ставропольского губернского статистического комитета [5]. В целом тематика работ И.В. Бентковского была обусловлена общими проблемами, стоящими перед русской исторической наукой в пореформенный период.

Многочисленные статьи И.В. Бентковского чаще всего публиковались на страницах местной периодической печати: «Ставропольских губернских ведомостях», «Кубанских областных ведомостях», «Терских областных ведомостях», в региональных краеведческих изданиях. Они «невелики по объему, не блещут литературными достоинствами, но зато каждая из них содержит ценные данные, почерпнутые или из непосредственного изучения, или из архивных мало кому доступных источников», – писал о его творчестве Б.М. Городецкий [26, с. 17]. По инициативе и при непосредственном участии И.В. Бентковского в «Ставропольских губернских ведомостях» в 1875 г. была создана «Неофициальная часть», которую он редактировал вплоть до 1889 г. Она стала своеобразной трибуной местных краеведов, историков, археологов, статистиков, экономистов, библиографов и публицистов. Значение ее для «трудного дела Северо-Кавказского родинovedения» трудно переоценить.

Публикации в периодической печати способствовали пробуждению интереса к местной истории в самых широких слоях населения, выполняли просветительскую роль. Именно такого характера были статьи и заметки И.В. Бентковского посвященные деятельности известных людей на Кавказе: «Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель» (1875 г.), «Генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов: (Воспоминания ставропольского сторожила)» (1876 г.), «Генерал-майор Якоби: Основатель Моздокско-Азовской линии в 1777 году: (Биографическая заметка)» (1877 г.), «Император Николай I в Ставрополе (1887 г.), «Император Александр II в

Нижнефарском отряде на Северо-Западном Кавказе в 1861 г. (1887 г.) «Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель» (1875 г.) и др.

Другим видом его работ были этнографические исследования. Этнографические описания родных мест были характерным явлением для 1860-70-х гг., и являлись одним из направлений деятельности губернских статистических комитетов. Эти исследования проводились в тесном контакте с центральными научными обществами и, прежде всего, с Русским географическим обществом и его Кавказским отделением (с 1850 г.), на основе их методик и анкет. Значительная часть программ и анкет, распространяемых через губернские статкомитеты, была посвящена вопросам мифологии, фольклора, языка, быта, обычаям и нравам местных народов. Постепенно интерес переместился в сферу изучения общественной жизни, народного права. В большей части такого рода описания носили статистический характер, так как статистические исследования являлись обязательными в деятельности статкомитетов. Через «Ставропольские губернские ведомости» статкомитет обращался к местным жителям, приглашая их к сотрудничеству в работе по изучению прошлого родных мест. В 1866 г. на одном из заседаний комитета была рассмотрена и специальная Программа для всестороннего описания и изучения сел и хуторов, осуществлять которую планировалось через волостные правления. Все материалы «для подробного описания» Ставропольской губернии сосредотачивались именно в Ставропольском губернском статкомитете [15].

Часто разъезжая по долгу службы, участвуя в экспедициях статкомитета И.В. Бентковский не только собирал статистические данные, но и изучал крестьянский быт, пытался воссоздать историю крестьянской колонизации Северного Кавказа, значение которой уже тогда не достаточно оценивалось в исторической науке, в силу того что основная роль отводилась казачьей колонизации. Эпиграфом к своим работам по этой теме он взял слова «Изучать крестьянский быт – значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив – собрание неоцененных исторических источников (Рюль)». Важными являются его исследования по истории основания и развития сел и хуторов Ставропольской губернии: «Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия в 1875 г. Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатеринодара в Георгиевск в 1804 г.» (1876 г.), «Частное землевладение и колонизация на Северном Кавказе» (1876 г.), «Кустарные промыслы в Ставропольской губернии» (1878 г.), «Колонизация низовьев Кубани» (1879 г.), «Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881 г.), «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881 г.), «Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики» (1885 г.) и др.

Интересны этнографические зарисовки И.В. Бентковского, посвященные калмыцкому народу и другим «иногородцам» (туркмены, ногайцы), проживавших на территории Ставропольской губернии. Инициатива членов статкомитета заниматься изучением обычаев, обрядов и образа жизни местных народов

находила поддержку «сверху». Этнографические исследования проводились для выявления «податных возможностей» местных народов. Так, еще в начале 1860-х гг. по инициативе и при участии члена Ставропольского статкомитета, офицера генерального штаба Е.С. Цытовича была разработана программа научной экспедиции в северные и северо-восточные степи Ставропольской губернии для изучения истории и быта кочующих там народов, «исследования калмыцких степей в статистическом и историческом отношениях и со стороны естественных их произведений» [14, л. 32, 56]. По «предмету истории» предполагалось «обстоятельное, критическое изучение всех памятников, преданий, легенд, песен и т.п., которые встретятся в степях и по распространению их у жителей...». Экспедиция исследовала большую часть Большедербетовского улуса и небольшую часть Трухмянского приставства, проводя топографическую рекогносцировку и съемку местности, собрав богатый этнографический материал.

С начала 60-х гг. XIX в. ряд поездок по восточным окраинам губернии совершает и И.В. Бентковский. Он посещает родовые хотоны, кочевые кибитки, встречается со старейшинами, духовенством, изучает калмыцкий язык. В своих работах, посвященных этому народу, он детально описывает их жилища, одежды, религиозные ритуалы, систему семейного быта и воспитания детей, обычное право: «Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса» (1868 г.), «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях» (1869 г.), «Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках» (1876 г.), «Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести» (1877г.), «Наши кочевники и их экономическое состояние» (1879 г.), «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» (1879 г.), «Моздокские так называемые крещеные калмыки: Монография» (1880 г.) и др.

И.В. Бентковский, будучи человеком талантливым и разносторонним, состоял членом многих научных обществ и учреждений России, в том числе Императорского Кавказского медицинского общества (1874 г.), Всероссийского общества естествоиспытателей (1874 г.), Императорского Русского географического общества (1875 г.), Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (1875 г.), Императорского Вольного экономического общества (1877 г.). За статью «Заселение Черномории с 1792 по 1825 г.» (1880 г.) И.В. Бентковский был избран почетным членом Кубанского областного статистического комитета. Позже аналогичного звания он удостоился в одном из старейших комитетов России, в Нижегородском статистическом комитете. Одним из первых обществ, с которым начинает сотрудничать И.В. Бентковский, спустя два года после избрания действительным членом Ставропольского статкомитета, было Кавказское общество истории и археологии. Не являясь профессиональным археологом, И.В. Бентковский уделяет внимание изучению археологических памятников и ставит вопрос о необходимости их изучения и охраны.

Среди его трудов есть работы посвященные вопросам охраны памятников старины. Одна из них о средневековом городе эпохи Золотой Орды – Маджарах. В монографическом очерке «Заштатный город Св. Креста (Карабаглы)» (1878 г.), посвященном прошлому и настоящему г. Святой Крест (ныне г. Буденновск Ставропольского края), он показал, как варварски разрушается древний и уникальный памятник археологии «от которого теперь остались только следы раскопок, на пространстве 42 десятины... Все, что только можно было взять: камень, плиты каменные с надписью на неизвестном языке..., колонны, карнизы, кирпичи сжженные, покрытые глазурью... – все это расхищено на постройки жителями окрестных селений и навсегда погибло для археологии...» и поставил вопрос о пресечении случаев кладоискательства и расхищения древностей местными жителями, необходимости проведения просветительской работы.

Археологические исследования и охрана памятников древности входили в круг занятий губернских статкомитетов. Приведение в известность памятников археологии, сбор сведений о них, коллекционирование древностей – всем этим статкомитеты занимались уже на первом этапе своего существования. Позже, на втором этапе, археологические коллекции, легли в основу созданных комитетами исторических, этнографических и археологических музеев, которые в свою очередь подготовили почву для возникновения краеведческих музеев широкого профиля.

Из полицейских управ и волостных правлений «древние вещи» и клады, поступавшие туда по постоянно подтверждающемуся указу Петра I, при отсутствии местных музеев, переправлялись в губернские статкомитеты. Не была исключением и Ставропольская губерния. Очень часто полицейские управления занимались разбором дел, связанных с археологическими находками, их хранением и отправкой в Археологическую комиссию или в губернский статкомитет [19; 20; 21; 44]. Через полицейские управления чаще всего и рассылал свои запросы Ставропольский комитет, выполняя различные поручения Археологической комиссии (АК), МАО и Кавказского общества истории и археологии.

Археологическое направление в деятельности статистических комитетов было закреплено Циркуляром МВД за № 63 от 27.04.1863 г., в котором губернаторам было дано поручение «пригласить членов статистических комитетов, приводить в известность по мере возможности наличные в области памятники древности», по специальной программе, разработанной Археологической комиссией. Комиссия неоднократно обращалась в Центральный статкомитет за поддержкой, говоря о том, что «значительное содействие могли бы оказать губернские и областные статистические комитеты, которые и по составу своему и по кругу своих действий располагают немаловажными средствами для получения точных сведений о местных древностях» [30; 31, л. 1, 9-10, 13]. В тесной связи с Археологической комиссией работал и Ставропольский статкомитет, постоянно отправляя в комиссию случайные археологические находки, клады и сведения о памятниках.

Не менее активно сотрудничало в этом направлении со статкомитетами и МАО. Уже на I Археологическом съезде в 1869 г. был поставлен вопрос об участии статистических комитетов в сборе сведений о памятниках древности и предложена программа изучения памятников старины. Последнее лишнее раз подчеркивало статус статкомитетов как научных учреждений. МАО на первом этапе своего существования тесно работало именно с губернскими статистическими комитетами, через них оно направляло большую часть своих запросов, касающихся истории и археологии, ведь «комитеты старались наблюдать и изучать все стороны народной жизни, и потому-то в прежних изданиях комитетов... находим так много весьма ценного этнографического и исторического материала...». Сказывалось и то, что МАО, являясь одним из самых демократичных научных обществ России, в своей работе ориентировалось на самые широкие круги провинциальной интеллигенции. Через губернские статкомитеты оно обращалось к местным любителям старины со своими научными программами и просьбами о сборе сведений и информации об археологических и исторических памятниках. Так, например, в 1903 г., МАО, собирая сведения о наличии «каменных баб» в губерниях, предложило Ставропольскому губернатору собрать через губернский статистический комитет «точные сведения о каменных бабах, встречающихся на курганах или просто при дорогах, в селениях и усадьбах частных лиц» [22, л. 2-3]. Работая над подобными запросами, Ставропольский губернский комитет тем самым готовил информационную базу для научных экспедиций центральных археологических обществ (АК и МАО) на Кавказ, интенсивное изучение которого в археологическом плане начинается в 80-е гг. XIX в.

В конце XIX – начале XX в. Ставропольский комитет часто получал Циркуляры МВД, в которых предписывалось присылать все исторические сведения о губернии, а также результаты проводимых историко-археологических и этнографических исследований членами комитета [16; 17, л. 2]. К примеру, в 1901 г., вышел Циркуляр МВД за N 10 «О собрании сведений о всех имеющихся в губернии остатках древних замков, крепостей и других зданий древности». В 1914 г. были вновь разосланы циркулярные распоряжения губернаторам, в которых была предложена программа сбора сведений о наличии памятников древности в губерниях [40, л. 1, 2, 46]. Осуществить сбор сведений предлагалось через волостные правления и губернские статистические комитеты.

Помимо сбора сведений о памятниках древности, МВД поручало губернским комитетам наблюдать за сохранностью уже известных памятников истории и археологии, за случайными археологическими находками, находимыми в пределах губернии. Всем приставам предписывалось «при описи имущества доставлять перечень вещей, предназначенных на продажу с торгов и представляющих археологическую ценность», направлять их в местные статистические комитеты, а затем в АК. Часто Общество любителей Кавказской археологии просило комитет оказать ему содействие на территории Ставропольской губернии в поиске памятников древности и описании археологических объектов. Таким образом, система деятельности ГСК во

второй половине XIX в. являлась основным связующим звеном русской провинции с центральными научными учреждениями и обществами.

И.В. Бентковский осуществлял руководство редакционной и издательской деятельностью комитета. Опубликованные материалы Ставропольского ГСК условно можно разделить на несколько групп: 1) «Отчеты», «Протоколы», «Журналы заседаний», т.е. те материалы, которые непосредственно освещают текущую деятельность комитета; 2) периодические издания комитета – «Труды», «Сборники», в которых помещались, как правило, результаты «необязательных» работ членов комитета, исторические очерки, публиковались архивные материалы. Они показывают развитие определенной научной, краеведческой проблематики и особенности исторического познания края; 3) отдельные исторические труды, брошюры и монографии членов комитета; 4) «Обзоры губернии», прилагаемые к ежегодному отчету губернатора и различные статистические издания, представляемые в МВД. Все они выполнялись в ходе «обязательных» работ комитета, являлись официальными бумагами и редко попадали в библиотеки; 5) отдельные статьи членов комитета, помещаемые на страницах «неофициальной части» «Ставропольских губернских ведомостей», «Кубанских областных ведомостей», «Кубанском сборнике» и других периодических изданиях регионального уровня; 6) «Памятные книжки» и «Календари».

Большинство изданий Ставропольского комитета имели историко-краеведческий характер, в них помещались работы местных историков, археологов, этнографов. Малый тираж изданий был свойственен для трудов губернских комитетов во второй половине XIX в. и поэтому сегодня они представляют библиографическую редкость. Благодаря трудам и заботам И.В. Бентковского Ставропольский комитет издал шесть выпусков «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (Вып. 5-10, 1873-1883 гг.). Отдельный выпуск № 6 «Сборника» был составлен из работ И.В. Бентковского и был посвящен истории края. Это богатейшие статистические данные по истории, экономике и демографии 665 населенных пунктов (городов, сел, станиц, хуторов, аулов) Ставропольской губернии [4]. При участии И.В. Бентковского был подготовлен и проект издания «Памятной книжки Ставропольской губернии». В «Положении» 1860 г. особо подчеркивалась польза издания «Памятных книжек губерний», как образец приводилось издание «Кавказского календаря», которое с каждым годом улучшалось и пополнялось «новыми рубриками, общепользными и историческими сведениями, относящимися к Кавказу» [39, л. 183]. Выпуск первого номера «Памятной книжки» состоялся уже после смерти И.В. Бентковского, в 1893 г.

О широкой издательской работе комитета свидетельствует и перечень его изданий – каталог статей и монографической литературы [18]. Публикация трудов членов комитета по местной тематике способствовала выполнению важной миссии – просвещению населения. Путем изучения истории местного края комитет содействовал проявлению интереса и любви к своей малой родине, к ее памятникам древности, приобщению широких народных масс к освоению исторического и культурного достояния России. При комитете

существовала библиотека. Состав ее формировался из обязательного набора центральных изданий, ежегодно пополнялся трудами и изданиями комитета, научных обществ и учреждений, с которыми комитет обменивался своими изданиями. В 1883 г. в библиотеке комитета насчитывалось 932 названия в числе 1763 книг по различным отраслям знания, в том числе и по истории, археологии и этнографии Северного Кавказа. Позже они составили основной фонд первой публичной городской библиотеки, устройством которой занимался губернский комитет.

Анализ деятельности Ставропольского губернского статистического комитета позволяет говорить о консолидации вокруг него нескольких десятков историков-любителей, местных знатоков древностей и археологов, получивших возможность участвовать в научно-исторической, археологической и этнографической работе, издавать свои труды в «Сборниках» статистического комитета. В результате своей деятельности комитет оставил целые тома, единственные в своем роде, свидетельства исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического и демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения в истории Ставрополя, всего Северного Кавказа. Богатейший фактический материал, содержащийся в трудах членов комитета, их источниковедческий характер и научная добросовестность, помогают нам сегодня глубже понять и осмыслить особенности развития Центрального Предкавказья, процесс его научного изучения. Значительная роль в этом принадлежит ученому секретарю Ставропольского губернского статистического комитета – И.В. Бентковскому. Его поистине подвижническая деятельность на ниве краеведения была высоко оценена современниками. «Неутомимый местный историк, этнограф Иосиф Викентьевич Бентковский принадлежит к числу наиболее выдающихся секретарей статистических комитетов», – писал о нем библиограф Б.М. Городецкий, – «этих скромных, но бесценных работников, невидными трудами которых создается трудное дело русского родинovedения...».

Умер Иосиф Викентьевич Бентковский 15 августа 1890 г. и был похоронен на Успенском кладбище г. Ставрополя. Он прожил долгую и интересную жизнь, пережил не одно знаменательное событие и потрясение своего непростого XIX века. Многочисленные и разносторонние труды И.В. Бентковского, его научная добросовестность, скрупулезность в работе с источниками, умение мастерски и в занимательной форме познакомить современников с историей края обеспечили признание и любовь ставропольцев к его имени. Справедливо было отмечено в одном из некрологов, посвященных И.В. Бентковскому «...пришел он в наш край чужим, а умер одним из самых близких ему людей. И если бы родные дети этого края делали для него хотя бы небольшую долю того, что сделал чужой человек, мы могли бы быть спокойными за будущность края» [1].

*Приложение***ФОРМУЛЯРНЫЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО
ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА,
ОТСТАВНОГО СОТНИКА ИОСИФА БЕНТКОВСКОГО ЗА 1889 г.**

ИОСИФ ВИКЕНТЬЕВИЧ БЕНТКОВСКИЙ – корреспондент Главного Управления Государственного Коннозаводства по Кавказскому краю и действительный член – секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, кавалер ордена Св. Анны III-й степени. 78 лет.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Из дворян Варшавской губернии, Брест-Кулесского уезда. У него и семьи – имений нет. У жены – Дом в г. Ставрополе.

ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ. Окончил гимназический курс наук царства Польского.

СЛУЖБА. В службу вступил в Депо-Плоцкого воеводства, ныне губерния. **11 декабря 1832 г.**

Унтер-офицером переведен в Навагинский пехотный полк. **3 августа 1833 г.**

Из оногo в Кавказский линейный N I батальон. **16 февраля 1834 г.**

Из него в Ставропольский казачий полк с переименованием в урядники. **1 июня 1836 г.**

Зауряд-хорунжим **23 мая 1840 г.**

За отлично усердную службу про изведен в 32 года в хорунжии. **1 апреля 1842 г.**

Назначен заседателем в Полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска. **7 декабря 1845 г.**

Уволен с этой должности зачислением в комплект 1-го Ставропольского казачьего полка. **16 июня 1846 г.**

Назначен **начальником** Михайловской станицы. **22 ноября 1848 г.**

От должности уволен с зачислением в Ставропольский казачий полк. **19 октября 1855 г.**

Назначен начальником Михайловской же станицы. **23 февраля 1856 г.**

В 1855 г. за пожертвование на военные пособия денег, в числе дворян Кавказского линейного казачьего войска, удостоился получить Высочайшую благодарность.

По Высочайшему повелению, объявленному в приказе господина министра по иррегулярным войскам от 25 марта 1857 г. N 7 уволен от службы за выслугой лет.

Член-корреспондент Ставропольского губернского статистического комитета. 1 марта 1860 г.

В заседании Ставропольского губернского статистического комитета избран действительным членом. 16 июня 1866 г.

Избран Секретарем Ставропольского губернского статистического комитета. 16 ноября 1871 года.

Избран членом-корреспондентом ей Кавказской археологии (ныне Кавказское общество истории и археологии). 25 марта 1874 г.

Избран членом-сотрудником Императорского Кавказского медицинского общества. 2 октября 1874 г.

Избран членом-сотрудником Новороссийского общества естествоиспытателей. 20 ноября 1874 г.

Его императорским высочеством Великим Князем бывшим Наместником Кавказским пожалован за составление карты Ставропольской губернии золотую табакеркою, ценою в 275 руб. (Сообщение Директора Походной канцелярии Его Высочества от 8 декабря 1874 г. N 165, на имя Ставропольского губернатора).

Избран членом-сотрудником Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 13 сентября 1875 г.

Избран Почетным членом Нижегородского губернского статистического комитета. 16/28 февраля 1877 г.

Избран членом-сотрудником Императорского Вольного экономического общества. 20 марта 1877 г.

По приказанию бывшего Наместника Кавказского и согласно предложению Ставропольского губернатора от 3 октября 1877 г. N 2044 командирован в г. Тифлис, в помощь Инструктору Кавказского Коннозаводского округа Действительному Статскому советнику Датерихсу, для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд в Кубанской и Терской областях и Ставропольской губернии. Приказом по Главному Государственного коннозаводства назначен на должность корреспондента по Кавказскому краю. 21 февраля 1878 г.

За составление обзора XXVII летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества, по учебному заведению Св. Александры, пожалован Государыней Императрицей золотым перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантами. 16 апреля 1878 г.

Избран действительным членом Кубанского статистического комитета. 30 января 1881 г.

Избран почетным членом Кубанского статистического комитета. 26 февраля 1883 г.

За отлично усердную службу пожалован Орденом Св. Анны III-й степени. 24 мая 1885 г.

Избран членом-соревнователем Ставропольского медицинского общества. 16 апреля 1885 г.

ЖЕНАТ третьим браком на дочери коллежского Ассессора Сабо, девицы Марии Петровны. От третьего брака СЫН Иосиф, родился 10 января 1877 г., воспитывается в Ставропольской гимназии мужской.

Сам И.В. Бентковский получает со держание – 750 руб. в год.

Источник: РГИА. – Ф.1290. – Оп. 2. – Д. 212. – Л. 470-479.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Я.В.* И.В. Бентковский: Некролог // Северный Кавказ. – 1890. – № 66. – С. 2.
2. *Адрес И.В. Бентковскому* по случаю десятилетнего юбилея его ученой деятельности // Кубанские областные ведомости. – 1881. – № 48.
3. *Бентковский И.В.* Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. – Вып. 2. – С. 31-63.
4. *Бентковский И.В.* Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1874. Вып. 6. – 158 с.
5. *Бентковский И.В.* Ставропольский губернский статистический комитет с 1858 по 1883 годы. Доклад члена-секретаря в общем заседании Комитета 25 ноября 1883 года в день 25-летнего юбилея. – Ставрополь: Типография Губернского правления, 1883. – 79 с.
6. *Бентковский Иосиф Викентьевич* // Памятные даты Ставропольского края на 1992 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1991. – С. 55-71.
7. *Бентковский Иосиф Викентьевич*: Некролог // Кубанские областные ведомости. – 1890. – № 35.
8. *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 528 с.
9. Библиографический указатель [статей, монографий И.В. Бентковского] // Ставропольские губернские ведомости. – 1881. – № 45.
10. Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В. Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по 1888г. // Труды Ставропольской архивной комиссии. – Ставрополь, 1910. – Вып. 2. Отд. 5. – С. 1-10.
11. *Венгеров С.А.* Бентковский, Иосиф Викентиевич, статистик и этнограф // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 6-и т. Т. 3.: Бенни – Боборыкина. – СПб., Типо-Литограф. И.А. Ефрона, 1892. – С. 12-16.
12. *Водолажская В.* У истоков краеведения // Ставропольская правда. – 1985. – 14 июля.
13. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 80.
14. ГАСК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 1.
15. ГАСК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 4.
16. ГАСК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 65.
17. ГАСК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 95.
18. ГАСК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 195.
19. ГАСК. – Ф. 101. – Оп. 4. – Д. 2425.
20. ГАСК. – Ф. 101. – Оп. 4. – Д. 2483.
21. ГАСК. – Ф. 101. – Оп. 4. – Д. 2544.
22. ГАСК. – Ф. 188. – Оп. 37. – Д. 19.
23. ГАСК. – Ф. 188. – Оп. 37. – Д. 80.
24. ГАСК. – Ф. 198.
25. ГАСК. – Ф. 322.
26. *Городецкий Б.М.* Кто и как изучал Кубанскую область: Доклад, прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февр. 1912 г. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. – 1912. – Вып. – V. – С. 7-24.
27. *Госданкер В.В.* «...Весь вылился в своих трудах» // Северо-Кавказский регион (Информационно-аналитический вестник представительства Президента Российской Федерации). – 1999. – № 1(5). Февраль. – С. 74-75.

28. *Госданкер В.В.* Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812-1890) (Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности) // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14. – Ставрополь, 1976. – С. 222-251.
29. *Загурский Л.П.* И.В. Бентковский: Некролог // Кавказский календарь на 1891 год. Отд. 1: приложения. – Тифлис, 1890. – С. 1-5.
30. Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Архив ИИМК РАН). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8. 1864.
31. Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Архив ИИМК РАН). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 27. 1862.
32. По поводу предстоящего десятилетнего юбилея ученой деятельности И.В. Бентковского // Кубанские областные ведомости. – 1881. – № 46 – 21 ноября. – С. 2.
33. *Прозрителев Г.Н.* Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета // Сборник сведений о Северном Кавказе. – 1909. – Т. 2. – С. 1-55.
34. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 982.
35. РГАДА. – Ф. 1628. – Оп. 1. – Д. 12.
36. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1268. – Оп. 10. – Д. 168.
37. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 1. – Д. 46.
38. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 1. – Д. 310.
39. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 212.
40. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 855.
41. *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России: в 2-х кн. Кн. I. Современное русское архивное нестроение. 1852-1902. – М.: Московский архив Министерства юстиции, 1902. – 168 с.
42. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГКМ). – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 4.
43. СГКМ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 13.
44. СГКМ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 131.
45. Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь: ГП Ставропольская краевая типография, 1997. – С. 57-69.
46. *Фунтикова Т.И.* И.В. Бентковский. (К 100-летию со дня смерти) // Ставропольская правда. – 1990. – 28 августа.
47. *Ховен И.Р. фон дер.* Мое знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в кавказских войсках в 1835-36 годах (Рассказ очевидца) // Древняя и новая Россия. – 1877. – Т. 1. № 2. – С. 222-224.

УДК 93/99 "18" (470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-188-208

И.В. БЕНТКОВСКИЙ – СЕКРЕТАРЬ СТАВРОПОЛЬСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

М.Е. КОЛЕСНИКОВА

Северо-Кавказский федеральный университет
355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: kolesnikovam@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной научной проблеме – истории становления северокавказского краеведения и развития историописания в российской провинции во второй половине XIX в. В центре внимания – история создания и деятельности Ставропольского губернского статистического комитета и его секретаря – Иосифа Викентьевича Бентковского (1812-1890). Делается вывод, что в результате деятельности Ставропольского губернского статистического комитета был собран богатый археологический, этнографический и статистический материал по истории Северного Кавказа. Значительная роль в процессе его научного изучения принадлежит ученому секретарю Ставропольского губернского статистического комитета – И.В. Бентковскому. Впервые на основе архивных материалов в статье представлена его биография и основные направления общественной и научной деятельности: археологическое, этнографическое, археографическое, историко-краеведческое, охрана памятников древности, музейное, просветительское и издательское. В приложении опубликован формулярный послужной список Иосифа Викентьевича Бентковского за 1889 г.

Ключевые слова: Иосиф Викентьевич Бентковский; Ставропольская губерния; Ставропольский статистический комитет; краеведение; археография; провинциальная историография.

I.V. BENTKOVSKY – SECRETARY OF STAVROPOL STATISTICAL COMMITTEE

M.E. KOLESNIKOVA

*North-Caucasian Federal University
355009, Stavropol, Pushkin st., 1
E-mail: kolesnikovam@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to the topical scientific problem - the history of the formation of the North Caucasian regional studies and the development of historical writing in the Russian province in the second half of the 19th century. The history of the creation and activities of the Stavropol provincial statistical committee and its secretary – Iosif Vikentyevich Bentkovsky (1812-1890) is in the spotlight of research. It is concluded that as a result of the activities of the Stavropol Provincial Statistical Committee, rich archaeological, ethnographic and statistical material on the history of the North Caucasus was collected. A significant role in the process of its scientific study belongs to the academic secretary of the Stavropol Provincial Statistical Committee – I.V. Bentkovsky. For the first time on the basis of archival materials the article presents his biography and main directions of his social and academic activities: archaeological, ethnographic, archeographic, historical and local history, protection of ancient monuments, activities in museum, enlightenment and publishing spheres. In the supplement the official formulary service record of Iosif Vikentyevich Bentkovsky for 1889 is published.

Key words: Iosif Vikentyevich Bentkovsky; Stavropol province; Stavropol statistical committee; regional studies; archeography; provincial historiography.

Наши авторы

Азикова Юзанна Мартиновна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: azik-uu.84@mail.ru

Ахматханова Лаура Хуважибаудыевна – старший лаборант отдела этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
E-mail: Lora086@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – к.и.н., доцент, заведующий Центром социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
E-mail: kbncran@mail.ru

Варивода Наталья Владимировна, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: variks1@yandex.ru

Гарсаев Ахмед Магомедович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: a.garsy@mail.ru

Гарсаева Марем Магомедовна – старший преподаватель кафедры чеченской филологии Чеченского государственного педагогического университета
E-mail: Lora086@mail.ru

Гарсаев Лейчий Магомедович – д-р ист. наук, профессор, зав. отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
E-mail: garsaev52@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – д.и.н., профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: kbigi@mail.ru

Колесникова Марина Евгеньевна – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории России СКФУ
E-mail: kolesnikovam@rambler.ru

Коновалов Андрей Анатольевич – к.и.н., доцент кафедры истории России ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: homunculus2@yandex.ru

Кумахова Заират Хасанбиевна – аспирант 3 года обучения ИИФиСМИ КБГУ направления 46.06.01 – Исторические науки и археология (направленность – 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология)
E-mail: kzaira@list.ru

Максимчик Андрей Николаевич – к.и.н., доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета
E-mail: forest_child@list.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории России ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: lena_gm@mail.ru

Мурзаханов Юрий Исаевич – к.и.н., доцент, заместитель директора Малой школьной академии КБГУ
E-mail: murzahanovuirii@mail.ru

Ортанова Юлия Аслановна – магистрант 2 г.о. направления «История» ИИФиСМИ КБГУ
E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru

Ошроев Рубен Германович – к.и.н., доцент, руководитель группы по изучению проблем современного развития общества Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: kbigi@mail.ru

Чекалов Петр Константинович – д-р филол. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ГБУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования»
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2017